Стрелецкий Валерий Андреевич

Мракобесие

Москва, 1998

«Как и повсюду, чиновники в большинстве своём были людьми коррумпированными и бессовестными, раболепными перед высшими, думающими лишь о собственных интересах и совершенно не имеющими национального чувства». Князь Феликс Юсупов

* * *

Впервые имя Валерия Стрелецкого, одного из руководителей Службы безопасности Президента России, стало известно широкой публике летом 1996 г., после скандального выноса коробки с полумиллионом долларов из «Белого дома».

Всю жизнь В. Стрелецкий оставался в тени. Заговорил он только сейчас, уже после развала СБП.

Автор описывает секретные операции, сановные скандалы, свидетелем или участником которых он был, раскрывает подоплёку многих закулисных тайн.

В книге рассказывается, как иностранные спецслужбы вербовали ближайших соратников президента, откуда на счетах первых лиц правительства миллионы долларов, что происходило драматической июньской ночью, итогом которой стали отставки А. Коржакова, М. Барсукова, О. Сосковца. Её герои не исторические персонажи, а сегодняшние политики и чиновники, люди, стоящие во главе государства. Для широкого круга читателей.

Предисловие

Из окон моего кабинета в «Белом доме» была видна помойка. Самая обычная, знакомая каждому российскому человеку помойка - огромные баки, горы мусора. Единственное её отличие от всех прочих - помойка была правительственной.

С улицы мусорные баки постороннему взору были недоступны. Увидеть их можно было только из окон «Белого дома»...

Живописный пейзаж встаёт у меня перед глазами всякий раз, когда я вспоминаю о своей прежней работе. По сути, мне, начальнику отдела «П» Службы безопасности президента, приходилось копаться точно в таком же мусоре, который был точно так же укрыт шикарным забором «Белого дома».

О работе отдела «П» мало кто знал. Мы старались действовать тихо, без лишнего шума. Нашей задачей было обезопасить правительство от иностранных спецслужб и преступных группировок, бороться с коррупцией в «Белом доме».

Допускаю, что многие удивятся, услышав об этом. Мол, как же так: кто позволит «копать» под министров и вице-премьеров!

Возможным это стало лишь после октября 1993-го. Осенний путч окончательно убедил президента Ельцина в том, что постсоветские спецслужбы ему не союзники, и он решил, что нужно создавать свой мини-КГБ. Так появилась Служба.

То, что вы держите в руках, не мемуары. Скорее, записки очевидца.

Мои «персонажи» пока ещё не исторические лица. Они продолжают оставаться во главе государства. Эти люди без зазрения совести клянутся с газетных страниц и экранов ТВ в любви к России, в бесконечной преданности народу, в своей честности и неподкупности.

Я же хочу, чтобы их увидели такими, какие они есть в действительности, без сусальной позолоты, грима и имиджмейкерства.

Общество должно знать своих «героев»... Итальянский журналист Джульетто Кьеза прав на все сто, когда пишет в своей книге «Прощай, Россия»:

«Нынешнее российское руководство является для России раковой опухолью. Оно не отдаёт себе отчёта, что погибнет вместе с огромным телом, к которому оно присосалось. Даже не заметив, что именно оно его и убило» (Кьеза Дж. «Прощай, Россия». М., 1997.

С. 79.)

И ещё:

«Я вижу, что проводящийся в России до сих пор курс губителен для всех ценностей, существовавших и существующих в этой стране, для культуры, духовности, науки и её мировой роли, как государства». (Там же. С. 4.) Такое чувство, что итальянец Кьеза куда более русский, чем все мы.

Единственно, мне не хотелось бы, чтобы вы восприняли «Мракобесие» как очередной виток «войны компроматов». Это не «война компроматов», а борьба правды с государственной ложью. Я не преследую никаких личных, корыстных интересов. Чувство мести мне тоже не знакомо.

Да и потом, всё, о чём я пишу, хорошо известно и президенту, и премьеру. Мы много раз докладывали о происходящем «отцам нации», но никаких мер не принималось. Всё осталось, как прежде.

Конечно, не в правилах офицеров спецслужб рассказывать о своих делах. Но иного выхода нет. В средствах массовой информации было вылито столько грязи на СБП, А. В. Коржакова и меня лично, что в старое время это стало бы поводом для дуэли. Но сегодня дуэли не в чести. Слишком многим пришлось бы бросать перчатку.

Искренний рассказ о том, что я знаю, - единственно возможный «наш ответ Керзону».

Да и где гарантия, что материалы о коррупции и злоупотреблениях высокопоставленных сановников не попали в руки преступных группировок или - того чище - к иностранным спецслужбам? Где гарантия, что, раздобыв такие документы, иностранные спецслужбы и преступники не попытаются ими воспользоваться? Например, не начнут шантажировать этих самых чиновников, которые на языке спецслужб именуются «потенциальными объектами вербовки». Такой гарантии нет и быть не может. Теперь же, обнародуя эти взрывные материалы, я тем самым выбиваю почву из-под ног шантажистов и - что делать спасаю замаравшихся сановников.

Принять решение взяться за перо мне было не просто. По разным причинам. Я признателен всем, кто поддержал меня в этом.

Спасибо столичному Фонду содействия решению проблем социально-экономического развития страны «Возрождение Отечества» за финансовую поддержку.

Особая благодарность всем сотрудникам СБП, моим боевым

товарищам и коллегам. Результаты их работы - в книге.

Моя искренняя признательность друзьям журналистам. Без их профессиональных советов и доброжелательного участия вряд ли бы эта книга состоялась.

В эту книгу вошла только незначительная часть того, что я видел и знаю. Появится ли вторая книга - покажет время...

Не боги горшки обжигают

Когда я вошёл в кабинет к Коржакову, там уже находился незнакомый мне лобастый мужчина. Брови у мужчины были плотно сдвинуты.

Коржаков глыбой возвышался над столом. Под мышкой - кобура с пистолетом ПСМ. В сравнении с огромным, мощным телом начальника СБП пистолет выглядел маленьким пятнышком.

Александр Васильевич представил меня лобастому. Мне - в свою очередь его. Это был Михаил Иванович Барсуков. Руководитель Главного управления охраны и комендант Кремля.

- Хотим тебе дать напутствие, - сказал Барсуков. - Работа предстоит тяжёлая. Неподъёмный груз. Смотри, что творится в стране. Чиновники вконец обнаглели. Не стесняясь берут взятки, лоббируют интересы коммерческих структур. Твоя задача навести в аппарате правительства порядок. Но... - Михаил Иванович повращал глазами и продолжил: - Действовать надо осторожно. В правительстве работают и уважаемые люди. Видеть в каждом жулика - нельзя. Будь с ними вежлив. С наскоку не прыгай. Сто раз отмерь - один раз отрежь. Прежде чем что-то предпринять, лучше сначала посоветуйся. Запомни: осторожность - превыше всего!

Всё то время, пока Барсуков говорил, Коржаков молчал.

Только глядел исподлобья. Потом неожиданно резко произнёс:

- А я не согласен. Миндальничать нельзя... Он откинулся на спинку высокого кресла.

- В общем так. Мы приняли окончательное решение назначить тебя **руководителем отдела по борьбе с коррупцией и должностными преступлениями в правительстве.** Сейчас пойдём, я представлю тебя Черномырдину. Он как раз в кабинете у Бориса Николаевича. Подожди пару минут...

Я сел на мягкий диван в приёмной, посмотрел на стены, на мебель. Подумал: отныне вот это всё буду видеть почти каждый день, теперь это моя работа.

Вспомнил Петровку. Конечно, она не чета Кремлю. Но там я знаю каждую выбоинку на ступеньках узкой мраморной лестницы, каждую трещину на потолке своего кабинета. Там друзья.

Настоящие, не раз проверенные, огнём в том числе.

А здесь... Чёрт его знает, как всё сложится...

Если бы ещё лет пять назад кто-то сказал мне, что я буду

бороться с коррупцией в российском правительстве, я бы, наверное, рассмеялся.

Занимался я совсем другими вещами.

Двадцать лет прослужил в московской милиции. Прошёл путь от лейтенанта до подполковника. Работал и на «земле» - в 96-м отделении, и в районном угрозыске. Потом перешёл в МУР - Московский уголовный розыск. Последние пять лет был начальником 7-го отдела по борьбе с мошенничеством и кражами автотранспорта.

Работой своей я был доволен. Мечтал о ней с детства.

(Впрочем, о чём ещё мог мечтать начитавшийся детективов пацан из маленького украинского городка?) Но всё решил случай... В начале 1994 г. мой отдел «вышел» на группу, которая занималась кражами автомашин. При обыске в спорткомплексе «Измайлово» - там была база преступников - у одного из авторитетов коптевской группировки мы нашли удостоверения сотрудников МУРа и Службы безопасности президента.

Пришлось обращаться в СБП.

При внимательном изучении оказалось, однако, что удостоверения фальшивые, цветная ксерокопия. Тем не менее моё первое знакомство с «бандой Коржакова» состоялось.

С начальником отдела кадров СБП Виктором Медынцевым, люди которого приезжали за удостоверением на Петровку, мы даже стали поддерживать полуприятельские отношения. Выяснилось, что мы оба - начинающие теннисисты. Договорились встретиться на корте, стали периодически играть.

Честно говоря, никакого значения этому знакомству я не придал.

Поэтому, когда однажды Медынцев позвонил и попросил приехать в Кремль, я совсем не удивился. Мало ли зачем я мог понадобиться СБП...

Как настоящий кадровик, Виктор Иванович ничего конкретного мне не сказал. Расспрашивал о жизни, о планах на будущее.

Я честно признался, что думаю уходить из МУРа. После ухода профессионалов высочайшего класса, честных и принципиальных руководителей - Анатолия Николаевича Егорова и Юрия Григорьевича Федосеева, с новыми у меня отношения явно не складывались.

Медынцев хитро улыбнулся и... вскоре опять позвал в гости.

Спросил, не хотел бы я поработать в СБП.

Над его предложением думал я недолго. Оно показалось заманчивым, тем более что всё равно нужно было искать новое место.

О том, какую должность мне предлагают, Медынцев сообщил только во время четвёртой или пятой встречи. Надо отдать ему должное - в Службе языком зря не мололи…

Уже впоследствии, став сотрудником СБП, я узнал, что, пока мы в МУРе боролись с бандами угонщиков, Коржаков решил создать два новых подразделения - отделы под кодовыми названиями «К» и «П». Первый должен был заниматься борьбой с коррупцией и прочими должностными преступлениями в администрации президента, второй - в правительстве.

После долгих дебатов, кто лучше справится с работой - чекист или милицейский опер, в СБП пришли к мнению, что милицейская школа всё же предпочтительнее, по крайней мере для отдела «П».

В поисках подходящих кандидатур кадровики СБП облазили всю Петровку. Даже добыли психологические портреты руководства ГУВД и МУРа. В «поминальный» список попали несколько человек. В том числе и я...

Когда впервые я вошёл в 14-й корпус Кремля, меня охватило непривычное волнение. Я - парень из провинции - пачкаю грязными ботинками ковры, по которым раньше ходили только члены Политбюро. К тому же меня терзали сомнения относительно предстоящей встречи с Коржаковым. Начальника СБП я видел только по телевизору и только рядом с президентом. На экране он казался жёстким и надменным. Но стоило Коржакову улыбнуться, как все мои тревоги моментально исчезли. Так улыбаться могут только хорошие русские мужики. Позже я понял: у Коржакова - два лица: одно - суровое, недовольное, сдвинутые брови, тяжёлый пристальный взгляд, другое - доброе, с мужицкой хитринкой.

- Ты когда-нибудь имел дело с чиновниками правительства? - спросил он.

- Кто ж меня пустит в правительство?

- Ничего, не боги горшки обжигают…

* * *

Но вернёмся туда, откуда я начал, - в приёмную Коржакова, где сидел на мягком диване и ждал Александра Васильевича.

Встреча эта была, по сути, заключающей и не первой - с Коржаковым мы до этого беседовали уже несколько раз. Всё было

обговорено и решено, приказ о моём назначении заготовлен.

Однако не представить меня Черномырдину Коржаков не мог. Всё-таки мне предстояло работать в «Белом доме».

Ждать пришлось недолго. Минут через десять Александр Васильевич вышел из кабинета. Кивнул на ходу. Я - за ним.

Пришли в приёмную президента - премьер должен был вот-вот выйти из кабинета Ельцина.

Откровенно говоря, президентская приёмная впечатления на меня не произвела. Обычные чиновничьи апартаменты. Стол секретаря. Кресла для посетителей. Свежие газеты. Трое охранников. Умом-то я понимал, что ничего сверхъестественного здесь не увижу. И всё же русская натура давала себя знать. Нам всегда кажется, что простые люди управлять страной не могут. А раз люди непростые, то и всё, что их окружает, должно быть особенным...

Ещё большее разочарование я почувствовал, увидев Черномырдина. Он был ниже меня почти на голову. Об огромном Коржакове и говорить не приходится.

- Виктор Степанович, - сказал А. В. - Познакомьтесь. Это Валерий Андреевич Стрелецкий, начальник отдела «П».

Черномырдин протянул мне руку:

- Приятно слышать. Я сам просил Александра Васильевича, чтобы ко мне в «Белый дом» определили такой отдел. Здесь, в Кремле, хоть рамки металлоискателя. А у нас ничего. Можно брать живыми, как куропаток. Читал, наверное? «Властелина»-Соловьёва ходила по зданию, как у себя дома. (В силу своего высокого должностного положения Ч. В. С. к абсолютному большинству .людей обращался на «ты». В том числе к малознакомым.) В общем, давай приступай к работе. Будут какие-то проблемы - обращайся сразу ко мне. Всё решим.

Он по-отечески, как и подобает второму лицу в государстве, улыбнулся и, немного косолапя, пошёл руководить страной.

Коржаков посмотрел вслед премьеру, хитро улыбнулся, но ничего не сказал.

Только потом я понял, что крылось за этой улыбкой...

* * *

Приказ о назначении меня начальником отдела был подписан 30 ноября 1994 г.

В отличие от Барсукова никаких особых напутствий Коржаков

мне не давал. Сказал только, что всякого рода аморалки (бабы, пьянки) его не интересуют и что заниматься сбором такой информации мне не следует.

- Ты опер, поэтому решай сам, как тебе работать.

На тот момент в штате отдела «П» было всего четыре человека. Все - бывшие чекисты.

И тем не менее первый серьёзный материал по коррупции мы принесли Коржакову уже через месяц.

По-моему, он сам такого не ожидал. Впрочем, как и я...

Первое дело-1: Геннадий Петелин

Может ли честный чиновник заработать десятки миллионов долларов? Ответ очевиден.

Однако ни премьера, ни президента это, похоже, не заботит.

Человек, на чьём счету в словацком банке «Австрия» мы обнаружили десятки миллионов «зелёных», и по сей день продолжает спокойно работать в «Белом доме».

Это руководитель секретариата Черномырдина - Геннадий Петелин. Правая рука премьера.

Именно история миллионера Петелина и стала первым делом новосозданного отдела «П». Но обо всём по порядку...

* * *

В ноябре 1994 г. я приступил к работе в должности начальника отдела СБП. Звучит это громко.

В действительности никакого отдела не было тогда и в помине. Четыре сотрудника, небольшой кабинет на Варварке, телефон правительственной связи - вот, собственно, и всё.

Мои новые подчинённые встретили меня вполне доброжелательно. Нутром, правда, я чувствовал их напряжение - чекисты относятся к милиционерам без особой любви. (Так уж исторически сложилось.) Но виду никто не показывал.

По счастью, отделу как раз выделили помещение в «Белом доме». В сборах, переездах и хозяйственных делах мы и притёрлись друг к другу.

Поскольку отдел был только что создан, никаких серьёзных материалов ребята ещё не собрали. Всё ограничивалось лишь несколькими анонимками на сотрудников аппарата правительства.

(Впоследствии, впрочем, одна из них легла в основу оперативной разработки по линии ШП - шпионаж.) Работу надо было начинать практически с нуля. Тут-то и подоспела прелюбопытнейшая информация. Якобы кто-то из высокопоставленных сотрудников аппарата правительства пролоббировал квоту на нефть одной малоизвестной фирме, причём деньги, причитающиеся государству от этой сделки, в казну не попали.

Кто именно пролоббировал квоты? С какой целью? Ничего этого источник информации не знал. Указал только фирму - АО «Проминформбизнес» и её президента.

Первое, что я сделал, - попросил сотрудников узнать, приходил ли когда-нибудь президент фирмы Родимов в «Белый дом» и если да, то к кому. Выяснилось, что приходил. Пропуск заказывала секретарь Геннадия Петелина, руководителя секретариата Черномырдина. Ниточка потянулась...

Стали разбираться. Уже первые материалы показали: что-то здесь не ладно.

Не могла такая заштатная, никому не известная фирма, как АО «Проминформбизнес», получить право на экспорт 2,5 миллиона тонн нефти. Это очень солидная часть от ежегодного российского экспорта «чёрного золота». Особенно если учесть, что раньше нефтью фирма не занималась.

Официально дело выглядело так: в мае 1994 г. президент АО «Проминформбизнес» Родимов обратился с письмом к премьер-министру Черномырдину с просьбой дать ему право на реализацию 2,5 миллиона тонн нефти и полностью (!) освободить от налогов. В том же мае Комиссия по оперативным вопросам правительства (под председательством О. Н. Сосковца) постановила: поддержать просьбу и освободить фирму от уплаты таможенных пошлин, так как нефть выделяется для государственных нужд.

Если кто-то из читателей хоть раз соприкасался с «Белым домом», то наверняка знает: степень бюрократии и волокиты тут огромна. За пару недель пробить постановление мог бы только Дэвид Копперфильд, да и то вряд ли.

Здесь же всё решилось в считанные дни. Дальше - больше.

Поскольку АО «Проминформбизнес» получило государственные квоты, в действие вступали иные законы, работающие по следующей схеме: фирма получает нефть у нефтедобывающих предприятий, продаёт её за рубеж; часть полученных денег возвращает добытчикам, всё остальное - государству. Прибыль фирмы исчисляется процентами от сделки: примерно от 2 до 4%. При этом никаких налогов спецэкспортеры не платят.

По идее, в нашем случае всё должно было произойти именно так. Однако вырученную за границей валюту АО «Проминформбизнес» в бюджет не внесло. Ни в Министерстве внешней экономики, ни в каком другом месте следы этих денег найти не удалось. А суммы, надо отметить, немалые. Казне причиталось примерно 100 миллионов долларов.

Мы подготовили справку, и я пошёл с ней к Коржакову. В тот момент он как раз лежал в ЦКБ вместе с президентом (у Ельцина была операция носовой перегородки).

Шеф внимательно прочитал документ. Потом поднял трубку спецсвязи, набрал номер первого вице-премьера Сосковца.

- Олег Николаевич, как же так получилось: ты выделил квоту на 2,5 миллиона тонн нефти неизвестно кому? Деньги исчезли... Сосковец говорит, - продолжил Коржаков, попрощавшись с О. Н., что перед заседанием КОВа (Комиссии по оперативным вопросам. - В. С.) к нему подошёл Петелин, сказал, что нужно принять постановление.

Сосковец понимал, что Петелин - правая рука Черномырдина и всё, что делает правая рука, одобрено и санкционировано премьером.

- То-то я смотрю, когда встречаемся, он всегда прячет глаза, - в сердцах бросил Коржаков. - Выходит, неспроста... Давай начинай серьёзную работу.

- Александр Васильевич, мне кажется, уместнее подключить к этому вопросу ФСБ. У них возможностей сейчас побольше.

- Ладно.

На следующее утро я пришёл к тогдашнему заместителю директора ФСБ и одновременно и. о. начальника московского управления Службы Николаю Дмитриевичу Ковалёву. (После отставки Барсукова он стал «хозяином» Лубянки.) Первое впечатление о Ковалёве у меня сложилось неплохое. Спокойный, неторопливый - настоящий опер. Когда он читал нашу справку, его лицо не выражало, вообще, никаких чувств. Маска - да и только.

- Что ж, материалы серьёзные. - Николай Дмитриевич, надо двигать. Получать санкцию на «прослушку» Петелина, Родимова.

- Ну-у-у-у...

Ковалёв задумался. Как и всякий чекист, он очень осторожен.

Иначе вряд ли ему удалось бы без всякого блата с младших оперов дорасти до директора.

Дабы подстраховаться, он ещё раз перезвонил Коржакову, уточнил все детали и только тогда согласился.

Встретились мы на другой день в приёмной и. о. генерального прокурора Ильюшенко. Вместе вошли в кабинет. Ильюшенко говорил с нами отрывисто, короткими фразами. На его лице было написано выражение государственной озабоченности. - Так. Что? Где?

Он быстро пролистал справку, приложенные документы.

Настолько быстро, что я даже подумал: он не читает, а только делает вид.

- Подлецы! Какие подлецы! Когда же они наворуются... Кстати, а кто качает нефть?

Мы уже знали об отношениях Ильюшенко с нефтяной фирмой «Балкар-Трейдинг». Поскольку прокачку «чёрного золота» начинала «Нафта-Москва» (об этом ниже), а впоследствии передала это право «Балкару», я, не моргнув глазом, ответил: - «Нафта-Москва».

И. о. облегчённо вздохнул и всё подписал. Санкция на прослушивание телефонов была дана.

Уже из первых записей их разговоров следовало: отношения Родимова и Петелина явно выходят за служебные рамки...

Александр Петрович Родимов - человек настолько интересный, что рассказать о нём следует отдельно. В отличие от прочих авантюристов, типа Якубовского, Родимов появился не с улицы. Он - генерал-майор Советской Армии. В 1989-1992 гг. возглавлял Московский радиотехнический НИИ. Время это было смутное, чем некоторые мздоимцы очень умело пользовались.

Находясь на воинской службе, он принимал участие в создании коммерческого банка. Перечислил туда крупную сумму денег, выделенную его институту на научно-исследовательские проекты.

В результате оборонные разработки были сорваны, а Родимов «снял» с этой операции крупный куш. Провернул он и ряд других афёр. По нашим прикидкам, генерал сумел «заработать» десятки миллиардов рублей (по тем ещё ценам).

Хотя специальная комиссия Минобороны вскрыла финансовые злоупотребления, никакого наказания Родимов не понёс, несмотря на то что все материалы о его злоупотреблениях оказались в военной прокуратуре. Там провели проверку и... отказали в возбуждении уголовного дела. (Только весной 1996 г., когда СБП повторно направила материалы в прокуратуру, дело всё же было возбуждено.) Безнаказанность вдохновляла Родимова на всё новые и новые «подвиги». В материалах проверки имелось письмо Александра Петровича на имя зам. министра обороны Константина Кобеца. В нём Родимов просил оказать содействие в поставках вооружения и боевой техники за рубеж. Рядом прилагался длинный список «искомого». По оперативной информации, это оружие Родимов хотел переправить в Ливию.

В начале 90-х гг. он тайно встречался с ливийскими представителями. Вёл переговоры.

Речь шла не только о неофициальной переброске оружия. По крайней мере были документы, где подробно излагались механизмы «прокачки» 6 миллиардов долларов США через один из

коммерческих банков. 300 миллионов «зелёных» должны были достаться непосредственно лидерам «Революционной ливийской джамахирии» - Каддафи и Джеллуду.

Аналогичные переговоры вёл Родимов и с представителями Тайваня, которые мечтали заполучить при помощи одной из фирм Родимова - НПО «Астра» - крупную партию современного тяжёлого вооружения (в том числе самолёты и подводные лодки).

Вот с таким своеобразным человеком и сошёлся Петелин - правая рука премьер-министра России...

* * *

За несколько недель удалось узнать очень много интересного. Петелин и Родимов явно ничего не боялись и действовали без опасений.

Вскоре встал вопрос о том, что в отношении наших «подопечных» следует действовать более настойчиво. Здесь-то я и столкнулся с истинными нравами, которые царят в коридорах власти. Двадцать лет службы в милиции приучили меня к тому, что своим товарищам можно и нужно доверять. (В пределах разумного, конечно.) Обращаясь за помощью к коллегам из других милицейских или чекистских подразделений, я знал наверняка: мне не откажут и уж, понятно, не продадут. Наивный! Кто же мог представить, что законы морали в грубой оперской среде намного чище, чем в вылощенном Главном управлении охраны...

На тот момент отделом охраны «Белого дома» командовал полковник ГУО Виктор Фролов. Вроде бы наш «боевой товарищ». К этому «боевому товарищу» я и обратился с просьбой провести меня в кабинет Петелина.

- Зачем? - удивлённо поинтересовался Фролов.

- В этом есть оперативная необходимость.

Фролов нехотя согласился. Мы поднялись на этаж, пошли по длинному коридору.

Навстречу медленной походкой двигался очкастый человек небольшого роста, в типичном чиновничьем костюме.

- Это Петелин, - шепнул мне на ухо Фролов. Отчасти я даже обрадовался такой неожиданной встрече. Увидеть Петелина воочию хотелось давно, поскольку знал я его исключительно по рассказам.

Говорили, что Петелин обладает феноменальной памятью.

Без труда может вспомнить содержание любого документа, который когда-либо подписывал Черномырдин. Дескать, голова

Петелина напичкана всякого рода ценнейшей информацией: законами, постановлениями, указами.

Не удивительно, что премьер столь высоко ценит его. Главе правительства нужен именно такой помощник - незаметный, исполнительный, расторопный и башковитый. Черномырдин не расстаётся с ним уже много лет: Петелин был начальником административного отдела «Газпрома», начальником секретариата Минтопэнерго. Вместе они пришли и в правительство...

Увидев Фролова, Петелин обрадовался. Пригласил зайти к нему в кабинет. Об этом можно было только мечтать. Пока Петелин рассказывал, как он справлял Новый год и сколько было выпито спиртного (дело происходило в первых числах января), я незаметно осмотрел апартаменты. Даже прошмыгнул в комнату отдыха. Увидев всё, что нужно, откланялся.

На следующий день нас ждал сюрприз...

Утром, когда мы с моим замом сидели у меня в кабинете и пили чай с баранками, в дверь неожиданно постучали. На пороге возник начальник личной охраны премьера Александр Сошин.

До этого момента черномырдинского телохранителя я видел всего один раз, когда руководитель СБП знакомил меня с премьером.

- Это мой Коржаков, - гордо сказал тогда о Сошине Виктор Степанович.

Встретили мы Сошина радушно. Налили ему чая, усадили в мягкое кресло. Завязался ничего не значащий разговор. Постепенно тема беседы плавно перешла на нашу работу.

- Вы же понимаете, - вещал Сошин, - здесь правительство. Люди знают друг друга давно. Друг другом дорожат.

- Хотите нормально работать - берите пример с меня. Советуйтесь, не стесняйтесь. Если есть какие-то вопросы конфиденциального характера, обращайтесь к Петелину. Геннадий Васильевич знает всё. Всегда поможет.

Мы с моим замом переглянулись. Сошин же продолжал заливаться соловьём.

- Петелин - правая рука Виктора Степановича. Отнять у него Петелина - всё равно что отрезать руку. Виктор Степанович очень серьёзно относится к кадрам. Эта практика выработана годами. Он считает: пусть лучше человек украдёт на 10%, но на 90% сделает как надо.

У Александра Ивановича Сошина - простое, добродушное лицо. И

сам он - высокий, плотный, с благородными сединами, предназначенными внушать доверие. Только не нам. Возможно, охранник он неплохой. Но опер никудышный. Как Сошин ни старался, скрыть истинную причины своего прихода ему не удалось.

Когда за ним закрылась дверь, я спросил у зама:

- Твоё мнение?

Первое дело-2: Геннадий Петелин

Несмотря на то что Петелин и Родимов почувствовали опасность, мы продолжали раскручивать это дело.

В том, что начальник охраны «Белого дома» предупредил их, я окончательно убедился, когда узнал о состоявшемся между ними разговоре.

- Надо бы на этих ребят прикрикнуть, - советовал Родимов Петелину. Совсем они распоясались. Пора ставить на место. Пусть лучше занимаются своими льготами и спортом.

Невероятно, но факт: два этих человека знали, что их «пасут», и тем не менее продолжали действовать в том же духе.

В ходе дальнейшей работы мы узнали, например, что тяжкий труд «лоббиста» разделяет с Петелиным и другой правительственный чиновник - консультант главы аппарата «Белого дома» Юрий Дуленко. Кстати, как и Родимов, генерал-майор.

Именно в паре с Дуленко Петелин пробивал нефтяные квоты для АО «Проминформбизнес».

Нам стало известно также и о том, что деньги, полученные от всевозможных афёр, предположительно переводились в английский «Барклай-банк».

- Встретимся в Лондоне, - сказал в одном из разговоров Петелин.

Эта брошенная невзначай фраза крайне нас заинтересовала.

Оказалось, что Петелин собирается поехать в составе правительственной делегации в Англию. В свою очередь, туда же отправляется и Родимов. (Как секретоноситель президент АО «Проминформбизнес» не имел права выезжать за рубеж до 2006 года. Тем не менее он сумел незаконно получить несколько загранпаспортов. Много раз пересекал границу.) Естественно, мы захотели выяснить, какая сила потянет этих людей к берегам Темзы. Вместе с правительственной делегацией в Лондон отправились наши сотрудники. Им необходимо было установить, как поведут себя «объекты»: где встретятся, куда поедут.

Задача не из лёгких. Не удивительно, что у ребят ничего не получилось. Петелин тоже не лыком шит. Правда, вскоре наши источники подтвердили, что интерес Петелина и Родимова к «Барклай-банку» есть. Скорее всего, там находятся их счета.

Не сладилось в одном - получилось в другом. Совершенно неожиданно на нас свалилось сенсационное известие - счёт

Петелина обнаружен в Словакии.

* * *

К середине 90-х гг. в Словакии сложилась своеобразная ситуация. В этой маленькой бедной стране сосредоточились интересы Чечни, России и Азербайджана. Полным ходом здесь шла «отмывка» нефтяных и газовых денег. Ковались состояния наших магнатов. Миллионы и миллиарды бесследно исчезали из России, чтобы всплыть в Братиславе. (Не потому ли никому неведомый Сергей Ястржембский, тогдашний посол России в Словакии, так быстро взлетел? Стал пресс-секретарём президента, заместителем главы ельцинской администрации?) Вот что писал в Министерство внешнеэкономических связей (МВЭС) в мае 95-го первый зампред Центробанка Хандруев:

«...основные каналы утечки валютной выручки от экспорта сырьевых ресурсов - это:

1. Открытие российскими экспортёрами счетов в иностранных банках.

2. Снижение цен на экспортируемые товары в целях уменьшения налогообложения и образования неучтённых фондов за границей.

3. Неэквивалентный обмен при бартерных сделках».

Тот же Хандруев приводил страшные цифры: только за 1994 г. в Россию в срок не вернулись 1,6 миллиарда долларов, вырученных от экспорта сырья. Нет сомнений, что эти деньги были прокручены аферистами международного масштаба. А сколько всего страна потеряла в результате операций сырьевых магнатов?

СБП пыталась следить за развитием ситуации. Вёлся сбор информации.

Однажды от одного из наших зарубежных источников поступил сигнал: в Словакии замешаны интересы некоего высокопоставленного российского чиновника.

Мы попросили более подробную информацию. На следующей конспиративной встрече источник сказал:

- В 1992 г. люди, с которыми я работаю, спрашивали: «А кто такой Черномырдин?» Я объяснил, что это вице-премьер правительства России. Тогда же они сообщили, что в Словакии были открыты счета на некоторых россиян, в том числе вроде бы и на Черномырдина.

Мы забеспокоились. Стали проверять. В итоге оказалось, что счёт есть, но не Черномырдина, а... Петелина.

Счёт находился в братиславском отделении банка «Австрия». В середине 1995 г. на нём лежали... миллионы долларов.

Сумма немалая. Чтобы получить столько денег, нужно провернуть не одну операцию. Что, в принципе, Петелин и делал.

Одновременно, пока шла раскрутка дела о пропаже 100 нефтяных миллионов долларов, сотрудники отдела «П» выясняли, чьи ещё интересы мог лоббировать руководитель секретариата премьера.

Результаты оказались ошеломляющими. Именно через Петелина банк «Национальный кредит» пытался стать уполномоченным банком правительства. Более чем тесные отношения связывали его с нефтяной фирмой «Балкар-Трейдинг» (глава фирмы Пётр Янчев в конце 1995 г. был арестован, обвинялся в даче взяток и. о. генпрокурора Ильюшенко) и с «Альфа-групп».

Стало очевидно, что помощь коммерсантам для Петелина не просто хобби. Это источник его настоящих доходов.

* * *

Государственная машина неповоротлива. Большинству чиновников глубоко наплевать на интересы страны. Собственный карман волнует их куда больше.

В начале 1995 г. мы попросили Контрольное управление президента провести проверку нефтяных квот АО «Проминформбизнес». Начальник ГКУ Зайцев ответил, что выделение этой фирме нефти совершенно необоснованно, хотя бы потому, что подобные квоты даются только предприятиям-производителям (постановление правительства от 6.11.1994 № 854) под конкретные целевые программы. АО «Проминформбизнес» же ничего не производило, целевой программы не имело. Но и это не главное. Проверка показала, что ни одной копейки от продажи 2,5 миллиона тонн нефти Минфин на свои счета не зачислял. А Министерство внешней экономики, вообще, не контролировало эту сделку.

«Полагаем, - заключал Зайцев, - что указанное АО должно внести на счёт Минфина РФ соответствующую сумму в валюте (ориентировочно - свыше 100 миллионов долларов США), полученную от экспорта нефти».

Казалось бы, всё понятно. Но нет. Генеральная прокуратура, куда в феврале 1995-го обратилось Контрольное управление, возбуждать уголовное дело отказалась. Как написал в своём ответе зам. генерального Давыдов, им не удалось отыскать никаких нарушений налогового и валютного законодательств.

Тогда Коржаков, уже от своего имени, послал все материалы в генпрокуратуру вторично. Ильюшенко отписал, что отчёты по использованию валютной выручки АО «Проминформбизнес» должно было предоставить в правительство. О такой мелочи, как запросить эти документы, в прокуратуре даже не подумали.

К этому времени нам уже было известно, что из себя представляет Ильюшенко. Поэтому пришлось перекладывать часть его обязанностей на себя.

Разумеется, никаких отчётов в правительстве не нашлось.

Их там не было и быть не могло. Более того, чистейшей «липой» оказались и другие материалы, на которые ссылались в генпрокуратуре. Не исключаю, что к появлению всяческих подложных документов приложил руку и Петелин. Он очень боялся, как бы ему не пришлось со скандалом уходить в отставку. Покинуть такое хлебное место. Надо отдать должное Черномырдину - за своего любимца он стоял горой.

- Кругом воруют, - заявил как-то премьер, когда я пришёл к нему совсем по другому вопросу, - шпионы в «Белом доме» косяками ходят. А вы тут под Петелина копаете.

Я тогда сделал вид, что ничего не понял. В полемику вступать не стал - это было бессмысленно.

Был ли Черномырдин в курсе проделок подчинённого? Убеждён, что да.

Осенью 1995 г. на стол президента легло письмо, подписанное руководителями двух спецслужб - Коржаковым и Барсуковым директором ФСБ. В письме излагалась суть этой грязной истории.

Благо, материала накопилось предостаточно.

Никакой реакции от Ельцина не последовало. Зато, как отреагировал премьер, известно хорошо. В книге Коржакова «От заката до рассвета» приводится ночной разговор с премьер-министром.

«Я же знаю про Петелина, - бил себя в грудь Виктор Степанович. - Пусть его проверяют. Если что-то есть, я уберу его в две минуты».

И ещё:

«Представляешь, Петелин со мной уже десять лет. Поверить не могу, что меня предают...»

Кто познакомил Черномырдина с материалами на Петелина? Президент? Или генеральный прокурор Юрий Скуратов?

В октябре 95-го он сменил обнаглевшего Ильюшенко. Вскоре

после этого, когда Скуратов приехал в Кремль, Коржаков пригласил его в свой кабинет. Третьим при разговоре был я.

Генеральный внимательно просмотрел толстую папку документов.

- Да, интересный материал, - изрёк он. - Готовьте письмо на моё имя.

Письмо мы подготовили, документы отослали. Что с этими материалами теперь - одному Богу известно. Нам же известно другое: Геннадий Васильевич Петелин, обладатель многомиллионного счёта в банке, живёт и здравствует. Он по-прежнему пользуется неограниченным доверием премьера. Властвует в «Белом доме» как царь и Бог.

Не удивлюсь, если за это время его счёт значительно вырос.

Две черномырдинские минуты длятся уже несколько лет...

Академики ниоткуда

«СБП хочет присвоить себе функции гестапо!» - в гневе однажды вскричал тогдашний руководитель администрации президента Сергей Филатов.

Сергея Александровича очень возмутило то, что Служба попыталась навести порядок в решении кадровых вопросов. Как бы мы ни ругали коммунистические времена, но нельзя не признать: работа с кадрами была тогда на высоте. Случайные люди во власть попасть не могли.

С развалом Союза во властные структуры самого разного уровня просто-таки потоком хлынули авантюристы и проходимцы.

Скажем, когда отдел кадров СБП просматривал анкеты кандидатов на должности начальников управлений администрации президента, то всплывали интереснейшие факты: некоторые кандидаты попросту присваивали себе награды и звания. Писали в автобиографиях: награждён медалями в 1991 и 1993 гг. Однако в Службе государственных наград их фамилий не значилось.

Кадровые вопросы были пущены на самотёк. Назначения людей на высокие посты не проверяли ни в правительстве, ни в администрации. Не делалось самое элементарное - запрос в МВД и ФСБ.

Только в России такое возможно: лицо с иностранным гражданством получает доступ к госсекретам. (Я имею в виду гражданина Израиля, зам. секретаря Совета Безопасности РФ Березовского. Или председателя Госкомимущества Максима Бойко, который, по оперативным данным, получил вид на жительство в США.) Во всех цивилизованных странах власть очень серьёзно относится ко всякого рода проходимцам. У нас же - полная неразбериха и хаос...

Березовский и Бойко - лица весьма значительные. Но наш отдел занимался не только высокопоставленными сановниками.

Параллельно велась ежедневная, рутинная работа. (Впрочем, именно из такой рутины и состоит нормальная жизнь оперативника.) О двух случаях, когда стараниями СБП удалось отсечь от правительства хоть и мелких, но достаточно опасных авантюристов, я и хочу рассказать.

* * *

В начале 1995 г. в поле зрения отдела «П» попал некто Пётр Короткевич. Академик Академии естественных наук РФ. Бывший

зампред Экспертного совета при правительстве России. Званий и титулов у него было больше, чем у английского лорда. В одном из «высоких» кабинетов он прямо заявил: «Я руководитель группы консультантов Службы безопасности президента». После этого добавил, что действует от имени Ельцина и по поручению Коржакова и ему необходимо ознакомиться с документами рабочей группы по сопровождению финансовых проектов при председателе правительства.

Рабочая группа - организация серьёзная. Именно здесь скапливается вся информация о всевозможных финансовых проектах, направленных премьеру. Документы группы составляют если не государственную, то уж коммерческую тайну точно.

Разумеется, никакого академика Короткевича в кадрах СБП не значилось. Как следовало из собранных отделом материалов, Пётр Леонидович Короткевич до 1991 г. работал в НПО «Энергия» и в Министерстве общего машиностроения СССР. В 1991-м стал президентом американской фирмы «КорБен Интернэшнл Импресайдс Корпорейшн» (данные о которой в регистрационной палате найти мы не смогли).

В августе 1991 г. тогдашний первый вице-премьер Олег Лобов пригласил Короткевича в свои заместители по Экспертному совету при правительстве (Лобов одновременно являлся председателем этого совета). Короткевич, конечно, согласился.

Что заставило Лобова пойти на этот поступок, мне непонятно. Впрочем, зная Лобова, не удивлюсь, если он это сделал просто так. Не от большого ума, но от чистого сердца. (Зачем, спрашивается, он приглашал к себе главу «Аум Синрикё» Асахару? Тоже по простоте душевной.) Лафа Короткевича длилась недолго. После того как в августе 92-го на страницах «Независимой газеты» он приписал себе лавры создания «разработки нового поколения ядерно-стратегических вооружений», из состава Экспертного совета академика вывели.

(Кстати, вопрос о незаконности избрания его академиком РАЕН тоже широко обсуждался на Экспертном совете.) Обиженный Короткевич пробился на приём к только что назначенному председателю Экспертного совета Георгию Хиже. Бил себя в грудь и кричал, что его оклеветали. Но воздействия это не возымело.

Короткевич оказался на улице. Правда, с властью расставаться он не захотел. В офисе своей фирмы на Чистопрудном бульваре академик добился установки телефона правительственной связи АТС-2. (Что было абсолютно незаконно: установка «вертушек» у представителей иностранных компаний запрещена.) Имелся у

Короткевича и пропуск в Кремль, куда он регулярно наведывался. Явно не просто так. Используя старые связи, этот проходимец пытался решать всяческие проблемы.

Можно только догадываться, зачем ему понадобились документы рабочей группы по сопровождению финансовых проектов при председателе правительства.

Если бы я был авантюристом подобного толка, то действовал бы, видимо, по следующей схеме.

Получив список фирм, которые направили свои предложения правительству, прошёлся бы по этим конторам. Объяснил бы, что без дополнительного вознаграждения пробить их проекты невозможно. И за приличную плату предложил бы свою помощь.

Типичный приём институтских взяточников: собрать с абитуриентов деньги и пустить всё на самотёк. Кто-то ведь наверняка поступит, наивно полагая, что без мохнатой «лапы» дело не обошлось. Оговорюсь: всё это не более чем мои догадки.

Я же привык оперировать только фактами. Да и не наша это была задача - выяснять, какие планы строят те или иные авантюристы. От нас требовалось одно - оградить «Белый дом» от мошенников разного калибра. Что мы и сделали.

После того как я доложил Коржакову об этом «племяннике лейтенанта Шмидта», шеф приказал отобрать у него пропуск.

Документ изъяли через несколько дней, прямо на проходной в Спасской башне. Сняли и «вертушку».

Охота посещать столь высокие заведения пропала у «академика» надолго...

* * *

Другой авантюрист действовал с ещё большим размахом.

Илхомидин Шокиров не только сумел получить удостоверение-вездеход, но и выбил себе кабинет в «Белом доме». До июля 1995 г. Шокиров работал консультантом Управления по вопросам гражданства администрации президента. Однако, когда отделу СБП «К» (это подразделение обслуживало администрацию) стало известно о теснейших связях Шокирова с криминальными структурами, со Старой площади его выгнали.

Как водится, ни служебное удостоверение, ни ключ от сейфа в кабинете Шокиров не сдал. И вдобавок инициировал письмо председателя президентской комиссии по вопросам гражданства Микитаева заместителю руководителя аппарата правительства Орлову. В письме сообщалось, что Шокиров - исполнительный

директор общественного движения «Конгресс гражданского согласия в России». И ему позарез необходим кабинет в «Белом доме».

На удивление Орлов расстарался по полной программе. Мало того, что Шокирову выделили кабинет, оборудованный связью АТС-2. За ним ещё и закрепили машину из правительственного гаража. Дали право заказывать пропуска в «Белый дом».

Конечно, никаким «гражданским согласием» Шокиров не занимался. Своё пребывание в Доме правительства он с размахом использовал для лоббирования интересов всевозможных коммерческих структур. В одном из ТОО был даже учредителем. А ТОО это было непростое, - по оперативным данным, фирма находилась в теснейшей связи с криминальными структурами, которые занимались торговлей оружием. Короче, Шокиров имел к правительству не большее отношение, чем бомж из перехода на Тверской. Но зам. руководителя аппарата Орлова это не тревожило.

Подобная трогательная забота о людях с подозрительной биографией не могла пройти мимо нашего внимания.

Посему Орлов был взят на заметку. В феврале 1996 г. удостоверение сотрудника администрации президента у Шокирова изъяли, а самого выгнали из «Белого дома».

Возмущаться он даже не пытался. Понимал, что с СБП шутки плохи.

* * *

За два года работы в «Белом доме» я повидал много авантюристов и проходимцев. Одни (как герои моего рассказа) куролесили по-мелкому. Другие наживали целые состояния.

И не наша вина, что разобраться в основном удалось лишь с мелюзгой. Большинство настоящих хищников продолжают свою охоту. Я регулярно вижу их на экранах телевизоров, когда они вещают о судьбах России, о том, как много сил и здоровья положили на благо Родины. Единственное, что я могу сегодня сделать - рассказать об истинной сути этих людей.

«Золотой» кошель

Иногда природа награждает людей весьма говорящими фамилиями.

Шахрай, например, в переводе с украинского - «плут, мошенник». Какие ещё характеристики нужны Сергею Михайловичу?

Фамилия помощника Черномырдина по внешнеэкономическим связям тоже как нельзя лучше отвечала состоянию души этого человека - Кошель.

Неудивительно, что помощник премьера пытался всеми правдами и неправдами набить свой кошель. И без того уже достаточно тугой.

* * *

Для крупных финансовых авантюристов Россия - настоящий лакомый кусок. Затрата минимума денег позволяет получить максимум прибыли. (Добрая часть расходов, как правило, уходит на взятки и угощение чиновников.) С подобными дельцами и СБП, и ФСБ сталкивались неоднократно. Некоторые их схемы были нам неплохо известны.

Ну, например, какая-либо несерьёзная иностранная компания с минимальным уставным капиталом предлагает России беспроцентный и даже безвозмездный кредит. Условие одно - гарантии правительства. Затем компания страхует сделку в международных страховых обществах. Срывает её. Получает страховку.

Или другой вариант: мелкая фирма пытается «пробить» гарантию правительства под крупный кредит. При удачном стечении обстоятельств находится действительно солидная фирма, готовая этот кредит предоставить. А мелкая получает приличный процент от сделки.

Всё упирается в гарантии правительства. Дело в том, что обычно гарантий «Белый дом» старается никому не давать.

Получить их можно лишь при одном условии: есть свой, прикормленный чиновник, готовый лоббировать такое решение...

В нашем случае всё развивалось примерно по такому же сценарию. В сентябре 1994 г. в правительство поступило письмо от некой фирмы «Петройл энд Арабко» на имя Черномырдина, зарегистрированной в княжестве Лихтенштейн...

«Фирма «Петройл энд Арабко», - говорилось в документе, имеет возможность оказать гуманитарную помощь в проведении социальных программ».

Иными словами, бизнесмены предлагали правительству совершено безвозмездно крупную сумму денег на строительство больниц, школ, дорог и электростанций. С чего бы такая щедрость? Стали выяснять.

По поручению Департамента международного сотрудничества аппарата правительства резидентуры внешней разведки навели справки об этой фирме. Оказалось, что состоит она всего из трёх человек; уставной капитал незначителен. И что самое главное, опыта проведения таких крупномасштабных сделок нет.

В общем, элементарные аферисты. Правительство от предложения отказалось.

Но «буржуи» не отчаивались. В феврале 1995 г. они передали в «Белый дом» новое письмо, где предлагалось уже 15 миллиардов долларов безвозмездной помощи.

Свои посреднические услуги представитель «Петройл энд Арабко» Рудольфе Вайбль оценил очень скромно - 5% от суммы сделки. Это 750 миллионов долларов. За такие деньги стоило побороться.

Не исключено, что в результате бизнесмены и добились бы своего. Если бы не наше нежданное вмешательство.

Прожекты «Петройл энд Арабко» стали последним звеном недолгой, но очень трудоёмкой работы, касающейся близкого премьер-министру человека - помощника Черномырдина Геннадия Кошеля...

Впервые в поле зрения отдела «П» Кошель попал в самом начале 1995 г. От наших источников стало известно, что в 1993 г. он и ещё 3 человека учредили в Австрии торговое товарищество с ограниченной ответственностью «Делия», которое занималось перепродажей российских сырьевых ресурсов. В качестве взноса в уставной капитал Кошель внёс 17,5 тысячи австрийских шиллингов (примерно 1,5 тысячи долларов США).

Мы заинтересовались. Нашу обеспокоенность вызывал профиль деятельности Кошеля. Все-таки он был помощником премьера по внешнеэкономическим связям. Полученные документы торгового суда Вены (нечто вроде нашей регистрационной палаты) подтвердили: из состава учредителей «Делии» Кошель не вышел.

Налицо было грубейшее нарушение закона: госслужащий не

имеет права получать деньги в коммерческих структурах.

За первый квартал 1995 г. торговый оборот фирмы составил 20 миллионов долларов, а её учредители получили 1,5 миллиона долларов на руки.

По имеющимся данным, Кошель был даже оформлен в фирме, как сотрудник, постоянно находящийся в служебной командировке в России. Его командировочные затраты, регулярно выплачиваемые «Делией», составили значительные суммы.

Кошель был не одинок. Его компаньонами по фирме «Делия» стали мэр Оренбурга Геннадий Данковцев, директор концерна «Ориентрикотаж» (бывшая оренбургская трикотажная фабрика) Леонид Скубков и гражданин Австрии Рудольфе Вайбль (!). Это имя уже встречалось нам. Именно Вайбль стал управляющим фирмой «Делия». Он же внёс при регистрации самый больший пай - 447 тысяч 500 австрийских шиллингов (около 40 000 долларов).

Было понятно, что этот деловой человек не преминет воспользоваться огромными возможностями своего компаньона помощника премьера. Тем более что находились они в весьма тесных отношениях. По имеющейся информации помимо «Делии» Кошель - Вайбль являлись соучредителями и других западноевропейских фирм, в частности австрийской «Донау Центер Гмбх», где Вайбль занимал должность вице-президента по правовым вопросам, а также швейцарской «Трансэкшн экспорт-импорт».

То, что в марте 1995 г. со счетов «Донау Центер» было снят 1 800 000 долларов и тремя чемоданами перевезено в Россию, лишний раз доказывало: дело не чисто.

Австрийская полиция даже зафиксировала на видео часть этой операции: деньги снимают со счёта в банке, меняют на доллары, проносят на борт самолёта «Австрийских авиалиний», который следовал 601-м рейсом по маршруту Вена - Москва.

Непосредственное участие в перевозке денег принимал наш старый знакомый Рудольфе Вайбль.

Круг замкнулся...

* * *

Как вы, наверное, уже догадались, компаньон Кошеля и представитель «Петройл энд Арабко», выторговывающий себе 750 миллионов долларов за посреднические услуги, одно и то же лицо - австрийский гражданин Рудольфе Вайбль.

Свои отношения с помощником премьера этот делец пытался

использовать по полной программе. Именно через Кошеля он передал в «Белый дом» одно из обращений «Петройл энд Арабко».

Кошель, в свою очередь, добился того, чтобы это письмо попало к нему. Как помощник премьера по внешнеэкономическим связям, он лично взялся прорабатывать этот вопрос. В помощь себе пригласил заместителя руководителя черномырдинского секретариата М. И. Триногу.

При поддержке такой «тяжёлой артиллерии» австриец Вайбль наверняка сумел бы добиться своего.

Убеждён, что в случае победы 750 миллионов долларов были бы поделены между всеми, кто принимал в этом участие. Геннадию Кошелю достался бы не последний кусок...

Но жадность фраера сгубила. Мечты о миллионах так вскружили голову помощнику премьера, что он утратил чувство страха.

В марте того же 95-го года нам удалось перехватить адресованный Кошелю факс. Из его «родного» товарищества «Делия». «Братья по оружию» просили Кошеля помочь им заключить соглашение о поставке в Россию крупной партии сливочного масла. Опять же небезвозмездно.

Эта капля переполнила наше терпение. Если раньше мы считали, что следует дождаться каких-то более конкретных действий Кошеля, все задокументировать, то теперь стало понятно - медлить больше нельзя.

Дальнейшее нахождение Кошеля в «Белом доме» могло бы дорого обойтись государству. Коржаков, который с самого начала операции был в курсе всего, позвонил Черномырдину. Попросил, чтобы премьер принял меня.

В назначенное время я вошёл в режимную зону. Открыл тугую дверь.

Второе лицо в государстве читало подготовленную отделом «П» справку очень долго. Наконец сняло очки и воскликнуло:

- Не может быть! Я знаю этого человека.

- Как не может, Виктор Степанович. Вот все документы.

Черномырдин пробежал глазами бумаги, устало потёр лоб и изрёк:

- Какой негодяй!.. Не волнуйтесь, я разберусь. И разобрался.

Через некоторое время он вновь вызвал меня.

- Кошель все отрицает. Утверждает, что, как только пришёл в

правительство, тут же подал заявку на выход из числа акционеров. Просто документы очень долго идут.

О попытках лоббировать интересы западных фирм Черномырдин не произнёс ни слова. Видно, ему самому было невыгодно поднимать эту тему. Потом я понял почему.

- Кошель плакал, как ребёнок. Просил его простить.

«Больше всего, - говорит, - мне стыдно за то, что я подставил вас». И тем не менее я приказал ему написать заявление «по собственному».

Геннадий Кошель действительно написал заявление. С должностью черномырдинского помощника ему пришлось проститься. Но только с должностью. Из «Белого дома» его так и не выгнали. Сделали представителем Оренбургской области в правительстве. (Благо, в Оренбурге он начинал свою карьеру. Прошёл от второго секретаря Центрального райкома ВЛКСМ до зав. отделом обкома партии.) Такими людьми, как Кошель, не бросаются. Уже после увольнения из Службы я узнал: как только СБП разогнали, Кошель вновь всплыл на поверхность. Его назначили... руководителем секретариата вице-премьера и шефа аппарата правительства, «всемогущего» НДР-овца Владимира Бабичева.

Недаром в народе говорят: рыбак рыбака видит издалека.

Стоит ли удивляться тому, что после выхода моего интервью в «Московском комсомольце», где я вкратце рассказал историю Кошеля, Черномырдин весьма бурно отреагировал на публикацию.

- Никого там, ничего, - кричал с трибуны премьер-министр. - Ни коррупции не было. Просто нужно было наехать какой-то частью на Черномырдина. Все ко мне подбирались со всех сторон. Это мракобесие, которое разворачивается и цепляет, выдёргивает по одному.

Однако рисковать и на сей раз не стал. Убрал Кошеля из правительства в... «Газпром». Как говорится, газета помогла.

Вечный и. о.

Народная примета гласит: пришла весна или осень - жди президентского «похода против коррупции».

Правда, «походы» эти носит весьма оригинальный характер. Высокопоставленных чиновников, снятых в ходе таких кампаний, можно пересчитать по пальцам - Кобец, Кох, Ильюшенко, Казаков, Бойко.

Все остальные «бизнесмены от власти» продолжают разъезжать на машинах с мигалками и трёхцветными номерами. И ждать очередной весны или осени, как дети в пионерлагере ждут вечернего показа художественного фильма «Призрак замка Моррисвиль». Показушность походов известна им слишком хорошо...

Дело бывшего и. о. генерального прокурора Ильюшенко, безусловно, войдёт в историю России: никогда ещё в камере СИЗО не оказывался человек столь высокого ранга, вдобавок поставленный отвечать за закон.

Журналисты неоднократно писали на тему вечного и. о.

Подробности его уголовного дела достаточно известны. Но то, что предшествовало снятию и аресту и. о., в действительности знает очень ограниченный круг людей.

* * *

Почему-то многие считают, что дело Ильюшенко имело под собой чисто политическую подоплёку: то ли и. о. генпрокурора перешёл кому-то дорогу, то ли «банду Коржакова» не устраивала его позиция, то ли что-то ещё...

Ерунда! Будучи непосредственным участником всей этой истории (и даже в некотором роде её зачинателем), уж я-то точно знаю, откуда растут ноги. Никакой политической подоплёкой в деле Ильюшенко и не пахнет. Обычная уголовщина...

Все началось с разработки шефа черномырдинского секретариата Петелина. Среди прочих вопросов нас интересовало, с кем ещё из коммерческих структур кроме АО «Проминформбизнес» связана правая рука премьера.

Проанализировав всевозможные материалы, мои ребята пришли к выводу: чаще других в «Белый дом» «нырял» «Балкар-Трейдинг». Все нити замыкались именно на Петелине.

Мы стали собирать информацию об этой структуре, запросили документы в ФСБ и МВД, активизировали агентуру.

Скоро подоспели результаты. Из ФСБ и РУОПа Московской области нам сообщили, что разработки по «Балкару» ведутся. Глава фирмы Пётр Янчев подозревается в контрабанде, хищениях, укрытии доходов от налогов.

Тогда впервые в этих материалах и всплыло имя Ильюшенко.

Спецслужбы располагали информацией о купленных им у Янчева автомобилях за бесценок, о специально привезённой в подарок и. о. импортной мебели. Существовали и записи телефонных разговоров Янчева и Ильюшенко, дающие чёткое представление об истинных отношениях двух «добропорядочных» граждан. (Впоследствии всё это легло в уголовное дело.) К сожалению, руководство ФСБ и РУОПа не решалось направить эти материалы в прокуратуру. Да и кому направлять?

Самому же Ильюшенко?

Генералы явно хотели дождаться лучших времён. Пришлось действовать нам.

- Я просто не могу поверить, - сказал Коржаков, когда я принёс ему справку, составленную по информации коллег. - Этого не может быть.

- А что нужно, чтобы вы поверили?

- Дай оригиналы документов.

Через несколько дней я показал ему «сводки» телефонных переговоров. И понеслось...

Реакция Коржакова понятна: когда человека, поставленного надзирать за исполнением законов в стране, обвиняют в коррупции, это похоже на театр абсурда или уличение вегетарианца в каннибализме.

Однако серьёзных материалов на Ильюшенко было так много, что всякие сомнения отпадали: коррупция налицо. Как потом документально установило следствие, семейству и. о. генерального прокурора перепало от коммерсанта Янчева 4 машины «Жигули» («девятки» и «девяносто девятые») и 2 джипа «Чероки». Все автомобили были проданы Ильюшенко по нереально низким ценам (скажем, джип стоил 180 миллионов рублей, Ильюшенко же он достался всего за 20).

Поставлял Янчев и более мелкие вещи, например пылесосы.

Прослушка зафиксировала разговор двух друзей, когда Ильющенко без тени смущения заявлял коммерсанту:

- Я у тебя на складе пылесос видел, так ты мне его привези.

Допускаю, что одними пылесосами и машинами дело не ограничивалось. Впрочем, доказать что-либо ещё следствие не смогло. Жаль. Совершенно очевидно, что помощь и. о. генерального стоила много дороже. Ведь стараниями Ильюшенко мало кому известная фирма «Балкар-Трейдинг» стала одним из крупнейших спецэкспортеров российской нефти. И. о. организовывал для Янчева встречи с руководителями высшего ранга (председателем Таможенного комитета Кругловым и его первым замом Кругликовым, министром внешней экономики Давыдовым), ввёл его в мир большой политики и больших денег. Лишь благодаря протекции Ильюшенко «Балкар-Трейдинг» получила от правительства право на экспорт 2 миллионов тонн сырой нефти (произошло это после визита к Давыдову). Подобных примеров масса...

Оперативные записи телефонных переговоров Янчева Ильюшенко, которые я принёс Коржакову, окончательно убеждали: отношения этих двух людей выходят за рамки всяких приличий.

Ильюшенко настолько был уверен в собственной неприкасаемости, что позволил себе полную свободу выражений.

Вот запись беседы, состоявшейся 24 декабря 1994 г. Незадолго до этого в квартиру «главного законника» привезли импортную мебель, «организованную» Янчевым. Собрать её мастера не смогли, так как «забыли фурнитуру». И Ильюшенко устроил настоящую истерику...

ИЛЬЮШЕНКО: Пётр Викторыч, ты сегодня у кого в «Белом доме» был?

ЯНЧЕВ: Я был у Зверева. (Руководитель Департамента экономики аппарата правительства РФ. - В. С.)

И. (посвистывая): У тебя, видимо, пропуск есть туда?

Я.: Куда?

И.: В «Белый дом».

Я.: Звоню, и заказывают.

И.: И заказывают, да?.. Ладно... хорошо. (Пауза.) В общем, так. Знаешь что, я в последнее время... в последнее время... Я больше просто не хочу говорить на эти темы. (Пауза.) Понимаешь, у меня пропадает желание говорить на любые темы. То ты забываешь, то ты не соизволишь сделать. То ты мне говоришь о том, что...

Я.: Подожди, Лёш... во-первых...

И.: Подожди минуточку...

Я.: Во-первых… во-первых… что я не соизволил сделать?..

И. (срываясь на крик): Ты мне… ты мне эту компанию посоветовал? Значит, ты за всё отвечаешь! Если ты посоветовал. У нас так делается. Понимаешь, в нашей команде так делается! (Пауза.) Так вот, я хотел бы всё-таки узнать. По поводу того, заберут это завтра или… Или ты привезёшь фурнитуру. Я хочу просто знать. Ты мне скажи, чтобы я…

Я.: Во-первых, я не привожу фурнитуру, Алексей Николаевич, понимаете! Не изготавливаю…

И.: Так.

Я.: Во-вторых, значит, её привозит тот, кто поставляет это хозяйство.

И.: Так.

Я.: И то, что, значит, она была принята на склад, это не говорит о том, что я её поставил. Это разные совершенно вопросы.

И.: Так. (Пауза.) И что дальше?

Я.: А дальше то, что… суббота, сегодня. Искать фурнитуру, значит, так…

И.: Пётр Викторыч, значит, давай так. Если ты этот вопрос не решишь, на этом всё закончится. Все твои посещения «Белого дома», меня лично и всех остальных. Вот это я тебе гарантирую! Так нельзя мне нервы портить! (Вешает трубку.)

Культуры и такта Алексею Николаевичу было явно не занимать…

* * *

Прошёл всего день после того, как я передал Коржакову «сводки» телефонных переговоров. Вдруг под вечер звонок - на проводе мой шеф:

- Валерий Андреевич, медлить нельзя. Давай встречаться прямо сейчас. Я возвращаюсь из «Внуково», по дороге тебя подхвачу.

Ровно в 22.00 «Волга» с затемнёнными стёклами притормозила у гостиницы «Мир». Рядом с Коржаковым сидел Барсуков. Минут через 15 мы уже входили в здание президентского клуба на Воробьёвых горах.

Все то время, пока Барсуков читал справки и «сводки», лицо его не выражало никаких эмоций. Он методично просматривал бумаги, молча откладывал в сторону уже прочитанное. Терпение Михаила Ивановича лопнуло лишь когда, когда он дошёл до эпизода с

выцыганенным у Янчева пылесосом.

- Как! - неожиданно вскричал Барсуков. - И пылесос тоже! Крохобор! Сволочь! А я-то думаю, откуда у него доллары!

- Представляешь, - обратился он к Коржакову, - играли мы тут как-то в биллиард, вдруг Ильюшенко говорит: давайте делать ставки по пятьдесят долларов. Я ему: покажи, - он из кармана моментально достал купюру.

- Что будем делать, Миша? - спросил А. В. - Надо к шефу идти...

- А чего к нему ходить? Помнишь, мы с тобой принесли ему материалы по тому делу (Михаил Иванович, видимо, умышленно не стал уточнять в моём присутствии, по какой причине они были у президента. Осторожность - основное качество Барсукова. - В. С.), он почитал, взял со столика какой-то сувенир, повертел в руках и вышел. И всё..

- Но и так оставлять тоже нельзя. Барсуков несколько минут помолчал, потом произнёс:

- Ну, ладно. Давай пойдём... В очередной раз...

Этот исторический диалог, во многом определивший дальнейшую арестантскую судьбу Ильюшенко, состоялся в феврале 95-го. И. о. генерального же был отправлен в отставку только в октябре того же года. Без малого девять месяцев потребовалось для того, чтобы уволить окончательно зарвавшегося и. о.

Со слов Коржакова я знаю, что к президенту они с Барсуковым идти не захотели. Опасались, что Ельцин, как обычно, положит все материалы под сукно и не тронет своего любимца.

Для начала решили поговорить с самим Ильюшенко.

Шеф пригласил к себе «законника». Без обиняков сказал:

- На тебя есть определённые компрометирующие материалы. Мой добрый совет: пиши заявление «по собственному».

Не уйдёшь - все покажем президенту. Тебе же хуже будет...

Ильюшенко пригорюнился и промямлил:

- Я подумаю...

Думал он очень долго...

Одновременно московское управление ФСБ активизировало свою работу по «Балкару». Янчев заволновался. Позвонил Ильюшенко:

- На меня наезжают. Помоги!

- Кто посмел?

- Какой-то опер.

И. о. рассвирепел:

- Да я этого опера сгною!

Стал требовать у руководства ФСБ материалы, касающиеся Янчева.

- Пусть его пошлют куда подальше. Это противозаконно, - отрезал Коржаков, узнав о телодвижениях Ильюшенко.

И вновь пригласил и. о. на беседу:

- Как же так, Алексей Николаич? Ты ведь обещал подумать о заявлении, а вместо этого требуешь документы по своему другу Янчеву. Неожиданное направление приняли твои мысли.

В ответ Ильюшенко завёл старую песню коррупционеров всех времён и народов:

- Александр Васильевич, зачем раздувать? Ни к чему. Давайте, все нормально решим. По-людски...

- Так ты будешь заявление писать? И. о. поёрзал на стуле и, не глядя шефу в глаза, выпалил:

- Мне президент верит. Я буду работать, пока он мне лично не прикажет уйти!

Стало понятно: малой кровью развенчать и. о. генерального не получится. Он не оставил себе выхода и вынудил нас действовать иначе.

Вскоре следственное отделение УФСБ по Камчатской области возбудило уголовное дело по факту нарушения «Балкаром» таможенных правил. Материалы по Янчеву - Ильюшенко из оперативных превратились в следственные.

Захватив толстую папку взрывоопасных бумаг, Коржаков с Барсуковым пошли на приём к президенту. Ельцин, на удивление, отреагировал очень спокойно. Только поинтересовался:

- А кандидат на место генерального есть?

- Пока нет, - честно ответил мой шеф.

- Ищите...

Коржаков вызвал меня:

- Ты ведь работал с прокурорскими? Подумай, кого мы можем предложить взамен Ильюшенко. Но только смотри чтобы был абсолютно «чистым».

- Такая кандидатура есть.

Коржаков удивился... Внимательно посмотрел мне в лицо.

- Пономарёв Геннадий Семёнович, бывший прокурор Москвы.

- Так его же сняли!

(В марте 95-го Ильюшенко своим распоряжением уволил Пономарёва. Произошло это после того, как Ельцин, возмущённый убийством Листьева, вскричал: надо освобождать прокурора города.)

- Это большая кадровая ошибка. И я и мой зам. знаем Геннадия Семёновича как исключительно честного, принципиального человека.

Коржаков задумался:

- Ты представляешь себе, как это будет выглядеть? Только что сняли. И тут же - повышение?

- Ну и что. Наоборот, президенту это только в плюс. Да, он снял Пономарева, но потом разобрался и исправил свою ошибку...

- Сверхавантюрный план... Но... В общем, поговори сперва с Пономарёвым - он же наверняка обижен...

Геннадий Семёнович действительно был обижен на президента, и не без оснований: сняли его совершенно незаслуженно.

Я несколько раз встречался с Пономарёвым, уговаривал его вернуться. Все напрасно. Он был непреклонен. Даже от предложения стать заместителем генерального Геннадий Семёнович отказался:

- Я отлично представляю себе нравы, которые царят в Кремле. Карманным прокурором я никогда не был и стать уже не смогу. А другой там не нужен... Единственное, что он сделал - порекомендовал другого.

- В нашей системе трудно найти подходящего человека, грустно сказал Пономарёв, - Но за одного человека я могу поручиться - это Юрий Ильич Скуратов, директор НИИ проблем укрепления законности и правопорядка генпрокуратуры. Кстати, член коллегии ГП.

В тот момент Скуратов был в отпуске, в Чите. Однако Пономарёв его нашёл, осторожно навёл мосты. Юрий Ильич, в принципе, дал согласие.

В конце весны Скуратов пришёл к Коржакову. Нам обоим кандидат понравился. Приятный в общении человек, настоящий

интеллигент.

- Вы можете представить нам свою концепцию деятельности генпрокуратуры? - спросил у него Александр Васильевич. Скуратов кивнул головой.

Концепция, изложенная на двух страницах, была готова уже на другой день. Юрий Ильич отдал мне её у проходной «Белого дома»...

* * *

С этой минуты началась обыкновенная рутинная работа.

Кандидатуру Скуратова требовалось согласовать со всеми официальными чиновниками. Правда, в абсолютном большинстве его назначение поддерживалось. В пользу Скуратова высказался помощник президента Краснов, первый помощник Илюшин.

В октябре 1995 г. президент впервые огласил его имя на Совете Федерации. Сенаторы Скуратова утвердили - на фоне Ильюшенко он однозначно выигрывал.

Прежний и. о. был отправлен в отставку. Незадолго до этого (13 сентября) генпрокуратура арестовала его друга и соратника Янчева. В феврале 96-го Ильюшенко к нему присоединился: он был помещён в следственный изолятор «Лефортово». В обвинительном заключении, подготовленном следственной бригадой генеральной прокуратуры, Алексею Николаевичу инкриминируется взяточничество и использование служебного положения в личных целях...

Я заранее предвижу недовольные возгласы некоторых граждан, которые прочтут эту главу.

- Ага! - вскричат эти граждане. - Мы же говорили: майор КГБ Коржаков и его опричники руководили страной. Снимали неугодных чиновников и назначали своих выдвиженцев.

Ответ на поверхности: и Коржаков, и я - люди военные.

Президент приказал нам подыскать кандидата на место генпрокурора. Мы эту задачу выполнили. Причём неплохо. Скуратов возглавляет генпрокуратуру уже больше двух лет. За это время в его честности не усомнился, по-моему, никто.

На первом месте для нынешнего генерального - закон и никаких гвоздей.

Даже под «давлением превосходящих сил противника» Скуратов умудряется не идти против своей совести. Это отчётливо видно на примере с коробкой из-под «ксерокса».

Будь на его месте Ильюшенко, уголовное дело возбудили бы не

по факту выноса 500 тысяч долларов, а против Коржакова и Барсукова, которые-де «превысили свои служебные полномочия». У Скуратова хватило духу провести проверку наших действий в соответствии с законом. Дело возбудили, но в отношении «активистов» штаба.

Чего это стоило генеральному - можно только догадываться...

Целинник Заверюха

С сельскохозяйственными реформами России не везло никогда. Ни Александр «Освободитель», ни Николай «Кровавый», ни один из большевистских вождей как ни пытались, но так и не сумели воплотить реформы в жизнь. Всё осталось только на бумаге: и «перегоним Америку по количеству мяса и молока», и «продовольственной программе быть»...

Почему сельское хозяйство развалили в прежние времена - я не знаю. Этот вопрос - к историкам. А вот отчего сегодняшняя деревня висит на краю пропасти - мне понятно. Да потому что во главе агропромышленного комплекса страны был поставлен такой человек, как Александр Харлампиевич Заверюха...

* * *

Вы наверняка помните популярный советский фильм «Иван Бровкин на целине». Румяную агитку, повествующую о героическом труде на неосвоенной земле с песнями, плясками и любовными передрягами. Фильм снимался в оренбургских степях, в совхозе «Комсомольский».

Вряд ли создатели картины могли предположить, что пройдёт всего-навсего 30 лет и председатель этого совхоза станет одним из руководителей государства. Правда, кинопредседатель и председатель настоящий отличаются друг от друга, как небо и земля. Первый - передовой, идеологически выдержанный руководитель, бывший фронтовик и партработник. Трудится не покладая рук, заботится о людях как о родных. В редкие минуты отдыха душевно поёт патриотические песни. Фамилия его, если не ошибаюсь, Барабанов. Второй - Александр Харлампиевич Заверюха.

По иронии судьбы в 1968-1979 гг. он действительно возглавлял «Комсомольский». Только вот на героя экрана явно не тянет...

Отдел «П» серьёзно занимался анализом деятельности Заверюхи на посту вице-премьера правительства, куратора агропромышленного комплекса. Перечислять его «подвиги» можно долго-долго. Остановлюсь лишь на нескольких.

В октябре 1994 г. при Министерстве сельского хозяйства и продовольствия по инициативе Заверюхи была создана Федеральная продовольственная корпорация (ФПК). Во главе ФПК встал некто М. М. Абдулбасиров. По должности - одновременно первый заместитель министра Минсельхозпрода. Задачи на ФПК были возложены серьёзные: развитие и госрегулирование продовольственного рынка, обеспечение эффективности вложения

бюджетных средств. Однако за полтора года, прошедших после создания ФПК, никаких существенных изменений не произошло. В 1995 г. Россия импортировала 40% сельхозпродукции. По оценке специалистов НИИ конъюнктуры это означало полную потерю страной продовольственной независимости. Максимально допустимый в мировой практике предел ввоза сельхозпродуктов - 30%.

На работу ФПК под гарантии правительства было выделено кредитов на общую сумму 3 триллиона рублей. После реализации продукции в казну вернулось только 18 миллиардов. Остальные деньги на июнь 1996 г. распылились. Делалось это при непосредственном участии ставленника Заверюхи - Абдулбасирова.

Основную часть средств ФПК использовала не по назначению. Она переводила их на счета посреднических коммерческих структур, которые вскоре закрывались или объявляли себя банкротами. Метод известный. Например, именно таким путём налево ушло 125 миллиардов рублей через московскую фирму «М-Фуд», 8 миллиардов - через столичное АОЗТ «Дест», 12 миллиардов - через фирму «Росарт» (Московская область). Другой способ хищения тоже не отличался оригинальностью. Им пользовались преступники ещё советских времён, потенциальные фигуранты органов БХСС.

ФПК заключала договоры с коммерческими структурами. Всё честь по чести. Кроме одного - истинные объёмы поставок не соответствовали тем, что фигурировали в документах. В январе 1996 г. астраханская фирма «Выбор» получила 17 миллиардов рублей за 20 тысяч тонн зерна. Однако 20 тысячи тонн у «Выбора» просто не было. Аналогичную афёру прокрутили с волгоградскими ТОО «Вита» и АОЗТ «Группа-Сарепта» (24 и 5 миллиардов рублей соответственно).

Немалые деньги чиновники ФПК зарабатывали и на искусственном завышении цен. Если Москва закупала сливочное масло по 8-10 тысяч рублей за килограмм, то ФПК - за 14-16 тысяч. После прохождения через долгую сеть посредников цена его возрастала до 20-24 тысяч. Дошло до того, что Заверюхе пришлось лично потребовать, чтобы цена была снижена до 12 тысяч. 80 миллиардов рублей, уплывшие в результате накруток, он отнёс на «непредусмотренные убытки агропромышленного комплекса».

Не надо думать, что Заверюха не понимал происходящего. Понимал прекрасно. Его неоднократно информировали о творящемся беспределе, но никаких мер он не принимал. Наоборот, покрывал абдулбасировскую группу. Руководителя ФПК окружали люди, мягко говоря, одиозные. Скажем, его заместитель Лизунов

привлекался ранее к уголовной ответственности за хищения в особо крупных размерах.

Когда в 1996 г. на заседании правительственной продовольственной комиссии работа ФПК была признана неудовлетворительной и над Абдулбасировым навис дамоклов меч правосудия, вице-премьер не только сумел отвести от своего протеже «беду», но и «пробил» решение правительства о погашении задолженности по кредитам в размере 3 триллионов рублей за счёт бюджетных средств, выделенных Минсельхозпроду.

Арифметика нехитрая. Всего на 1996 г. министерству было выделено из казны 11,5 триллиона. Три из них ушло на то, чтобы покрыть воровство главных «крестьян» страны. По вине Абдулбасирова и Заверюхи деревня лишилась тысяч тракторов, веялок. Сотни тысяч настоящих, не сановных крестьян остались без зарплаты.

В старое время за такие вещи руководители Минсельхозпрода были бы как минимум арестованы. Но Абдулбасиров лишь безнаказанно уволился «по собственному желанию». Его место занял В. Н. Чаплыгин. Последний, возглавлявший до того волгоградский филиал ФПК, был активным участником хищения крестьянских денег. Его новоиспечённый заместитель - Ю. А. Лысенко - тоже неплохо нагрел руки на кредитах. ТОО «Инсайд», которым он руководил, использовало не по назначению 10 миллиардов рублей.

Однако Заверюху это не тревожило. Он отлично понимал, что «замазанными» людьми управлять куда легче, чем честными.

Один из помощников вице-премьера - Г. Г. Мазаев помог получить льготный кредит в 18 миллиардов рублей директору птицефабрики «Ливийская» (посёлок Яйва, Пермская область). Миллиард из них директор «птички» пустил на строительство личных коттеджей, покупку машин. Помощник Мазаев тоже не остался внакладе. (Кстати, материал о злоупотреблениях Мазаева и других работников аппарата правительства мы направили в генеральную прокуратуру, где были возбуждены уголовные дела.)

* * *

В отношении Абдулбасирова и о негативных аспектах кадровой политики Заверюхи отделом «П» были подготовлены справки. Мы писали их для президента, однако события 20 июня помешали нам довести информацию до адресата. С удовольствием делаю это сейчас.

Заверюха покинул «Белый дом» только в марте 1997 г., при

очередной реорганизации кабинета министров. Своей сегодняшней жизнью он доволен, чувствует себя неплохо. Здоров, гладок и довольно упитан. Так же, как и Абдулбасиров.

Занервничали оба гражданина только после того, как в «Московском комсомольце» я вкратце поведал об их делах. Заверюха пришёл в редакцию одной центральной газеты. Всё категорически отрицал.

- Стрелецкий - это мерзавец, - вопил бывший вице-премьер. - В правительстве только и занимался, что лоббированием. Очередной проходимец! Никакими охранными делами он не занимался, у него бы и ума не хватило.

Далее Заверюха рассказал душещипательную историю о том, как я приходил к нему, чтобы пролоббировать интересы дальневосточных рыбаков. Просил пристроить «своих» людей.

Услышав это, я долго смеялся. Дело в том, что с Заверюхой я лично не знаком.

Что же касается проблем рыбной отрасли, то здесь Александр Харлампиевич осведомлён куда лучше меня. Недаром он пропихнул на должность председателя Госкомрыболовства некоего Родина. Думаю, о похождениях Родина, его отношениях с японцами, массовой системе взяток в рыболовной системе вы ещё услышите. И очень скоро.

Абдулбасиров был более осторожен. Он втихую встретился со мной. С кавказской предупредительностью рассказал, как много делала ФПК для сельского хозяйства страны, и добавил:

- Что ж вы так! Все ведь воруют. Ни одна ФПК. Напишите лучше о других.

Ни Заверюхе, ни Абдулбасирову я ничего возражать не стал.

Зачем зря сотрясать воздух? Мой ответ они вполне могут прочитать в этой книге...

Бриллиантовая «Нога»

В советские времена я очень любил киножурнал «Фитиль». Особенно нравились мне сюжеты о бесхозяйственности. О том, как из-за халатности разных начальников страна теряет тысячи, а то и миллионы. Нравилось, понятно, не то, что страна теряет. А то, что этих начальников прижимают к ногтю и наказывают.

Раньше кое-кого действительно наказывали. Сегодня бесхозяйственность и разгильдяйство руководителей правительства приводят к огромнейшим убыткам с ужасающим постоянством. И никого при этом не наказывают. Как тут не вспомнить стихи Алексея Константиновича Толстого: «Земля наша богата, порядка лишь в ней нет»! Написаны они было ещё в XIX веке, а актуальности не потеряли и до сих пор.

* * *

Когда в Россию пришла «демократия», многие западные инвесторы решили, что наконец-то настал их час. Богатства огромной страны манили их так же страстно, как девица с обложки порножурнала манит неполовозрелых подростков.

Одним из таких наивных романтиков был швейцарский бизнесмен Нессим Д. Гаон, президент компании «Нога С. А.». Гаон в деловом мире отнюдь не новичок. И его самого, и его фирму отличали солидная репутация, достаточный вес в финансово-политических кругах. Вдобавок Гаон был заметной фигурой в международном еврейском движении.

Однако на этот раз чутьё подвело бизнесмена. Откуда ж ему было знать, что такое загадочный русский характер? А начиналось все весьма мажорно. 12 апреля 1991 года, в День космонавтики, компания «Нога» и правительство РСФСР в лице первого вице-премьера Г. В. Кулика подписали кредитное соглашение. Согласно документам, «Нога» должна была предоставить России кредиты на общую сумму 1,5 миллиарда долларов (без малого). В свою очередь, наша страна взяла на себя обязательство погашать кредиты поставками нефтепродуктов.

Иностранцы своё слово сдержали. На деньги «Ноги» (где-то на 897 миллионов) были закуплены продукты питания, одежда, обувь, лекарства, сельскохозяйственные удобрения (в тот период всеобщего дефицита любая ложка приходилась к обеду). Мы же - нет. В 1991-1993 гг. российская сторона передала фирмачам нефтепродуктов на 597 миллионов «зелёных». Поставки при этом периодически запаздывали, нередко срывались. А в 1993 г.

прекратились и вовсе.

Швейцарцы оказались в интересной ситуации. За свои собственные деньги им пришлось терпеть серьёзные убытки. Но они не отчаивались. Слали письма в российские министерства, ведомства, пытались объяснить, что так делать нехорошо. Требовали возвратить их 300 миллионов. Наивные!

Правда, клок шерсти с паршивой овцы получить им всё же удалось - по личному распоряжению первого вице-премьера правительства Шохина «Ноге» выделили 30 миллионов долларов.

Ничего не скажешь - барский подарок. Но 30 миллионов «Ногу» не устроили. Швейцарцы хотели получить всё, что им причиталось.

Долгая бумажная волокита, обращения в Минфин, МВЭС и правительство результатов не давали. Один чиновник кивал на другого, другой на третьего. И так без остановки. В конце концов президент «Ноги» Гаон был вынужден написать лично Президенту РФ. Широкой огласки скандала он не желал.

Ельцин отреагировал резко.

«Я не берусь категорично оценивать действия сторон ни с правовой, ни с деловой, ни с этической точки зрения, поскольку могут быть ещё и другие, не известные мне обстоятельства, - говорится в его резолюции, адресованной Черномырдину, - но такие ситуации, убеждён, не будут притягивать деловых людей в Россию. Объясните мне эту ситуацию. Я хочу понять, кто здесь больше прав или виноват».

Прошёл ровно год. Ничего не изменилось. И Шохин, и первый заместитель министра финансов А. П. Вавилов (они были уполномочены правительством представлять интересы «Белого дома» в сваре с «Ногой») продолжали действовать по принципу: кому должен, всем прощаю.

Гаон обратился к президенту во второй раз. Ельцин рассвирепел.

«Моё поручение годичной давности осталось невыполненным. Найдите виновников этой волокиты и накажите, - отписал он премьеру в августе 1994 г. - Ещё раз прошу разобраться, наконец, в этом деле и довести его до завершения».

Что представляет из себя рассерженный Ельцин, сановники знали хорошо. (Нечто вроде медведя, разбуженного в период зимней спячки.) И авральном порядке они кинулись разбираться и завершать.

4 сентября 1994 г. первый зам. министра финансов Вавилов

отдал в правительство письмо, где сообщал, что «Нога» снизила сумму иска с 277 до 211 миллионов долларов и что российская сторона может выдвинуть «Ноге» встречный иск на 157 миллионов. А то и 260: дескать, швейцары нам тоже кое-что должны.

Кавалеристский темп Вавилова на Черномырдина впечатления не произвёл. К анализу ситуации он подключил первого вице-премьера О. Н. Сосковца, и. о. генерального прокурора А. Н. Ильюшенко, директора ФСК С. В. Степашина, начальника Государственно-правового управления президента Р. Г. Орехова.

Массированная мозговая атака удалась. Было решено создать две рабочие группы. Одна возьмётся проверить все бухгалтерские и иные документы соглашений с «Ногой». Вторая выяснит прочие обстоятельства и поймёт, кто виноват в случившемся.

Вскоре группа под командованием начальника ГПУ Орехова доложила премьеру: Россия действительно должна «Ноге» примерно 160 миллионов. По договорённости со швейцарцами часть долга мы можем компенсировать деньгами. Другую часть (причём большую) - посредством реализации совместных проектов.

Распоряжением правительства вице-премьеру, министру внешней экономики О. В. Давыдову поручено «подписать соглашения об урегулировании разногласий, разрешив вносить изменения, не имеющие принципиального характера». Казалось бы, всё понятно.

Тяжба закончилась? Ан нет. Министр Давыдов заключать какие-либо соглашения с «Ногой» отказался. Своё нежелание он даже не удосужился как-то мотивировать.

* * *

Параллельно с этой затяжной бюрократической интригой в Люксембургском трибунале слушался иск «Ноги» к российскому правительству. Устав от бесконечных обещаний, Гаон решил вернуть свои деньги по суду. Тем более что в его руках было неоспоримое доказательство правоты - Распоряжение правительства о создании специальной комиссии по урегулированию конфликта, где Черномырдин косвенно признавал государственный долг.

Как попал этот документ к Гаону? Это мы и пытались выяснить. Распоряжение было закрытое, с грифом «не для печати».

С подлинника, который Бабичев спрятал в сейф, сняли всего две копии. Одна ушла в Минфин, Вавилову, другая - в аппарат начальника Главного правового управления президента Орехова.

По имевшейся у нас оперативной информации один из высокопоставленных российских чиновников (имя его не называю, так как это были всего лишь оперативные наработки) вышел на Гаона. Предложил ему «руку и сердце». Утверждал, что может поспособствовать швейцарцу вернуть деньги. Для этого он даже готов был встретиться с президентом, объяснить ситуацию, добиться выгодного для Гаона решения. Плюс к этому отстранить от дела Вавилова.

24 октября 1994 г. Гаон и два его зятя специально приехали в Москву. На секретные переговоры с предлагавшим свои услуги чиновником. Косвенное подтверждение таких телодвижений мы обнаружили в очередном письме Гаона на имя Ельцина. Бизнесмен среди прочего упомянул, что в Москве с ним неофициально общался некий представитель «Белого дома». Предлагал решить вопрос в частном порядке в обмен на существенную сумму. К сожалению (или к счастью?), ничего у таинственного представителя не получилось. Плетью обуха не перешибёшь.

В результате «бизнеса» с Россией «Ноге» были нанесены серьёзные финансовые убытки. Один из кредиторов подал на неё в суд.

Если бы суд признал «Ногу» банкротом, валютные средства в размере 280 миллионов долларов, которые были арестованы на счетах российских организаций за рубежом, пошли бы на погашение долгов этой компании.

Счета 12 российских правительственных и неправительственных структур были арестованы ещё в 1994 г. трибуналом округа Люксембург. Произошло это после того, как «Нога» обратилась с иском к Правительству РФ. Немаловажная подробность: по оперативным данным, среди прочих были арестованы и личные счета Шохина и Вавилова. Их номера стали известны «Ноге «в ходе частного расследования её службы безопасности».

Теперь уже можно признать: мы встречались с представителями «Ноги» и предлагали предоставить нам информацию о счетах Шохина и Вавилова с гарантией, что эти материалы станут поводом для самого серьёзного разбирательства; более того, мы обязались доложить о них Ельцину. Все безуспешно.

Швейцарцы перестали доверять русским. Все основания для этого у них имелись.

Думаю, так или иначе счета мы всё равно выцарапали бы. А заодно докрутили бы до конца и историю с лоббированием таинственного чиновника интересов «Ноги». Помешали июньские

события. Работа по «Ноге» началась в конце лета 1995 г. Пик её пришёлся как раз на май-июнь 1996-го. Что произошло в то время напоминать, наверное, не надо. Коробка из «Белого дома». Отставка Коржакова. Развал СБП. Шохин, Вавилов и вся остальная шайкобратия могли теперь спать спокойно.

* * *

Свои кровные деньги фирма «Нога» так и не получила. Благополучно обанкротилась. Впрочем, и Россия понесла немалые убытки. А престиж?

Трудно себе представить, сколько западных бизнесменов отказались сотрудничать с нашей страной, узнав о случившемся. Я уж не говорю о репутации президента, чьи распоряжения не выполняются, попросту игнорируются.

Особое же отвращение ко всей этой истории должен, видимо, испытывать бывший ельцинский пресс-секретарь, обозреватель «Комсомольской правды» Павел Вощанов. Он было попытался разобраться в деле «Ноги», залез слишком глубоко. Неизвестные злоумышленники переломали Вощанову рёбра, пустили под откос редакционную машину.

Похоже, на счетах Вавилова и Шохина в самом деле лежали немалые суммы. Из-за копеек мараться никто не станет. Калечить известного журналиста - это очень высокооплачиваемое мероприятие.

Впрочем, мораль сей главы в другом. Не напоминают ли вам, дорогие читатели, члены нашего правительства персонажей известной басни И. А. Крылова «Лебедь, рак да щука»?

Часы для премьера

Одно время первым вице-премьером правительства работал директор «ВАЗа» Владимир Каданников. Пробыл он в «Белом доме» сравнительно недолго - при очередной рокировке кабинета министров ему пришлось вернуться на родной завод.

Каданников так и не узнал, от какой напасти мы его уберегли.

В начале 1996 г. отделу «П» стало известно, что одна из сотрудниц аппарата Каданникова решила поживиться за вице-премьерский счёт. В список каданниковских посетителей она вставила фамилию некоего бизнесмена. Последнему надо было во что бы то ни стало встретиться с первым вице-премьером и решить важный денежный вопрос. Бизнесмен понимал, что пойти можно и официальным путём. Дойти трудно. Пока дождёшься приёма, власть может сто раз поменяться. Аппаратчица бралась провести бизнесмена в высокий кабинет со стопроцентной гарантией. Правда, небезвозмездно. Свои услуги она оценила ни мало ни много - в 5 тысяч долларов. Выбора у просителя не было. Он согласился.

Разумеется, ничего у этих заговорщиков не получилось. После нашего вмешательства усилия аппаратчицы были сведены на нет. А вскоре автомобилестроитель и вовсе съехал из «Белого дома».

Помню, меня поразила тогда сумма взятки - 5 тысяч. За такие деньги мне, полковнику с 20-летней выслугой, надо было горбатиться как минимум год. Здесь же все решалось за 10 минут.

Если находятся люди, готовые заплатить 5 тысяч лишь за то, чтобы войти в кабинет к первому вице-премьеру, чего там говорить о «расценках» премьер-министра. За любовь Черномырдина не жалко выложить любую сумму...

* * *

В начале 1995 г. в отдел «П» поступила информация о том, что некто Григорий Студенников активно ищет выходы на правительственные круги. Кое с кем ему уже удалось сблизиться.

Однако главная цель оставалась пока недоступной. Студенников мечтал добраться аж до самого премьера.

В личности Григория Студенникова не было ничего примечательного. «Скромный» бухгалтер. Точнее - начфин Федерального дорожно-строительного управления при Министерстве обороны, полковник. Но вот зачем «скромному» полковнику выходы на Черномырдина? Это предстояло выяснить.

Проверив Студенникова по оперативным учётам ФСБ и МВД, мы

обомлели. И в том и в другом ведомстве этот человек был хорошо известен. По данным коллег, «новоявленный Корейко» пробавлялся крупномасштабным воровством. Метод, который он избрал, особо оригинальным не отличался: Студенников перечислял на счета созданных им самим фирм крупные суммы денег из Минобороны по фальшивым «платёжкам». Затем фирмы вместе с деньгами бесследно исчезали. Каждая такая «операция» приносила начфину солидный гешефт - не менее 5 миллиардов рублей. Всего он увёл из казны примерно 10 миллионов долларов.

Изучив материалы, мы поняли: нам предстоит долгая кропотливая работа по документированию преступной деятельности полковника. Как говорится, не пойман - не вор...

Вскоре один из наших источников сообщил: возможно, за Студенниковым стоят весьма известные в криминальной среде граждане, эмигранты из СССР. Они уже давно покинули страну, открыли бизнес во многих странах мира. Сейчас же решили нажиться за счёт своей бывшей Родины. Эмигранты были неплохо знакомы с полковником. Сошлись они во время одной из студенниковских операций. Помогали начфину «отмывать» деньги.

Стало ясно, почему «скромный» бухгалтер так стремился заручиться поддержкой влиятельных правительственных особ. Тем более, что тот же источник поведал: Студенников использовал часть похищенных денег для проработки возможных каналов выхода на сановников, иными словами - на взятки.

К этому моменту мы уже знали, что полковник активно форсирует события. Среди его друзей оказался один из лечащих врачей Черномырдина. Известно, что личный врач - то же самое, что домашний священник. Если не доверять своему доктору, то кому же тогда вообще доверять!

Студенников и его «покровители» зашли слишком далеко. Ради достижения своей цели они не жалели никаких денег.

Специально купили часы под Фаберже с бриллиантовой инкрустацией стоимостью 50 тысяч долларов США. Начфин намеревался передать часы жене Черномырдина через лечащего врача. Нечто вроде рождественского подарка. А потом... потом цена часов окупилась бы сторицей.

* * *

- Этого ни в коем случае нельзя допускать, - сказал Коржаков после того, как я доложил ему о готовящейся акции. Если об этом знают наши помощники, представляешь, сколько людей будет посвящено в план операции. Уже одно это компрометирует Ч. В. С. и

его семью.

Я было попытался получить небольшую отсрочку - оставалось ещё много неясного в похождениях Студенникова, но шеф был непреклонен.

- Приступайте немедленно, - скомандовал он, сверкая глазами. - Главное, чтобы часы не попали к премьеру.

Из кабинета Коржакова я вышел несколько ошарашенным.

Кто знает, - может, эти злополучные часы уже красуются на шикарной даче Черномырдина. Да и материалов для возбуждения уголовного дела у нас пока маловато.

Но приказ есть приказ. Не теряя ни минуты, я связался с Главной военной прокуратурой. Договорился о встрече.

Разговор с военными прокурорами вернул мне хорошее расположение духа. Ребята поняли всё с полуслова. Договорились мы так: в ГВП создаётся специальная следственно-оперативная группа под контролем начальника отдела генерала А. С. Духанина (кстати, бывшего следователя КГБ СССР. Именно Духанин вёл дело известного американского шпиона генерала-предателя ГРУ Полякова). Все дальнейшие мероприятия будут проходить уже в рамках уголовного дела.

Трудно передать на бумаге те нечеловеческие усилия, которые мы предприняли, дабы упечь Студенникова за решётку.

Настал, однако, день, когда я, сияя как медный пятак, смог доложить шефу:

- Ваш приказ выполнен.

Полковник был арестован и помещён в СИЗО «Лефортово».

Разумеется, на допросах он всё отрицал. На контакт со следствием идти отказывался. Доказать виновность Студенникова мы могли на 100% лишь в том случае, если бы сумели возвратить государству похищенные деньги.

Шаг за шагом, эпизод за эпизодом прокуратура и СБП двигались к финалу операции. Скрупулёзно проверялись все расходы арестованного. (Я немало изумился, когда руководитель следственной группы подполковник юстиции С. В. Иванов рассказал, что Студенников регулярно просаживал по 10 тысяч долларов в казино «Up & Down».) Со своей стороны мы вели активную агентурно-оперативную работу по поиску пропавших миллионов. Сложность заключалась в том, что, как уже упоминалось, студенниковские фирмы бесследно исчезали, а бюджетные деньги уходили за кордон.

Здесь нам огромную помощь оказала зарубежная агентура Службы и резидентуры внешней разведки в Восточной и Западной Европе. При их участии удалось обнаружить кое-что из похищенного.

Три миллиона долларов «материализовались» в ювелирные украшения, которые хранились в одной из оффшорных зон Европы.

Чтобы возвратить «золото-бриллианты», пришлось провернуть сложную многоходовую комбинацию. Наши люди встретились с иностранными партнёрами Студенникова, убедили их, что драгоценности лучше отдать по-хорошему. Передача «сокровищ» (а это было 2700 золотых ювелирных украшений, общим весом 11 кг, с бриллиантовыми вставками свыше 900 карат) состоялась в свободной зоне московского аэропорта «Шереметьево-2».

«Партнёры» вручили сотрудникам следственно-оперативной группы драгоценности и тут же улетели обратно, от греха подальше.

Таким же макаром в Россию мы вернули имущества ещё на 3 миллиона «зелёных». По нынешним раздольным меркам, сумма эта, может, и небольшая. Но если бы каждая служба возвращала ежегодно в казну 6 миллионов долларов, ни о каком секвестировании (тьфу ты, еле выговорил!) и речи бы не шло.

* * *

Уголовное дело по обвинению Студенникова в хищении путём злоупотребления служебным положением было закончено в 1997 г. Следствие полностью смогло доказать вину полковника.

Понятно, история о часах для премьера в обвинительное заключение не вошла. Хотя СБП часто обвиняют в стремлении дискредитировать руководителей государства, перед нами стояла совсем другая задача - не довести сановников до греха. Успеть остановить.

Когда рукопись уже находилась в типографии, стало известно, что Студенников попал под амнистию. Абсурд. Солдат, укравший со склада пару валенок, будет сидеть за решёткой; его статья под амнистию не попадает. А наш герой, который облегчил казну на 10 миллионов долларов, гуляет на свободе.

О чём думали готовившие и принимавшие решение об амнистии? Неужто о том, что чиновникам нужно и должно воровать. Это ведь совершенно неопасно.

Высокоростный Большаков

В любом коллективе всегда есть люди, о которых и вспомнить-то нечего, - в школе, в институте, на работе.

Отличники и передовики, двоечники и дебоширы - эти из памяти не уходят. А серые, незаметные исчезают мгновенно. Кто такой? Чем занимался? Никаких ассоциаций. Даже фамилия иной раз ни о чём не напоминает.

Алексей Алексеевич Большаков - из таких. В правительстве он проработал три года. Срок приличный. Как первый вице-премьер в отсутствие Черномырдина иногда даже вёл заседания кабинета. А вот поди ж ты, сказать о нём ничего не могу. Был, да сплыл.

Неприметная серая внешность. Косная чиновничья речь. Такой же костюм. Всё!

Правда, говоря откровенно, лично я Большакова не видел ни разу. О чём ничуть не жалею. Материалы, которыми располагал мой отдел, отнюдь не способствовали возникновению хоть какого-то подобия симпатии.

Как и многие, Большаков кристальной чистотой не отличался...

* * *

До того, как стать вице-премьером, Большаков работал в чине генерального директора АООТ «Высокоскоростные магистрали» - ВСМ (так оно сокращённо называется) - организации весьма странной. Нечто вроде конторы «Рога и копыта».

ВСМ брались построить новейшую суперсовременную железную дорогу между Питером и Москвой. Пробивая создание «Магистралей», Большаков и компания ходили по высоким кабинетам и убеждали: две столицы не должны быть отброшены друг от друга. Если сегодня путь от Ленинградского вокзала до Московского занимает 8 часов, то уже завтра он может быть сокращён до 3-4. К несчастью, Большакова послушали. 23 ноября 1991 г. Указом Президента РСФСР АООТ ВСМ было создано. При этом - заметьте - организация была не государственной, а коммерческой.

Не знаю, как сейчас, но до ухода Большакова из «Белого дома» ничего серьёзного ВСМ создать не сумели. Пять с лишним лет ушло только на то, чтобы затеять строительство нового вокзала. А в то же время деньги «Магистрали» получали исправно. Причём кредиты из-за рубежа, выделенные ВСМ, страховались правительственными облигациями. (Понятно, не без участия Большакова.) Но главное даже не это. ВСМ по большому счёту не были нужны ни Питеру, ни

Москве. Прикиньте сами: от Шереметьева до Пулкова чистого времени лёту 50 минут. Плюс час в общей сложности на то, чтобы добраться до аэропорта. Цена билета примерно 300 тысяч рублей.

На поездах ВСМ придётся ехать вдвое дольше. Билет будет стоить как минимум в 3 раза дороже. Как минимум. Где логика?

Логики нет. Ладно бы поезда и самолёты уходили битком набитыми и в билетную кассу надо было записываться за месяц. Нет же. И составы и аэробусы всегда заполнены в лучшем случае наполовину. Я уж не говорю о том, что, если ВСМ проложат-таки свои «скоростные» рельсы, придётся вырубать заповедники, нарушая тем самым экосистему природоохранных зон. Иного маршрута просто нет. Хотя и советник президента по экологии Яблоков, и председатель Комитета по экологии Госдумы Злотникова неоднократно выступали с резкой критикой проекта ВСМ, говорили, что вырубать вековые леса дикость и варварство, их мнение не пожелали услышать.

Напротив, будучи вице-премьером, а затем и первым вице, Большаков всеми силами опекал родное детище. Конечно, никто и пальцем не мог дотронуться до «Магистралей». От Большакова зависело слишком многое в этой жизни.

Разумеется, отдел «П» не занимался проведением экологических экспертиз. Нас интересовало другое - вышел ли Большаков из состава учредителей АООТ ВСМ. По положению о федеральной госслужбе, с момента назначения на должность вице-премьера он обязан был порвать со всякого рода коммерцией.

Но не порвал. Через свои источники мы получили копию платёжного поручения «Магистралей» банку «Санкт-Петербург». Оно было подписано Большаковым 2 декабря 1994 г. То есть через месяц после его прихода в «Белый дом». (Насколько мне известно, эта «платёжка» до сих пор хранится в архиве банка.) В финансовых документах ВСМ за 1995 г. Большаков тоже фигурировал в качестве не вице-премьера, а заместителя председателя правления «Высокоскоростных магистралей», что являлось грубым нарушением закона.

Большаков продолжал контролировать деятельность ВСМ и их дочерних структур. Он лично принимал решения по всем стратегическим вопросам, отдавал приказания. Косвенным подтверждением неустанной заботы Большакова о «Магистралях» служит ещё и тот факт, что он добился замены тогдашнего министра путей сообщения Фадеева на Зайцева, бывшего начальника Октябрьской железной дороги. Последний - старый и давний соратник Большакова. Они вместе создавали ВСМ - Зайцев

входил в руководство АООТ, вместе «пробивали» проект. Фадеев всячески противился строительству новой «железки». Как умный министр, он понимал, что это элементарная авантюра, за что и поплатился.

(Правда, как только Большаков ушёл из «Белого дома», моментально расстался со своим креслом и Зайцев. Он был вынужден вернуться на прежнюю должность начальника Октябрьской железной дороги.) Связывало Большакова и Зайцева и ещё кое-что: они были соучредителями другой коммерческой фирмы.

* * *

В начале 1996 г. отделу «П» стало известно, что одними «Магистралями» дело не обошлось. Первый вице-премьер Большаков, несмотря на высокий пост, продолжает руководить рядом петроградских фирм.

В АОЗТ «Арсенал» ему принадлежало 60% капитала, в ЗАО «Шелонь» - 50%, в ЗАО «Таграньь» - 20%, в российско-американском торгово-промышленном обществе «Евротрейд» - 10%, в АОЗТ «Аргус» - 3%. Акционером и совладельцем «Евротрейд» был и наш старый знакомый - «железнодорожник» Зайцев.

Проверка информации показала, что Большаков действительно не вышел из состава учредителей вышеперечисленных компаний. Напротив, уже после своего назначения зампредом правительства создал две новые коммерческие структуры. Торговая фирма ALD была зарегистрирована 13 января 1995 г. В ней Большакову принадлежало 60%. 1 января 1995 г. появилась торговая фирма «ComSky». 33,34% акций находились во владении Алексея Алексеевича. Тот факт, что, сидя в «Белом доме», Большаков организовал две солидные фирмы, окончательно убедил нас: дело не в рассеянности или забывчивости вице-премьера.

Нарушение закона не случайное стечение обстоятельств, а вполне продуманные действия. Обо всём этом мы написали в письме на имя Ельцина. Указали, что речь идёт о сознательном совмещении коммерческой деятельности с госслужбой. Президент внимательно ознакомился с документом. Начертал на полях: «Егорову. Проверить и доложить».

Руководитель президентской администрации Николай Дмитриевич Егоров был человеком исключительно исполнительным.

Он направил серию запросов в финансовые и правоохранительные структуры Петербурга. Вскоре пришли ответы, которые подтвердили правоту СБП.

В любой другой стране Большакова моментально отправили бы в отставку. В любой другой, но только не у нас. Хотя Егоров и доложил Ельцину о полученных материалах, Б. Н. в очередной раз не решился тронуть «человека Черномырдина».

Уже после всех отставок, в больнице, где очутился Коржаков, я встретил Егорова. Спросил:

- Николай Дмитриевич, что тогда, в истории с Большаковым, сказал президент?

- Ничего, - грустно ответил бывший руководитель администрации. - Он только кивнул головой.

Сколь верёвочке не виться... Конечно, я ничуть не тёшу себя мыслью, что, когда при очередной реорганизации правительства Большаков был уволен, свою роль сыграла информация СБП. Скорее всего, произошло это по двум причинам. Во-первых, Чубайс как мог выталкивал из кабинета ставленников Ч. В. С. Во-вторых, Большаков наглядно продемонстрировал всем полную профнепригодность.

Говорят, сейчас он снова вернулся в Питер. Строит столь «необходимую» стране «высокоскоростную магистраль».

Большакова сняли в марте 97-го. Через месяц, 25 апреля, скончался Николай Дмитриевич Егоров.

Два оппонента. Две судьбы. Один всю жизнь занимался маниловщиной. Второй работал на износ. Он так горячо бросался в работу, что даже болезнь отступала.

Большаков жив-здоров. Егорова уже нет.

Помните, у Пушкина, в «Капитанской дочке»? «Чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой крови, а там что Бог даст!»

Владимир Бабичев: взятки гладки

Вскоре после своего назначения руководителем Административного департамента аппарата правительства Сергей Вадимович Степашин зашёл к Коржакову.

- А. В., что у тебя творится в «Белом доме»? - возмущённо выпалил отставной директор ФСБ. - Не видишь, что под носом делается! Ты разве не знаешь, что Бабичев - засланный казачок, коммунист до мозга костей?

Сергей Вадимович взволнованно продолжал: - Я же помню, как в Верховном Совете Бабичев проводил антипрезидентскую линию. Голосовал против выборов президента, за досрочное прекращение полномочий Ельцина, за импичмент...

Шеф внимательно выслушал генерал-лейтенанта, потом сказал:

- В «Белом доме» есть специальный отдел СБП. Давай, ты то же самое повторишь его начальнику Стрелецкому...

Буквально на другой день я пришёл в кабинет к Степашину.

Начальник департамента был сама любезность. Даже его вечно красный нос светился особым гостеприимством.

- Слушай, как ты здесь работаешь? Тихо, бесшумно?

- А зачем нам лишний шум, Сергей Вадимович? Степашин понимающе кивнул.

- Валерий Андреич, вот какое дело. Ты Бабичева знаешь?

Как я мог не знать всемогущего шефа аппарата правительства? Смешно, право. Впрочем, Степашин и не ждал ответа.

- Понимаешь, Бабичев не тот, за кого себя выдаёт. Он коммунист. Настоящий. Если Бабичев останется в «Белом доме» на период выборов, это может принести президенту массу вреда.

Неизвестно, что у Бабичева на уме. Мы с Александром Васильевичем подумали и решили: нужно написать обо всём президенту.

- Материалы на Бабичева я тебе отдам.

Степашин не соврал. Сотруднику, которого я прислал, генерал добросовестно продиктовал, как и за кого голосовал Бабичев, будучи членом Верховного Совета.

Видимо, будучи ещё депутатом, Сергей Вадимович начал собирать компромат на коллег по Верховному Совету. Почему только компромат всплыл именно сейчас? Хотя Степашин об этом и

умолчал, догадаться было нетрудно.

Скорее всего, новоназначенный руководитель департамента не поделил что-то с главой аппарата правительства. Бабичев решил показать, кто хозяин в «Белом доме» - формально Степашин подчинялся ему, - а бывший директор ФСБ к подобному обращению не привык. Как-никак - крупный государственный деятель...

Всё рассказанное Степашиным мы аккуратно задокументировали. Приобщили к своим материалам, благо персона Бабичева нас давно привлекала. Не знаю, как насчёт политических пристрастий, но в одном Степашин был прав: Бабичев действительно не тот, за кого себя выдаёт...

* * *

Сегодня Владимир Степанович Бабичев - один из самых влиятельных политиков России. Оставаясь всегда в тени, Бабичев умело управляет «Белым домом», движением «Наш дом - Россия», где он является председателем исполкома. Мастер подковерной игры, прошедший школу аппаратной интриги ещё в ЦК КПСС, Бабичев пользуется неизменной поддержкой и доверием Черномырдина. В своей близости к премьеру он может сравниться разве только с другим нашим «героем» - главой секретариата Геннадием Петелиным.

И это не удивительно. Владимир Степанович рядом с Виктором Степановичем уже почти 20 лет. Познакомились они в Астрахани. Потом Черномырдин перетащил Бабичева в Москву, оттуда - в «Газпром». Параллельно с восхождением Черномырдина на политический Олимп росла и значимость Бабичева...

Однако «великим и ужасным» Владимир Степанович был не всегда. Ещё добрых 5 лет назад он готов был «отдаться» за незначительные по сегодняшним меркам суммы.

Перейду к фактам.

В начале 1995 г. я понял, что тактика выборочного поиска «засветившихся» сотрудников аппарата правительства себя не оправдывает. Необходимо было подойти к этой проблеме шире.

Отдел «П» разослал запросы во все отечественные спецслужбы с просьбой представить какие-либо оперативные материалы на обитателей «Белого дома».

Материалов поступило много, в том числе и на Бабичева. И вот что удалось нам узнать. В 1992 г. к Бабичеву, работавшему тогда заместителем генерального директора компании «Газмашпром», обратился некий Олег Солодовников, представитель немецкой

фирмы «Пиндур Гмбх». Солодовников просил Бабичева о «небольшой» любезности.

Дело в том, что в 1991 г. германская фирма «Луитпольд Верке», интересы которой представляла «Пиндур Гмбх», поставила в Россию крупную партию медицинского препарата «Артепарон».

Денег же за свой товар немцы не получили. Все их попытки вернуть законную валюту, а причиталась им немалая сумма - 1 миллион 837 тысяч долларов, оканчивались ничем. Российские партнёры («Медэкспорт») динамили их по-всякому.

В конце концов немцы поняли, что без взятки воз не сдвинешь с места. В надежде получить хоть что-то они были согласны отдать тому, кто пробьёт их вопрос, львиную часть долга. А именно - 20%.

Таким человеком оказался Бабичев. Конечно, в то время Владимир Степанович не имел ещё той сумасшедшей власти, которую обрёл позже. Но его «крёстный отец» Черномырдин стал уже вице-премьером правительства России. Соответственно, возможности у Бабичева были огромные.

Предложение Солодовникова он принял с восторгом. Даже съездил в январе 1993 г. за счёт фирмы «Пиндур Гмбх» в Германию, якобы с деловым визитом. В действительности это была чисто развлекательная поездка.

Некоторые подробности «сладкой жизни» Бабичева прояснил в своём материале журналист «Московского комсомольца» Александр Хинштейн. Он сумел разыскать главу «Пиндур Гмбх» Эрнста Пиндура и прямо его спросил:

- Что Бабичев делал в Германии?

- Охотился, - ответил бизнесмен.

Похоже, охота пришлась Бабичеву по душе. В феврале 1993 г. благодаря его усилиям правительство наконец-то приняло решение о выплате немцам долга. 20% от полученной суммы - 367 тысяч 400 долларов - в Германию не вернулись. Согласно доверенности, выданной «Луитпольд Верке» Олегу Солодовникову, он имел право предоставить 20%-ную скидку в случае удачного завершения операции.

Легко догадаться, кому перешли эти деньги.

Лоббированием одной только сделки новые друзья ограничиться не пожелали. Они планировали «пробить» правительственное решение о постройке фармацевтических заводов.

Строили и иные, не менее ошеломляющие проекты.

Но вряд ли Бабичев догадывался, с кем он имеет дело...

* * *

Его «боевой товарищ» Олег Солодовников - личность занятнейшая. В 1982 г. он был осуждён на 4 года лишения свободы по статье 78 УК РСФСР - контрабанда. Солодовникова «взяли» на незаконном вывозе из Союза старинных икон и антиквариата.

Отсидев положенный срок, контрабандист вышел на свободу, женился на немке и эмигрировал в ФРГ. Там он тесно сошёлся с местными бизнесменами и в паре с Эрнстом Пиндуром открыл в СССР совместное торговое предприятие «Интероко». Было это в 1989 г. С начала же 90-х дела у Солодовникова пошли ещё лучше.

Каким-то неведомым образом ему удалось получить в столичном ГУВД полный карт-бланш на торговлю оружием. (Не забывайте: он несколько лет жил за рубежом, имел судимость!) Свою роль в очередной раз сыграло умение дельца «подкормить» нужных чиновников. Не случайно управление ГАИ выдало ему милицейские номера «МКМ» на личный «Мерседес». Талон-вездеход «без права проверки» (№ 000180). Столь подозрительные вещи не могли не привлечь внимание спецслужб. Блестяще провёрнутая вместе с Бабичевым операция по возврату долга «Луитпольд Верке» окончательно убедила их, что в истории Солодовникова пора ставить точку.

В октябре 1993 г. сотрудники Управления по борьбе с контрабандой и коррупцией Министерства безопасности провели обыски в офисе и на даче бизнесмена. Результаты не заставили себя долго ждать: было изъято большое количество незарегистрированного оружия - пистолеты Макарова, винтовки, оптические и инфракрасные прицелы, почти полторы тысячи единиц боеприпасов.

Сам Солодовников в это время находился в Германии. Естественно, узнав о случившемся, он предпочёл отсидеться за рубежом до лучших времён. Затаился и Бабичев. Он отлично понимал, куда может потянуться эта ниточка. Однако волновался Владимир Степанович понапрасну. Трогать личного друга премьер-министра в ФСБ не решились.

(Никакой вины оперативников тут нет - санкции на все мероприятия даёт осторожное руководство.) Для нас же таких препон не существовало. Поэтому, когда мы узнали о наличии материалов на Бабичева, моментально взялись за их реализацию.

Часть этих документов и легла в основу письма, направленного Ельцину по инициативе Степашина.

В письме говорилось, что СБП располагает проверенной оперативной информацией о причастности руководителя аппарата правительства РФ В. С. Бабичева к коррупции в высших органах власти. Рассказывалось о немецких деньгах, о поездке Бабичева за рубеж. Кроме того, упоминалось, как и когда Бабичев, будучи членом Верховного Совета, сопредседателем фракции «Коммунисты России», голосовал против президентской позиции. Против деполитизации армии и правоохранительных органов, против учреждения поста Президента РСФСР, против проведения выборов президента в 1991 г.

После ликвидации КПСС на VI съезде, в апреле 1992 г., Бабичев голосовал за признание работы правительства неудовлетворительной, за упразднение постов представителей президента на местах, за предоставление ВС права не только назначать, но и смещать премьера, за досрочное прекращение дополнительных полномочий президента Ельцина. На VII съезде, в декабре 1992 г., - за признание деятельности правительства неудовлетворительной, за статью 121-5 Конституции РФ, ставящую назначения ключевых министров под контроль Верховного Совета, за статью 121-6 Конституции РФ - о возможности беспроцедурного и немедленного прекращения полномочий президента в случае роспуска им органов законодательной власти. На IX съезде, в марте 1993 г., - за поправку в постановлении о референдуме, в соответствии с которым президент должен уйти в отставку, если соберёт менее 50% голосов от общего числа избирателей, за импичмент президенту.

Я описываю всё это подробно только для того, чтобы показать, как деформируется мировоззрение человека в зависимости от занимаемого им должностного положения.

Осенью 1995 г. письмо такого содержания легло на стол президенту...

* * *

Примерно через неделю после этого у меня в кабинете зазвонил телефон правительственной связи АТС-1.

- Слушай, Валерий Андреич, - сказала трубка голосом Степашина. - Тут ко мне Бабичев приходил, за сердце хватался.

- Говорит: зачем Александр Васильевич так плохо обо мне думает? Я не такой. Я предан президенту, это всё неправильно.

Глава административного департамента замолчал, тяжело дыша в трубку. Ждал, что я отвечу.

- Сергей Вадимович, вы изменили свою позицию?

- Да нет. Я тебя хотел просто проинформировать... Жалко ведь человека... Может, зря мы с ним так.

Ситуацию я понял мгновенно. Степашин решил отыграть назад. Подстраховаться. Видимо, Бабичев понял, что оплошал.

Узнав от Черномырдина о происшедшем, он поспешил помириться с экс-директором. И... помирился. Даже подружился. А какие между друзьями могут быть счёты...

Ничего вразумительного Степашину я не ответил. Вежливо распрощался. Подумал: каким двуличным надо быть, чтобы сперва в пылу обиды начать гасить человека, а потом, замирившись, сделать вид, что ничего не произошло. А ведь этот человек руководил нашей госбезопасностью! (Сейчас верховодит в Минюсте...) Степашин зря старался. Никаких результатов наше письмо всё равно не дало. Президент Бабичева не тронул - Черномырдин в очередной раз отстоял «своего».

Подобно Петелину, сегодня Владимир Степанович продолжает оставаться на вершине власти. В немногочисленных интервью рассказывает о трудной, но интересной работе аппарата правительства, о демократических идеалах. С таким же успехом в верности президенту и в любви к двуглавому орлу мог бы распинаться и глава КПРФ Г. А. Зюганов. Геннадий Андреевич по крайней мере взяток не берёт...

По некоторым данным и сейчас Солодовников продолжает чувствовать себя хозяином в «коридорах власти». По-прежнему расставляет своих людей на ответственные посты. Но думаю, что вина в этом не спецслужб, а тех, кто в своё время не прислушался к их информации.

Гад президента

Глава (теперь уже бывший) президентской администрации (сокращённо ГАД) Сергей Филатов был одним из самых рьяных критиков СБП. Постоянно жаловался своим доверенным людям на «произвол», чинимый коржаковцами, на то, что в Кремле невозможно работать, что за ним всё время следят.

Весной 1995 г. Филатов даже заявил журналистам, что его служебный кабинет прослушивается. Он, правда, не сказал, чьих рук это дело. Но для любого мало-мальски разбирающегося в политике человека и так было ясно - «слушать» в Кремле может только одно ведомство - СБП. Правда, почему его окружили такой заботой и вниманием, Филатов объяснять не стал. Он-то знал, что присматривали мы за ним отнюдь не из праздного любопытства...

* * *

Всё началось весной 1995 г. Один из сотрудников отдела «П» по своим делам ездил на Ставрополье. Вернувшись, рассказал, что получил тревожный сигнал: якобы местные криминальные авторитеты имеют самую тесную связь с Филатовым.

Я поручил провести первичную проверку, выяснить, насколько достоверна эта информация. Вскоре ко мне на стол легла оперативная справка, в которой сообщалось, что Филатов действительно находится в близких отношениях с некими гражданами Гавриловым и Гольдбергом, оба в прошлом .судимыми. Они регулярно встречаются, вместе проводят время.

В ФСБ и МВД эти данные подтвердились. По информации коллег Гаврилов являлся криминальным авторитетом Ставрополья. Он активно вынашивал планы войти во власть.

- Да, на Филатова у нас имеется много всего, - задумчиво изрёк Коржаков, когда я представил ему полученные материалы. - Я неоднократно докладывал президенту, что Сергей Александрович дружит не с теми, с кем надо. Видно, Филатов окончательно зарвался.

Хотя в структуре СБП существовал отдел «К», занимавшийся администрацией президента, и отдел, обслуживающий территории, разработку решено было поручить нам. Источники ведь были наши...

* * *

Далее события разворачивались, как в фильме «Спрут» - стремительно и лихо. Оперработника, вылетевшего в Ставрополь, уже поджидали.

По негласному указанию руководителей краевых спецслужб за ним было организовано наблюдение. Доходило до смешного.

- Представляете, - рассказывал он потом. - Встречаюсь я с одним из руководителей местной ГК. Разговор идёт нормально.

Вдруг мы оба замечаем «хвост». Начальник тут же вспоминает о каком-то неотложном деле и убегает.

Понятно, что ставропольскими генералами двигали совсем негосударственные интересы. Всеми силами они старались защитить Гаврилова и Гольдберга - самых богатых людей края...

Приходилось действовать, как подпольщикам: жить на конспиративных квартирах, тайно встречаться с источниками, уходить от «наружки».

Ставропольские «князьки» настолько нежно относились к бывшим рецидивистам, что готовы были закрыть глаза на всё.

Абсолютно на всё. Гаврилов был очень близок со многими из них.

Видимо, не случайно большинство оперативных материалов на Гаврилова было уничтожено.

А материалов накопилось немало. Гаврилов, например, подозревался в махинациях с валютой. По оперативным учётам проходил, как уже упоминалось, одним из криминальных авторитетов края. (Формально он являлся президентом концерна «ГРиС».) УВД края разрабатывало Гаврилова на причастность к двум заказным убийствам. Однако самое страшное заключалось даже не в этом. У силовиков были все основания предполагать, что Рамбон Гаврилов самым тесным образом связан с иностранной разведкой, точнее - с израильской.

Его компаньонами были экс-генерал военной разведки Израиля и высший чин МВД в отставке. Каждую неделю на встречу к Гаврилову в Пятигорск из Москвы и Израиля приезжали установленные израильские разведчики, в крайнем случае лица, подозреваемые в сотрудничестве со спецслужбами этого государства.

Заместитель Гаврилова был уличён в получении денег от сотрудника израильской разведки. Факт их встречи зафиксировали оперативно-технические службы. Усилиями Гаврилова на территории концерна «ГРиС» открылось одно из самых крупных в России представительств «Сохнута» - организации, которая помогает нашим евреям эмигрировать в Израиль. В печати неоднократно утверждалось, что под «крышей» «Сохнута» активно

действуют «Моссад» и другие израильские спецслужбы. Именно поэтому работой ставропольского филиала и заинтересовались спецслужбы.

Узнав об этом, Гаврилов моментально перевёл офис в другое место.

Бизнесмен арендовал пассажирский самолёт, организовал постоянный чартерный рейс Минводы - Тель-Авив, нарушая при этом все мыслимые и немыслимые законы. Полёты проходили без какого бы то ни было таможенного и пограничного контроля.

Не знаю, как вы, но я вряд ли подружился бы с таким человеком. Одно его прошлое говорит само за себя - в 1980 г. областной Карачаево-Черкесский суд приговорил Гаврилова к 10 годам лишения свободы. Он был признан виновным в хищении госимущества, мошенничестве, взяточничестве и злоупотреблении служебным положением.

Под стать ему и наш второй герой - глава фирмы «Эльбрус» Яков Гольдберг. Гольдберг провёл в местах не столь отдалённых целых 11 лет. Среди других статей в его деле фигурировал и бандитизм.

Впрочем, преступниками эти люди были раньше. На момент проверки они обрели статус уважаемых граждан, с которыми считалось всё местное руководство.

Между прочим, деньги на развитие дела Гаврилов получил от израильтян. А как же иначе, ведь Гаврилов - член Общественной палаты при президенте России? Глава ельцинской администрации всякий раз, приезжая на Ставрополье, прямо из аэропорта мчался к нему с визитом.

Имя Филатова «новые русские» использовали при каждом удобном случае: для них открывались любые двери. На Ставрополье отлично знали: связываться с Гавриловым и Гольдбергом - себе дороже. Как говорится, подальше от царей - будешь целей. Чуть что - мигом нажалуются Филатову или израильскому послу. Ведь вызвал же Гаврилов одним телефонным звонком посла в Пятигорск, когда решался вопрос об экстренной отправке беженцев-евреев из Чечни в Израиль...

* * *

Скверная репутация друзей отнюдь не смущала главу президентской администрации. Скорее наоборот. Он постоянно встречался с ними, созванивался, помогал чем мог.

Ставропольцы тоже не оставались в долгу. В районе Николиной горы, под Москвой, Филатову был построен шикарный коттедж.

Только по самым скромным оценкам, обошёлся он в миллион долларов. Платил, разумеется, не Филатов. Дом начинал возводить Гольдберг. Потом, когда почувствовал, что деньги тают как снег, перепоручил важную миссию Гаврилову. Сам Филатов при каждом удобном случае утверждал, что дачу он якобы воздвигал на полученные в банке кредиты.

Возникает резонный вопрос: а для чего, собственно, расчётливые бизнесмены шли на такие траты? Всё очень просто.

Как я уже сказал, дружба с Филатовым была для них своеобразной индульгенцией. Нечто вроде депутатской неприкосновенности. К тому же с помощью главы ельцинской администрации они при желании могли достать и луну с неба. Когда после провала в Будённовске летом 1995 г. ставропольский губернатор Кузнецов был отправлен в отставку, Гаврилов попытался посадить на его место своего человека - «ручного» вице-губернатора Коробейникова. Он специально возил «претендента на престол» в Израиль, устраивал смотрины. На земле обетованной дали добро.

Тогда Коробейникова снарядили и отправили в Москву. При себе он имел чемоданчик с неплохим содержимым - 300-350 миллионов рублей наличными. Эти деньги предназначались чиновникам, которые могли бы помочь при назначении Коробейникова. Поддержки одного Филатова было явно недостаточно. Но вышла промашка. В аэропорту «Внуково» контролёры обнаружили огромную сумму. Ситуация получилась скандальная. Объяснить, откуда у него столько денег, Коробейников не мог. К счастью, никакие деньги бизнесменам не помогли.

Коробейникова дружно «прокатили». С горя он ушёл в глухую оппозицию - возглавил краевую организацию Конгресса русских общин, начал выступать с резкой критикой президента.

Хотел бы я посмотреть на Филатова, если бы ему удалось довести дела до конца. Усадить в губернаторское кресло ярого антиельцинист - такое иезуитство не прощается.

Неудача не сломила деятельного Гаврилова. Он решил не размениваться по мелочам, а податься в крупные политические деятели. Осенью 1995 г. президент концерна «ГРиС» был зарегистрирован краевым избиркомом как один из кандидатов в депутаты Государственной Думы.

Скорее всего, необходимое число голосов набрали бы, и Гаврилов одержал бы победу. Но тут в дело вмешались мы...

* * *

Согласитесь: когда руководитель администрации президента дружит с человеком, подозреваемым в связях с иностранной разведкой, это настораживает.

Филатов не мог не понимать, что, получив кабинет в Кремле, он перестал принадлежать самому себе. Любой его неверный шаг воспринимался отныне как «государственная линия», любая выходка бросала тень на власть - лично на президента. Понимать - понимал, но продолжал вести себя, как и раньше.

В апреле 1995 г. Сергей Александрович приказал оформить вице-президента «Мост-банка» Хаита внештатным экспертом Центра президентских программ. Думаю, Хаиту просто хотелось получить краснокожее удостоверение-вездеход.

Коржаков и Барсуков переполошились. Хаит давно уже вызывал опасения спецслужб. Банкир питал большие симпатии к «Бюро по связи при премьер-министре Израиля». Кто не знает - вышеупомянутое бюро является координатором работы израильских спецслужб в России.

«Ну ладно, - подумали в СБП и ГУО, - человек ошибся. Откуда Филатову слышать о таких делах?» На имя главы ельцинской администрации было направлено письмо, где объяснялось, почему Хаита не следует оформлять на работу в президентские структуры.

Филатов письмо прочитал и... подписал 10 октября 1995 г. соответствующее распоряжение.

Цитирую: «Утвердить Хаита Бориса Григорьевича консультантом Центра президентских программ Администрации Президента Российской Федерации с исполнением обязанностей на общественных началах».

Коржаков с Барсуковым испытали настоящий шок. Ладно бы Филатов ничего не знал. Но его ведь специально предупреждали.

Начальник Управления кадров администрации Д. Д. Румянцев даже прочитал Филатову целую лекцию о том, как израильские спецслужбы наращивают обороты по сбору политической, экономической и прочей информации об обстановке в России. На пальцах объяснил, что Хаита нельзя пускать в Кремль.

Всё - как в прорву. Либо Сергей Александрович не верил вообще никому, либо сознательно окружал себя подозрительными личностями. Либо просто ничего не понимал в жизни. В любом случае для шефа кремлёвской администрации вёл он себя, мягко говоря, неподобающе.

Вспоминаю, как коллеги из параллельного отдела целый месяц

уламывали Филатова, чтобы он уволил из администрации одного сотрудника, который подозревался в связи с иностранной разведкой.

Сергей Александрович и слушать никого не желал. Он пошёл на попятную только спустя месяц, когда убедился, что СБП и ФСБ не успокоятся и будут долбить его каждый день.

Кстати, премьер-министр Черномырдин в этом плане выигрывает на филатовском фоне. Стоило мне только доложить, что один чиновник из аппарата правительства подозревается в работе на заграничную спецслужбу, как Ч. В. С. в тот же день отдал распоряжение об увольнении. Старый аппаратчик, он впитал с молоком матери страх перед шпионами. То ли дело - Филатов...

История с Хаитом завершилась весьма знаменательно. Когда Коржакову стало окончательно ясно, что добром вопрос не решить, он написал письмо на имя Ельцина. В документе подробно излагалась вся проблема.

«С. А. Филатову. Не допускать и близко», - начертал на бумаге президент...

Однако спустя несколько месяцев, когда всё утихло, Сергей Александрович всё-таки сделал так, как считал нужным, оформив Хаита в Центр президентских программ.

* * *

Итак, осенью 1995 г. Рамбон Гаврилов был зарегистрирован как кандидат в депутаты Госдумы. Ещё немного, и он бы получил мандат народного избранника, а вместе с ним депутатскую неприкосновенность и неограниченные возможности.

Необходимо было Гаврилова остановить. Но как? После долгих раздумий мы пришли к выводу, что лучше всего отдать весь материал на бизнесмена кому-то из журналистов. Во-первых, напечатав это в газете, мы открыли бы избирателям глаза. Во-вторых, дали бы понять и Гаврилову, и Филатову, что живут они не в безвоздушном пространстве и что каждый их шаг внимательно отслеживается.

Из всех многочисленных журналистов мы остановили свой выбор на обозревателе ИТАР-ТАСС Ларисе Кислинской.

Кислинская - известный журналист. Одна из первых начала писать о борьбе с преступностью. Познакомились мы с ней, когда я ещё работал в МУРе, с тех пор ни разу не имел возможности усомниться в её порядочности и профессионализме.

Вскоре в «Российской газете» вышла сенсационная статья

«Крыша для кунака». В материале подробно рассказывалось о Гаврилове, Гольдберге и иже с ними. Однако имя Филатова названо не было, в статье он фигурировал как «Покровитель».

Но Сергей Александрович понял всё моментально. Тут же вышел на Коржакова.

- Александр Васильевич, вы плохо обо мне думаете. Я предан президенту, это всё ложь и клевета.

- Сергей Александрович, - спокойно ответил шеф. - В вашей преданности президенту я нисколько не сомневаюсь. Но то, что вы делаете по простоте душевной, очень сильно дискредитирует вас, а значит, и Бориса Николаевича.

Дни Филатова были сочтены. В первых числах декабря я зашёл в кабинет к Коржакову. В это время зазвонил телефон прямой связи с президентом.

- Слушаю, Борис Николаевич, - отозвался шеф.

Через несколько минут он положил трубку и прознес:

- Видишь, как всё отлично складывается. Президент просит представить все материалы на Филатова.

Документы я готовил с особым чувством. И точно: в начале января 1996 г. Филатов сообщил журналистам, что уходит с должности. Его кресло занял Николай Дмитриевич Егоров. Да, чуть не забыл: Рамбон Гаврилов с треском проиграл выборы. Обозлившись, он вместе с группой других героев очерка подал в суд на Кислинскую. Но стоило только Ларисе заикнуться, что материалы попали к ней из СБП, хотя все мы уже находились в отставке, истцы моментально отозвали заявление.

Те, чья совесть нечиста, испытывали настоящий животный страх при упоминании трёх букв русского алфавита – С. Б. П.

* * *

Мутная волна демократии вынесла на поверхность немало «политиков нового типа». В советские времена эти люди не достигли бы и уровня депутатов райсовета. В эпоху новейшей истории они стали лидерами великой державы.

Кадровый бог Савостьянов жил на скудную зарплату научного сотрудника Института проблем комплексного освоения недр.

«Великий» стратег Чубайс был доцентом Ленинградского инженерно-экономического института.

Могущественный Шахрай служил завлабом в МГУ.

Нежданно полученная власть вскружила им голову. (Никогда не забуду, как вся московская милиция была поднята по тревоге. Нам велели найти генеральское удостоверение бывшего рядового сотрудника Института высоких температур, а ныне начальника ГУВД Мурашова. Находясь под влиянием «высоких температур», Мурашов рассекал на бешеной скорости пространство на своём «БМВ» и посеял где-то ксиву.) Мигалки, номера, телефоны правительственной связи, шикарные квартиры. Свора челяди, прихлебателей и подпевал. От такой роскошной жизни у кого угодно поедет крыша. Тем более у них. Ведь психология у этих людей осталась прежней – завлабовской. Никакими регалиями скрыть это было нельзя. Из грязи в князи. Словно герои Марка Твена, они кололи орехи королевской печатью. Даже облачившись в одежды принца, нищий всё равно останется нищим.

Сергей Александрович Филатов - достойный представитель этой волны. До 1990 г. он был завотделом в заштатном проектном НИИ. Потом попал в депутаты, выдвинулся. В смутные, непонятные времена перебежал из хасбулатовского лагеря в стан президента, за что и получил высокий пост.

В дни, когда чеченский вопрос встал особо остро, Филатов окончательно проявил себя. Он был в числе тех, кто убеждал Ельцина ввести войска в Грозный. Что случилось потом - вы знаете прекрасно.

«Кухарка может управлять государством», - кричали большевики. Да, может. Но ничего хорошего из этого не выходит.

Для того чтобы возглавить администрацию президента, нужно иметь не только хорошо подвешенный язык, но и кое-что ещё.

Увы. Сегодня власть кишмя кишит непрофессионалами, болтунами и бездельниками. Их становится там все больше и больше. У Сергея Филатова - достойная смена...

Золотая молодёжь

Кремлёвские старожилы помнят немало скандалов, в которых были замешаны дети «высоких» родителей. Сын Хрущёва Леонид чудом не угодил за решётку. В пьяном угаре он застрелил человека. Василий Сталин славился своей любовью к скандалам, оргиям и дракам. О похождениях Галины Брежневой слагали легенды. Дочь секретаря ЦК Русакова едва не вышла замуж за агента ЦРУ Александра Огородника. Свадьбе помешал арест шпиона.

Подобные примеры можно приводить ещё долго. Золотая молодёжь умела гулять на славу во все времена. Однако ничего подобного тому, что случилось с наследницей Филатова, история не знает. Марина Сергеевна Тихонова-Филатова 25 сентября 1995 г. была приглашена в отделение милиции. Дочь руководителя президентской администрации подозревалась в... скупке краденого!

* * *

Когда президент дал команду собрать всё, что имеется на Филатова, мы направили запросы в параллельные структуры. Вскоре из ФСБ пришёл ответ. Прочитав его, я был по-настоящему ошарашен. Конечно, после 20 лет оперативной работы удивить меня чем-то было нелегко. На своём веку я повидал всякое. Но чтобы так...

21 сентября 1995 г. из автомашины «Москвич-2141» между 18 и 19 часами были похищены вещи на общую сумму 15 миллионов рублей: новая дублёнка, несколько пар обуви, упаковка женских колготок и пять мужских демисезонных пальто.

Выйдя из магазина и обнаружив своё авто вскрытым, хозяйка вещей очень расстроилась. За покупками она специально приехала в Москву из города Морозовска Ростовской области. К счастью, рядом находился её брат, сотрудник Управления по борьбе с терроризмом ФСК, Александр Л-ко. Чекист утешил сестру и пообещал лично заняться поисками украденного.

Вдвоём они приехали в местное 95-е отделение милиции и поведали дежурным о случившемся. Удостоверение ФСК сделало своё дело. На другое утро брат с сестрой и милицейские оперативники принялись обходить близлежащие рынки. Им повезло - на первой же точке похищенное было обнаружено. Возле кинотеатра «Ашхабад» неизвестная гражданка торговала тремя пальто, которые хозяйка опознала, как в таких случаях пишется в протоколах, «категорически».

Торговка не отпиралась. Она заявила, что вещи ей не

принадлежат, а даны на реализацию и что у неё дома лежат ещё два пальто из той же партии. Пальто из квартиры торговки были благополучно изъяты. После этого она призналась, что получила их от дочери Филатова - Марины Тихоновой. По словам женщины, с Тихоновой она познакомилась примерно за месяц до ЧП. Свела их горничная Филатова К. П. Кочнева под предлогом того, что Тихонова занимается мелким бизнесом и ищет каналы реализации. С первой же встречи она брала у сановной дочери «товары народного потребления» и продавала.

Что же касается этих злополучных пальто, то торговка заявила, что получила их от Тихоновой 21 сентября в 21.00. (То есть через 2-3 часа после кражи.)

- Продай побыстрее, цену не ломи, - попросила Тихонова. - Срочно нужны деньги.

Объяснение, собственноручно написанное этой женщиной в присутствии чекиста Л-ко, было передано оперуполномоченному 95-го отделения.

Приглашённая в милицию на беседу горничная Филатова подтвердила слова торговки. Она рассказала, что действительно познакомила её с Тихоновой. Дочь «хозяина» просила найти человека, с которым можно было бы работать. Кочнева также сообщила, что Тихонова с некоторого времени занимается коммерческой деятельностью. На даче Филатова, где она постоянно обретается, организован целый перевалочный склад для хранения товаров.

25 сентября Тихонова пришла в отделение. Вызвали её, понятно, неофициально - вежливо пригласили «на беседу».

- Да, - сказала Марина Сергеевна. - Я передавала продавцу эти пальто.

И предъявила накладную на вещи, выданную в ТОО «Влана» 21 сентября (в день кражи). На вопросы Тихонова отвечала с достоинством.

- Если бы родители воровали, я бы не занималась коммерцией, - с чувством изрекла она. - Деньги нужны всем. А вы не задумываетесь, что все это провокация? Что всё это могли специально подстроить, чтобы снять отца?

* * *

Вопрос дочки администратора остался без ответа.

Впоследствии, в марте 1997 г., в материале «Пять похищенных пальто, которые чуть не потрясли мир» версию Тихоновой повторил

журналист «Московского комсомольца» Александр Хинштейн.

Корреспондент МК, раскопав историю с кражей, предложил такой вариант: всё произошедшее не что иное, как операция СБП, которую она провела, дабы скомпрометировать Филатова.

Звучит заманчиво, но к истине не имеет никакого отношения. Судите сами: даже если чисто теоретически предположить, что Служба и вправду хотела втянуть Филатова в дурно пахнущий скандал, то действовать следовало бы не так.

Во-первых, заявление, написанное потерпевшей, обязательно было бы зарегистрировано в отделении. Все дальнейшие действия беседа с торговкой, горничной и Тихоновой были бы самым тщательным образом задокументированы.

Во-вторых, дело довели бы до конца. Раз уж СБП подкинула Тихоновой украденные пальто, то обставить всё, как полагается, смогла бы тем более.

Ну и в-третьих, самое главное. Особо компрометировать Филатова не требовалось. Он достаточно скомпрометировал себя дружбой с Рамбоном Гавриловым и безо всякой посторонней помощи.

В действительности никакого касательства к расследованию обстоятельств преступления СБП не имела. Обо всём мы узнали постфактум. Как это нередко случается, заявление о краже не было зарегистрировано в отделении, как и беседа с горничной и разговор с Тихоновой, - на всё это сотрудники милиции пошли только из уважения к майору ФСК. Когда же пальто были найдены и возвращены законному владельцу, а потерпевшая уехала на родину, в Ростовскую область, в отделении моментально забыли о краже.

Я сам работал на «земле» и с подобными вещами сталкивался неоднократно. Чисто по-человечески сотрудников 95-го отделения я понимаю. Связываться с дочерью главы президентской администрации никто из них не решался.

Конечно, формально они были обязаны зарегистрировать заявление, допросить коммерсантов из ТОО «Влана», где Тихонова, по её словам, получила пальто, найти преступников, возбудить уголовное дело. И так далее... Но собственное спокойствие было для них важнее борьбы с ворами. К тому же украденное они вернули.

Майора ФСК можно было не опасаться.

Между прочим, майор Л-ко оказался совсем непростым парнем. По стечению обстоятельств круг вопросов, которыми он ведал, прямо соприкасался с московскими оргпреступными группировками.

Тихонова была его старой знакомой. Правда, знал он её заочно, как связь одного из лидеров «ореховской» группировки.

Информация к размышлению: вещи были украдены именно в районе Орехово-Борисово. По данным 95-го отделения, преступление опять же совершил кто-то из «ореховских». Улавливаете, о чём это я?

Действительно ли Марина Тихонова-Филатова тесно сотрудничала с преступниками? Торговала ли краденым или её просто подставили? Не знаю. Заниматься кражами в компетенцию СБП не входило. К тому же наш интерес к Филатову вскоре пропал. В январе 96-го он исчез из Кремля.

Мы праздновали победу. Но мог ли кто-либо тогда предположить: пройдёт меньше года - и Сергей Александрович вместе со своей дочерью покажутся нам просто «гениями чистой красоты» на фоне новоявленных вождей...

Гусиная охота

В декабре 1994 г. Владимир Гусинский, один из крупнейших банкиров страны, сбежал в Лондон. Президента группы «Мост» до смерти напугала операция СБП «мордой в снег».

Версию этой истории, поданную прессой, пересказывать, полагаю, не нужно. С подачи Гусинского и верных ему изданий журналисты создали ужасающий образ «монстров» из СБП, которые повалили на землю сотрудников службы безопасности «Моста» и держали их под стволами несколько часов. Когда же начальник столичного управления ФСК Савостьянов попытался отбить «несчастных», «банда Коржакова» в считанные минуты отправила его в отставку.

Савостьянов действительно вмешался в операцию. Ему позвонил Гусинский, истерически прокричал, что неизвестные бандиты убивают его парней. Друг банкира даже не попытался разбираться в случившемся. Тут же послал на выручку своё спецподразделение.

Дело дошло до стрельбы. Кто-то из чекистов выстрелил, и только чудом пуля, задев куртку одного из наших сотрудников, не лишила его жизни. Но, к счастью, один из контрразведчиков узрел среди «бандитов» своего бывшего товарища и понял: что-то здесь не так.

Если же говорить о самой операции, то лично я в ней не участвовал. Прошла она 2 декабря. Я приступил к работе в конце ноября. Впрочем, цели, которые ставило перед собой руководство СБП, мне абсолютно понятны. Да, получилось, может быть, и жестковато. Но как иначе можно было остановить наглое вхождение Гусинского во власть? Он к тому времени потерял уже всякий стыд. Открыто подкупал чиновников, заставляя их работать не на интересы государства, а на свой карман. Открывал ногой двери во многие кремлёвские кабинеты, пропихивал на важные посты «ручных» людей, подбирался к семье президента.

Да и та вооружённая кавалькада, которая постоянно носилась по Новоарбатскому проспекту, по президентской трассе, не могла оставлять СБП равнодушной.

Роль банкира явно перестала удовлетворять Гусинского. Он желал стать серьёзной, ключевой фигурой в политике и для этого не жалел ни денег, ни сил. Но никто, кроме Коржакова, образумить его не решался.

Операция у «Мост-банка» наконец-то показала, что миллионы решают далеко не всё. Согласно третьему закону Ньютона, на любое

действие всегда найдётся равное противодействие. Своего Коржаков добился. Гусинский из России сбежал. Однако планы «мирового господства» по-прежнему его манили. Он продолжал плести невидимые сети из-за рубежа.

Банкир использовал все свои силы, чтобы восстановить прежнюю мощь. Мы знали, что он пытается выйти на семью президента. Действует через ельцинских помощников - Сатарова, Батурина, Лившица, «писателя» Юмашева. Кое-кто из «заступников» даже приходил к Коржакову. Например, Сатаров - просил не трогать Гусинского, простить. Он, дескать, хороший, его просто не так поняли.

- Давайте не будем обрубать парню надежду восстановить доброе к себе отношение, - предложил я шефу, когда узнал о телодвижениях ходоков. - Мне кажется, лучше установить с ним оперативный контакт.

Расчёт был прост. Зная болтливость Гусинского, его экспрессивность, я предполагал, что он может рассказать нам много интересного. Коржаков с моими доводами согласился.

* * *

В мае 1995 г. я вылетел в Будапешт. Именно в венгерской столице Гусинский пожелал встретиться с представителем СБП.

Уламывали его долго. Несколько месяцев было потрачено лишь на то, чтобы убедить банкира в необходимости такой беседы. Сначала он отказывался. Потом поставил условие: будет говорить только с самим Коржаковым. Затем долго выбирал место: в России встречаться не хотел наотрез. В итоге снизошёл до меня.

Увидеться довелось в будапештской гостинице «Форум». В назначенный день я прибыл к берегам Дуная.

Зарегистрировался, отнёс в номер вещи. Сел в холле, чтобы выпить чашку кофе. Вдруг по холлу, как комета Шумейкера-Леви, пронёсся мой будущий визави, за ним - жена, за женой - три охранника.

Словно заведённые, они метались по гостинице.

Меня, понятно, не замечали. Я-то Гусинского знал в лицо, а он меня - нет. Глядя на «броуновское движение» банкира, я внутренне как-то успокоился. Понял, что ЭТОГО человека разговорить будет не трудно - не понадобится никаких особых ухищрений.

Так и вышло. Наутро, после завтрака, мы встретились.

- Здесь слишком много людей, - сказал Гусинский, насторожённо озираясь по сторонам. - Перейдём в другое место.

Пока мы шли к соседнему отелю «Атриум», я имел возможность рассмотреть главу «Мост-банка» получше.

Это был уже не тот вальяжный, самоуверенный господин, которого мы видели на телеэкране. Плечи у Гусинского были опущены, взгляд - поникший. Видно, сказывался постоянный страх за свою жизнь.

- Владимир Александрович, вы не находите; что во всём случившемся виноваты вы сами? - сразу же, с места в карьер начал я.

- В чём это я виноват? - завёлся он с пол-оборота.

- Интересно, а как мы, государевы слуги, должны были смотреть на ваше поведение? На то, как вы впихиваете во власть людей, подкупаете чиновников?

- Но мы же опора власти. Мы - капитал. На нас зиждется всё.

При этих словах лицо его приобрело прежнюю значимость.

«С таким лицом, - подумалось мне, - надо фотографироваться для предвыборных плакатов».

- Э-э нет, Владимир Александрович. Те методы, которыми вы действуете, только приводят к сращиванию капитала с властью.

- А ваши методы - что, хороши? Этак вы просто останетесь без денег накануне выборов!

Разговор явно переходил не в то русло. Следовало переменить тему.

- Нам известно, что вы очень тесно дружите с людьми из близкого окружения президента. Используете руководителей правоохранительных органов в своих интересах. Нехорошо...

- Вы, наверное, имеете в виду руководство ГУВД? Ну да, мы очень тесно с ними сотрудничаем. Не раз помогали им информацией. Бывало даже так, что сотрудники моей службы безопасности и ребята из РУОПа вместе выезжали на операцию. Клали бандитов мордой в грязь, как вы тогда меня в декабре... А то, что они у меня берут? Так уж пусть лучше берут у меня, чем у бандитов.

- Владимир Александрович, а чем, получается, вы лучше бандитов?

- А вы кем себя окружили? - вопросом на вопрос атаковал меня

Гусинский. - Меня выпихнули. Березовского приблизили, Бойко, Фёдорова. Вы же знаете, что это за люди. У меня-то весь бизнес в России. Я в России родился и в России умру. А у Березовского израильский паспорт. Случись что, он тут же уедет в Израиль. Или Бойко. Вы же сами сделали его «Национальный кредит» уполномоченным банком правительства.

- Мы???

- А кто же... Зря вы на меня так наезжаете. Поймите, я не враг вам. Я могу и хочу быть другом. Мне нужно с Александром Васильевичем восстановить контакт. Я бы в страну давно вернулся, но ведь есть приказ о моём уничтожении.

- Глупость какая, - искренне возмутился я. - Мы не бандиты. Ни одна из государственных структур в России никогда не станет физически устранять людей.

Беседовали мы долго. Гусинский с воодушевлением рассказывал гадости о своих конкурентах по бизнесу - Березовском, главе «Национального кредита» Бойко. Он так торопился как можно больше поведать мне, что проглатывал слова, захлёбывался слюной.

От волнения у Гусинского даже вспотели очки. Он буркнул в ответ что-то нечленораздельное.

- Лучше помогите нам, - продолжил я. - Чем вы можете подтвердить информацию по Бойко и Березовскому?

- У меня есть материалы из сейфов «Белого дома» о признании «Национального кредита» уполномоченным банком правительства. Постановление это с грифом «Не для печати», но я вам его отдам. Есть ещё и документы по передаче «Нацкредиту» индийского долга.

- Владимир Александрович, видите, сами признаётесь. Как к вам, интересно, попали эти бумаги, если они «не для печати»? Опять подкуп? Опять коррупция?

- Но если бы я их не достал, - возмутился Гусинский, - то не мог бы предложить вам. Бойко - страшный человек. Он наркоман Держит ночной клуб «Метелица», а там наркотиками торгуют. У него и паспорт на другую фамилию.

- ?

- Я много раз пытался проконтролировать его выезд из России. Что он вылетел из «Шереметьево» - фиксировали. А прилёт, например, в Лондон установить уже не могли. Однозначно, у Бойко второй паспорт.

- А Березовский?

- Материалов на него у меня нет. Но за то, что у Березовского двойное гражданство, ручаюсь на сто процентов.

Мы договорились, что при третьей встрече Гусинский передаст мне документы по Бойко. А заодно попробует найти что-то на Березовского.

Долго ждать себя он не заставил. В том же месяце состоялось наше рандеву в гостинице «Балчуг», в ресторанчике на втором этаже. Гусинский выглядел опечаленным. Его аналитики провели исследование и пришли к выводу, что шансов выиграть выборы у президента нет. Посему он загрустил.

Правда, как мы потом узнали, боль за президента не помешала «Мосту» профинансировать на парламентских выборах... КПРФ, а заодно и «Яблоко»...

- Несмотря ни на что, - изрёк он, - мы контакт с КПРФ не теряем. У нас есть надёжные мосточки. Через Воротникова держим связь. (Воротников - один из руководителей службы безопасности группы «Мост», в прошлом - начальник 3-го управления КГБ СССР. - В. С.) Я ведь со всеми стараюсь поддерживать хорошие отношения. И с коммунистами, и с президентской командой. Если через вас не получится вернуть расположение Бориса Николаевича, буду искать другой вариант. Люди уже работают. Жора Сатаров, кое-кто ещё. Просили за меня семью президента. Поймите, такими людьми, как я, бросаться нельзя. Нас немного. Нас очень немного...

- Как же так? Вы ставите на президента, всюду кричите об идеалах демократии, а в то же время сотрудничаете с коммунистами, проводите в подконтрольных СМИ активную антипрезидентскую кампанию.

- А чего вы хотите? Раньше надо было думать! Вы упустили этот процесс. Масс-медиа - это власть. Наша задача взять СМИ в свои руки, иначе власть от нас уплывёт. Даже на службу безопасности «Моста» я трачу треть всех денег. На масс-медиа же готов отдавать львиную долю своей прибыли. Затраты окупятся очень скоро.

Забегая вперёд, скажу, что магнат оказался прав. Забрав под себя СМИ, он получил возможность изощрённо манипулировать общественным мнением. А поскольку человек этот весьма своеобразный, позицию его изданий можно сравнить с походкой пьяного боцмана. Их всё время кидает из стороны в сторону.

В советские времена Гусинский был неудавшимся театральным режиссёром. (Его дипломный спектакль - «Тартюф» Мольера.) Качества, присущие людям искусства, остались у него и по сей день. Я бы назвал это трагикомическим восприятием мира.

Он, например, искренне верил в то, что СБП хочет его убить.

(Точно так же, как Березовский считал, будто убийство Гусинского - в наших силах.) Когда же я убедил его, что такими методами мы не действуем, он уцепился за другую версию: его могут убрать враги, чтобы потом свалить вину на СБП.

Трезвый расчёт прагматика удивительно сочетался в нём с некоторой наивностью плюс чрезмерная болтливость и полное отсутствие контроля за своими словами.

«Мир - театр», - утверждал Шекспир. Гусинский мог бы двумя руками подписаться под этим изречением. На жизнь он смотрел глазами провинциального режиссёра, пришедшего на прогон кукольной пьесы «Укрощение строптивого». Банкир был убеждён: достаточно дёрнуть любую строптивую марионетку за ниточку, как она моментально замашет руками и ногами. Примерно как Валдис Пельш в прямом эфире. Такие они, мастера культуры...

В версию о готовящемся покушении Гусинский верил настолько истово, что заставил заниматься выяснением всех обстоятельств свою службу безопасности.

Как-то мне позвонил его сотрудник Комаров, которого я знал ещё по работе в МУРе - тогда он служил в отделе по борьбе с организованной преступностью. Попросил принять.

- У нас есть достоверные данные, что «солнцевские» заказали Гусинского, - сказал Комаров. - Если что случится, все стрелки моментально переведут на вас.

- Как ты, бывший опер, можешь такое говорить? Ты ведь знаешь, что ни одна спецслужба «мокрыми» делами не занимается.

- Знаю. Но всё равно - помогите. Проверь, правда это или нет.

Мы проверили. Данные оказались полностью недостоверными, о чём с лёгким сердцем я и сообщил Комарову.

- Да и по нашим сведениям - тоже, - ответил он.

* * *

Моя четвёртая и последняя встреча с Гусинским состоялась в одном из кафе на Новом Арбате. Говорили мы недолго.

- Мне очень нужна встреча с Коржаковым, - завёл он старую песню. - Хотя бы телефонный разговор.

- Владимир Александрович, - удивился я, - вы уже целый месяц находитесь в Москве. Неужели вы не убедились, что вас никто не преследует? Живите себе спокойно.

По-моему, он не поверил. Мания преследования вкупе с манией величия - неотъемлемые спутницы банкира. Вскоре Гусинский вновь покинул страну.

Всплыл он лишь через месяц. Позвонил из Лондона и возмущённо выпалил:

- Я читал в гранках интервью Коржакова «Аргументам и фактам». Он говорит, что любит охотиться на гусей. Валерий Андреевич, зачем это? Мы же так хорошо общались? Что, опять война?

Честно говоря, я не очень владел ситуацией.

Поинтересовался у шефа.

- Да ничего такого в интервью нет, - сказал А. В. - Ну люблю я охотиться на гусей. И что?

Статья вышла в полном виде. Гусинский очень обиделся.

Передал через верных людей, что оскорбления сносить не намерен.

Угрозы банкира всерьёз никто из нас не воспринял. Мало ли что он там говорит!

Возможно, мы Гусинского недооценили. Через некоторое время Владимир Александрович тесно сошёлся с Березовским. Вдвоём они стали «дружить» против Коржакова. Организовали возвращение во власть Чубайса. Перешли к массированным атакам через СМИ.

Благо, сделать им это было нетрудно - в руках у магнатов и телевидение, и газеты, и радио. В частности, в «Новой газете» вышла разгромная статья друга Гусинского - А. Минкина под названием «Фавориты». В ней он «разоблачал» преступные замыслы Коржакова - Барсукова - Тарпищева. Рассказывал, со слов экс-президента НФС Фёдорова, какие бандиты управляют страной.

После публикации Гусинский неожиданно позвонил Тарпищеву.

- Ну что? Вы всё поняли? - с нескрываемым торжеством спросил он Шамиля. - Мы победили! Пусть теперь Коржаков встречается с Борей Березовским, обо всём договаривается.

Магнат имел в виду следующее: раз они с Березовским набрали силу, необходимо заключить какое-то соглашение, нечто вроде мюнхенского пакта.

Но ни какие сделки шеф не пошёл и идти не собирался.

Встречаться с банкиром после таких слов для офицера просто невозможно.

* * *

Как показали последующие события, глава «Моста» крайне опасная фигура. Вместе с более умными, практичными людьми, умеющими просчитывать ситуацию на много ходов вперёд, этот человек представляет серьёзную угрозу для страны.

Посмотрите: стоило только исчезнуть единственному фильтру между властью и капиталом - СБП, влияние Гусинского, Березовского и прочих «ских» стало резко возрастать. Началась смутная пора «семибанкирщины».

Сегодня государство работает не на народ. Огромная машина власти обслуживает маленькую группку людей, которые этот народ обкрадывают.

Но даже режиссёрам-неудачникам должно быть понятно: бесконечно так продолжаться не может. Пройдёт какое-то время, и наши потомки будут сравнивать Гусинского и Березовского с Бироном или Аракчеевым. Временщики потому-то и называются временщиками, что история отпустила им ничтожно малый срок.

Киллер Солоник - агент иностранных спецслужб?

Наёмного убийцу Солоника журналисты окрестили самым известным киллером XX в. Доля истины в этом безусловно есть. О Солонике написано и снято больше, чем о многих звёздах экрана. Его сенсационный побег из «Матросской тишины», загадочная гибель в Греции породили массу версий и легенд. Одни говорили, что Солоник - спецагент КГБ или ГРУ наподобие Джеймса Бонда и побег ему организовали спецслужбы. Другие утверждали, что Солоника убили только потому, что его должны были арестовать и этапировать в Россию. А преступные синдикаты безумно боялись откровений киллера. Третьи уверяли, что Солоник жив и греческая полиция обнаружила не его труп. Четвёртые считали, что Солоник - гений преступного мира a-la профессор Мориарти или Робин Гуд, благородно боровшийся с обнаглевшими бандитами. Пятые...

Процитирую книгу «Российская преступность. Кто есть кто?» (А. А. Максимов): «...о том факте, что в Греции живёт и «работает» киллер № 1 постсоветского пространства Александр Солоник, находящийся в федеральном розыске, греческие правоохранители узнали, судя по всему, только после его загадочного убийства. Иначе разве позволили бы ему совершать из Греции свои деловые поездки по странам Средиземноморья? Разве позволили бы покупать себе и своим людям шикарные особняки? Разве они не стали бы его арестовывать, не дожидаясь этого во всех отношениях странного убийства, после которого сразу же распространились слухи о причастности к нему российских спецслужб?» Перечислять эти домыслы можно бесконечно, моя задача заключается в другом: я хочу рассказать о той роли, которую сыграла в деле Солоника Служба безопасности президента. (Максимов А. Российская преступность. Кто есть кто? М., 1997. 81-82.) Александр Солоник, уроженец города Кургана был арестован столичной милицией 6 октября 1994 г. на Петровско-Разумовском вещевом рынке. Произошло это при весьма драматических обстоятельствах. Когда сотрудники Управления специальной службы ГУВД Москвы решили проверить у вызвавшего их подозрения человека документы, тот неожиданно открыл огонь из пистолета. Трое офицеров и сотрудник охранной фирмы «Импульс» упали на месте.

Убийца попытался бежать. В погоню за ним бросились охранники рынка. Отстреливаясь, он ранил ещё двоих. Но, получив пулю в спину, рухнул как подкошенный и отключился - сказался болевой шок.

Впоследствии трое сотрудников милиции и охранник скончались от ран. Двое «импульсовцев» остались инвалидами.

С таким «багажом» 34-летний Солоник по кличке Саша Македонский ни на что, кроме высшей меры наказания, рассчитывать не мог.

К тому же выяснилось, что преступник (кстати бывший милиционер) давно уже числится в федеральном розыске. Он сбежал из Пермской колонии, где отбывал 8-летний срок за изнасилование.

Солоник вынужден был начать давать показания. В надежде спасти жизнь он стал откровенничать сразу после того, как пришёл в себя. Македонский признался, что совершил ряд заказных убийств.

На его счету - лидер «ишимской» группировки Николай Причинин, московский авторитет Ваннер по кличке Бобон, воры в законе Калина и Глобус и многие другие.

Казалось, ещё чуть-чуть и суд над киллером войдёт в историю как самое громкое событие нашего времени. Но... случилось невероятное: в ночь с 4 на 5 июля 1995 г. Солоник сбежал из «Матросской тишины». Когда дежурная смена открыла камеру 938, её взору предстала пустая койка, на которой лежал свёрнутый из одеяла кокон. В углу валялась пустая упаковка от патронов к браунингу. Это было всё, что осталось от заключённого Солоника.

Вместе с ним бесследно исчез и охранник 4-го блока старший сержант Меньшиков.

Нет такой газеты, которая не написала бы о побеге Солоника. Все телеканалы показали репортаж о загадочном исчезновении суперкиллера. В течение недели это ЧП было происшествием № 1. Смакуя подробности, журналисты расписывали, как Солоник вылезал из камеры по альпинистскому тросу; размышляли о том, где находится беглец.

Сбились с ног и правоохранительные органы. На карту была поставлена честь российских спецслужб: ведь он убил троих сотрудников милиции. Такие вещи органы не прощают... Разумеется, я тоже слышал о Солонике. Но особо близко к сердцу это событие не принимал - мало ли у меня других забот.

После побега преступника прошло 2-2,5 недели. Я и думать о нём забыл, как вдруг один из наших зарубежных источников прислал сообщение: он видел Солоника в Греции. Знаменитого убийцу наш помощник встретил в афинском отеле «Палас» в одной компании.

Сначала, правда, его не узнал. Спустя некоторое время ему удалось выяснить, что это был Саша Македонский.

Солоник поселился в гостинице по паспорту грека-репатрианта из бывшего СССР и в самое ближайшее время намеревался получить греческое гражданство.

Несмотря на то, что формально поиски киллеров не входили в круг моих непосредственных обязанностей, я поспешил доложить о полученной информации заместителю Коржакова по контрразведывательной работе Льву Львовичу Яшину. Вместе мы принялись думать, как распорядиться этими данными. Отдать их в МВД и ФСБ и не вмешиваться? Но процедура задержания и этапирования Солоника в Россию займёт несколько месяцев. За это время он вполне может скрыться опять. Сомнений в том, что Солоник действует не в одиночку, для нас не существовало. Кто-то ведь вытащил его из тюрьмы, отправил за границу.

А на носу - парламентские выборы. Не за горами и президентские. Чёрт его знает, как могут использовать смертника-террориста Солоника. Рисковать в таких ситуациях нельзя - речь идёт о престиже спецслужб, о престиже страны. Если нам не удастся найти человека, оправившего на тот свет великое множество людей, что подумают о российских силовиках за границей?

- Давай пойдём к Коржакову, -- сказал Яшин после долгого, тяжёлого обсуждения, - Попросим, чтобы он разрешил нам заняться этим делом. В конце концов нужно показать, чего стоит СБП.

Не выходя из кабинета, я написал рапорт об откомандировании в Грецию сотрудника отдела «П». Яшин связался с шефом.

- Я вас принять не могу, - ответил А. В. - Меня срочно вызвал президент. Мы уезжаем.

- Подождите ровно десять секунд, - взмолился Яшин. Но только десять секунд... Десять - не десять, но секунд через пятнадцать мы были уже в кабинете. На стол Коржакова я положил рапорт. Ситуацию он оценил моментально. Не говоря ни слова, завизировал в верхнем левом углу - «В приказ».

В течение всего дня отдел «П» занимался согласованием необходимых в таких случаях вопросов. В СВР и МИД были посланы шифротелеграммы с просьбой оказать на месте содействие нашему сотруднику. Мы также сообщили в ФСБ и МВД, проинформировали Интерпол.

Из генеральной прокуратуры запросили документы на Солоника, дактокарты, фотографии преступника.

Словом, озадачили массу ведомств. При хорошем раскладе на всё про всё должно было уйти не меньше недели. Мы же управились до вечера. На другое утро офицер отдела «П» уже вылетел в Афины.

* * *

Дальше все опять развивалось, как в плохом детективе.

Утром мой сотрудник отправился в Грецию, вечером прислал по каналам разведки шифровку. Вместе с греческой полицией он пришёл в «Палас». Но оказалось, что «объект» покинул отель буквально несколько часов назад.

Гостиничные служащие подтвердили, что человек, чью фотографию им показали, действительно проживал здесь. С их помощью удалось установить, что Солоник жил в Греции по чужому паспорту. Документ был оформлен на имя москвича Константина Эдуардовича Меликова, 1970 г. рождения. (Паспорт 41 № 0579075.) В Центральном адресном бюро Москвы нам сообщили, что этот человек в 1994 г. выписался из столицы и уехал в Донецк.

Что же касается его загранпаспорта, то, по данным оперативно-розыскного отдела ГУВД, паспорта этой серии (с номера 056... по номер 058...) были похищены из МИД Грузии в начале 1990-х гг., в период установления «независимости».

Ничего не дала и работа по номерам московских телефонов, по которым Солоник звонил из отеля. Проверив, мы выяснили, что эти номера в большинстве своём расположены неподалёку от дома, где до ареста жил Солоник, - в районе «Речного вокзала». Причём один из мобильных телефонов принадлежал известному нам преступному авторитету, хорошему знакомому киллера. И... всё.

Ниточка оборвалась. Понимая, что больше ничего выжать нам не удастся, я велел сотруднику возвращаться в Россию. Улетая, он передал местной полиции все документы на Солоника.

Договорился, что те попытаются его разыскать.

Через месяц разведчики отбили в Москву шифровку престранного содержания. В ней говорилось. что полиция нашла беглеца и он готов явиться в участок для «идентификации личности». «Какой-то абсурд - подумал я. - Если Солоника разыскали, то почему не задержали, почему отпустили?» Вопросов напрашивалось много. Ответов не было.

Немного отвлекусь. Думаю, следует объяснить, что привело Солоника именно в Грецию.

С середины 80-х гг. из Союза уехало множество крупных дельцов-теневиков. Последовали за ними и откровенные

уголовники.

Всё равно как в море - возле плавающей акулы всегда пасутся хищные рыбы рангом поменьше. Акула их не трогает.

Начали появляться зарубежные сети отечественных синдикатов. Сегодня российские преступные группировки действуют едва ли не во всех странах Европы. Занимаются они рэкетом, отмывкой денег, контролируют проституцию и игорный бизнес, а в дополнение ко всему сказанному скрываются от правосудия.

Греция не исключение. Нами методично отслеживались устремления многих группировок, направленных на покорение этого живописного уголка Балкан. Действовали там и «ореховские», и «курганские». Как вы помните, Солоник был родом из Кургана.

Безусловное преимущество Греции виделось в том, что советским репатриантам греческой национальности здесь легко давали гражданство. Купить же в СНГ документы о принадлежности к потомкам эллинов - дело плёвое.

Именно по такому паспорту выехал за рубеж преступник с как нельзя лучше подходящей для такого случая кличкой Македонский.

Разумеется, греческие спецслужбы знали о тяге русских бандитов к своей державе. Пытались держать руку на пульсе. Не исключаю, что в этом-то как раз и кроется загадка убийства Александра Солоника.

* * *

Очень скоро все связанное с Солоником заслонилось другими, более важными для нас делами. «Основную часть работы мы выполнили, установили его местонахождение, - думал я. Остальное - прерогатива МВД. Пусть там-то все и доделывают».

О развязке этой истории я узнал из газет уже после развала Службы и своего выхода в отставку.

1 февраля 1997 г. греческая полиция обнаружила в окрестностях Афин труп человека, завёрнутого в полиэтиленовый мешок. Как установило вскрытие, смерть наступила примерно сутками ранее от удушения удавкой.

Поскольку в распоряжении властей имелись предоставленные нами дактокарты, особого труда для того, чтобы выяснить личность погибшего, не требовалось. Это был Солоник.

Кто расправился с «суперкиллером»? За что? Похоже, разгадку тайны Солоник унёс с собой в могилу. Однако не могу не поделиться собственной версией произошедшего.

Я уверен, что греческая полиция спасла убийцу не за красивые глаза. Зачем-то он был им нужен. В противном случае власти давно бы выдали Солоника России. Для чего может понадобиться профессиональный киллер иностранным правоохранительным структурам? Только для одного - для агентурной работы.

Шантажируя Солоника, греки без особого труда могли его завербовать. Он был им очень нужен. Связи Солоника, его знание криминальной среды - такие восхитительные возможности не упустит ни одна уважающая себя служба. В данном случае, думаю, речь идёт даже не о полиции, а о контрразведке. Уж слишком красиво провёрнута операция. Однако и в преступных группировках сидят не дураки. Разведка поставлена там не хуже, чем в официальных структурах. Рано или поздно весть о том, что Македонский постукивает грекам на своих, должна была достичь бандитских ушей. Такие вещи безнаказанными не остаются.

Приговор за измену один - смерть.

Оговорюсь ещё раз: это не более чем мои догадки. Правда, чересчур много косвенных подтверждений указывает на то, что они не беспочвенны.

Скажем, зачем главе греческой полиции следовало врать журналисту Олегу Вакуловскому, снявшему фильм о Солонике? Во время интервью журналист спросил полицейского: «Почему, найдя, вы не передали киллера российской стороне?»

- Мы не смогли его найти, - ответил собеседник. Данных было очень мало: только фамилия и имя.

Ложь чистой воды. В руках у греков были и фотографии, и дактокарты Солоника, и номер его паспорта. (Между прочим, после мы узнали, что он-таки обращался за гражданством в миграционную службу, но уже с документами на другое имя и получил гражданство.) Разыскать его в небольшой стране - дело пары недель.

Скорее всего, моя версия имеет право на существование.

Отчасти греков понять можно. Вряд ли у кого хватило бы сил отказаться от агента такого уровня, как Солоник. Однако уверен: поведи себя греки по-другому, Солонику не пришлось бы умирать на чужой земле. 2 метра нашлись бы для него и на родине.

Хотя вернуть киллера в Россию мы не сумели, случай этот лишний раз подтвердил высокий профессионализм и мобильность СБП. Ни одна другая российская спецслужба не смогла бы всего за день оформить ворох бумаг и откомандировать оперработника на место.

Вдобавок нам удалось сэкономить для казны немалые деньги.

Установив местонахождение преступника, мы уберегли коллег от безуспешных поисков убийцы на широких просторах нашей необъятной страны. Версий, где он скрывается, было множество.

Каждую пришлось бы отрабатывать.

Одного этого достаточно, чтобы понять: хлеб свой мы ели не зря.

Великая алюминиевая война

Тот, кто регулярно смотрит телевизор, наверняка запомнил серию громких «алюминиевых» репортажей НТВ. Тележурналисты поведали о «беспрецедентном» переделе алюминиевой промышленности. О «преступных» замыслах английской корпорации «Транс ворлд групп», «захватившей» рынок. О том, как первый вицепремьер О. Н. Сосковец лоббировал интересы бизнесменов. О связи известных авторитетов братьев Чёрных с высшими должностными лицами страны. Об убийствах «недовольных» и «непокорных».

Ничего не могу сказать - репортажи сделаны профессионально. Особенно история устранения бизнесмена Феликса Львова, который якобы попытался помешать преступной экспансии западных фирм. Львов был увезён неизвестными лицами из московского аэропорта. Несколько дней спустя его тело обнаружили недалеко от кольцевой автодороги.

По версии НТВ, убили Львова сотрудники Главного управления охраны или Службы безопасности президента.

Разумеется, по приказу «сверху». Правда, утверждать напрямую, что смерть коммерсанта - дело рук ГУО - СБП, журналисты не решились. Но показали так, чтобы зрители это поняли...

Отрицать весь этот бред - глупо. Обвинения в адрес Службы и Сосковца настолько абсурдны и безосновательны, что я даже не намерен их обсуждать. Лучше расскажу, что же на самом деле происходило на «фронтах» великой алюминиевой войны...

* * *

Первые публикации о переделе алюминиевой промышленности появились в печати в конце 1993 г. Пересказывать их смысла нет - впоследствии все они легли в основу «расследований» НТВ. Поток материалов о «преступниках» из английской фирмы «Транс ворлд групп», о разбазаривании стратегически важного сырья, о незаконном акционировании предприятий ширился с каждым месяцем.

Журналисты (а точнее, те, кто за ними стоял) своего добились. В декабре 1994 г. подборка «разгромных» статей легла на стол Черномырдина. Премьер-министр внимательно прочитал подборку. Тут же написал гневную резолюцию руководителям МВД, ФСБ, Службы налоговой полиции: немедленно разобраться в ситуации и доложить в месячный срок. (Чуть позже я понял, что столь резкая

реакция Черномырдина была вызвана не болью за интересы страны, а совсем другими причинами. В нескольких публикациях мелькнуло имя его первого заместителя - О. Н. Сосковца. Ч. В. С. решил «поймать» Олега Николаевича, своего давнего конкурента.) Коржаков в это время лежал вместе с Ельциным в ЦКБ.

Выражение «лежал», впрочем, применимо к нему очень относительно. Даже в больнице Александр Васильевич продолжал работать. Стол в его палате был целиком завален документами. Да и я пришёл к нему не с гостинцами в руках, а с материалами шефа черномырдинского секретариата Петелина.

Коржаков внимательно выслушал мой рассказ. Взял со стола пачку отксерокопированных «алюминиевых» статей, копию поручения Ч. В. С.

- Пусть разбирается ФСБ и МВД, - сказал он. - Но нам тоже надо подключиться. Выяснить, что всё это значит.

Как я уже упоминал, спецслужбы должны были подготовить ответ в месячный срок. Естественно, через месяц никто ничего не доложил. Все тянули время, как могли.

Мы же продолжали спокойно заниматься этой темой. Над отделом и Службой не висело дамокловым мечом распоряжение премьера. Вскоре кое-какой материал мы собрали. Правда, полученные данные резко отличались от того, что было напечатано в газетах.

* * *

За время работы по алюминию я разобрался в теме достаточно глубоко. По крайней мере мог разговаривать со специалистом без особых проблем.

Ситуация выглядела следующим образом. Для того чтобы производить алюминий, необходимо соответствующее сырьё. В эпоху Союза все было просто. Глинозём доставляли из Казахстана и Украины на заводы, которые, как правило, находились в Сибири - Братске, Красноярске, Саянске. Но после 1991 г. возникли понятные трудности. Основные месторождения сырья остались в «независимых» государствах. Своего глинозёма у России практически не было. Заводы оказались на грани остановки. Тогда-то и возникла идея привлечь западных бизнесменов для организации толлинга.

Иными словами, иностранцы на свои средства поставляют сырьё, наши заводы его перерабатывают, отдают алюминий, а за свой труд получают деньги.

Схема эта хоть и не идеальна, но для страны выгодна.

Толлинг, как палочка-выручалочка, даёт предприятиям возможность существовать. Выгоден он и иностранцам. За сырье они платят копейки, заводам-производителям - тоже. А алюминий продают по мировым ценам (примерно 1,5 тысячи долларов за тонну). Прибыль составляет примерно 300%.

Иностранцы засуетились. Крупная английская компания «Транс ворлд групп» взяла под контроль ряд заводов. Прибыль, полученная англичанами, оценивается в миллиарды долларов.

Но рынок - на то и рынок. В борьбе с конкурентами все средства хороши. Другие компании, опоздавшие к разделу пирога, заволновались. Как так! Почему кому-то всё, а нам ничего!

В процессе работы мы вышли на представителя одной конкурирующей с «Транс ворлд групп» фирмы. Не называю этого человека только потому, что он был с нами откровенен.

Представитель честно признался, что во многих случаях был непосредственным заказчиком «разгромных» статей. Требовалось во что бы то ни стало потеснить «Транс ворлд» с российских просторов. Его слова оказались не пустым звуком. Приложив массу усилий, мы не нашли ни одного подтверждения тому, что описывалось в печати.

Да, кое-какие сомнения имелись. Скажем, во главе дочерних компаний «Транс ворлд» стояли бывшие граждане СССР - братья Лев и Михаил Чёрные. По оперативным учётам они проходили как известные в прошлом теневики, имеющие связь с организованной преступностью. Но никаких доказательств их противоправной деятельности на алюминиевом поприще не существовало.

Проверял отдел «П» и другие тёмные факты, в том числе участие в переделе промышленности Сосковца. В Кремль даже пришла анонимка, где излагались примеры лоббистской сущности Олега Николаевича. Якобы фирма «Транс-Сис-Коммоди-тиз» (дочернее предприятие «Транс ворлд») открыла Сосковцу счёт в швейцарском банке, выдала кредитные карточки «Американ экспресс», купила его дочери квартиру в Лондоне за 200 тысяч фунтов, оплатила её свадьбу в Москве, вручила подарков на 35 тысяч долларов. К заявлению прилагались номера банковских счетов. Однако в ходе проверки выяснилось, что к Сосковцу эти счета никакого отношения не имеют. Не подтвердились и другие утверждения анонима. Возможно, потому что с момента поступления анонимки в 1993 г. прошло слишком много времени.

Единственное, что нас насторожило, - в 1993-1994 гг. толлинг

считался операцией безналоговой. Поставки глинозёма, вывоз алюминия и переработка сырья не были включены в налогооблагаемую базу. Они расценивались как экспорт услуг.

Лишь в ноябре 1994 г. Минфин и Госналогслужба выпустили документ, по которому с толлинга следовало брать налог. По подсчётам специалистов, общий налоговый долг алюминщиков бюджету равнялся 25 триллионам рублей. Деньги для казны нелишние. Но по непонятным причинам в июле 95-го Госналогслужба и Минфин приостановили действие прежнего распоряжения. Если бы последний документ был отменён, страна оказалась бы в выигрыше.

Об этом-то в августе 1995 г. я и доложил Коржакову.

- Давай я переговорю с Олегом Николаевичем, - предложил шеф.

И действительно переговорил. Сосковец посоветовал обратиться напрямую к Черномырдину. Давать лишний повод недоброжелателям упрекнуть его в неравнодушии к алюминиевой проблеме он не хотел. Через начальника личной охраны премьера я записался на приём к Ч. В. С. Спустя несколько дней меня пригласили в режимную зону на третьем этаже. Черномырдин, не торопясь, прочитал справку, подготовленную отделом «П». Внимательно посмотрел мне в глаза.

- Валера, Александр Васильевич знает, что ты ко мне пришёл?

Хотя Коржаков был в курсе, на всякий случай я ответил отрицательно. Черномырдин заметно обрадовался.

- Тогда ты ему ничего не говори, ладно?

Я принял игру. Кивнул головой.

- Давай говорить прямо. Скажи, где здесь интересы Сосковца?

- Виктор Степанович, никаких объективных подтверждений тому, что Сосковец лоббирует интересы ряда западных компаний, мы не нашли. Вот вы дали поручение доложить вам ситуацию. Никто не доложил. Почему? Да потому что докладывать нечего. Идёт борьба за рынок. Обычная борьба с вытеснением конкурентов. Единственное, что можно выжать из всей этой шумихи, - решить вопрос по налогообложению толлинговых операций. Специалисты, к которым мы обратились, утверждают, что, если отменить всего два распоряжения Госналогслужбы и Минфина, в бюджет реально попадут 25 триллионов рублей.

- Специалисты... - недовольно протянул премьер. - Они тебе ещё не то наговорят. Со мной надо разговаривать, а не со специалистами.

- Мы пытались встретиться с Сосковцом. Александр Васильевич даже переговорил с ним, но он не в теме. Решили обратиться к вам...

- Ладно, оставь документ, - в голосе Ч. В. С. промелькнули барские нотки. - Я посмотрю, подумаю, что можно сделать. Тебя потом пригласят.

И Виктор Степанович надел очки, давая понять, что аудиенция закончилась.

Прошло два, а то и два с половиной месяца. Вдруг звонит начальник черномырдинской охраны Сошин. - Я сейчас к тебе зайду.

Зашёл.

- Ты знаешь, у Виктора Степановича сегодня свободный день образовался. Он хочет с тобой побеседовать по той, алюминиевой, теме.

Сошин проводил меня до кабинета. Я открыл дверь и оторопел. Черномырдин стоял... на трибуне. Слева от длинного стола, за которым проводятся всякого рода совещания, была водружена самая настоящая трибуна. Видимо, предполагалось, что премьер будет вести заседания с «командного пункта». Но, насколько я знаю, он этого не делает.

- Ну, Валера, что нового у вас по этим материалам? спросил Черномырдин, не торопясь сходя с трибуны.

- Да ничего особенного. Кое-какие документы подобрали. Но, Виктор Степанович, я же ещё в прошлый раз говорил. Вся проблема в том, чтобы отменить два постановления.

- Это не твоя проблема. Я этим занимаюсь Лучше скажи: что-то появилось на Сосковца?

- Ничего. Единственно, мы ведём отработку преступных группировок, связанных с алюминиевой отраслью.

- Нет, говоришь? - лицо премьера омрачила тень. - Надо продолжать работу. То, что у вас в справке есть, - всё это верно. Но продолжать надо. Ты меня понял?

- Понял, Виктор Степанович, - как можно более почтительно ответил я. Разговор перекинулся на другие темы. Ч. В. С. с отцовской заботой расспрашивал о проблемах отдела и СБП, о том, как идёт служба.

Уже уходя, я случайно увидел на письменном столе подготовленную нами справку по алюминию. Она была вся исчёркана.

Видимо, Черномырдин расписывал на секретном документе

застывшую ручку или вытирал об него перо.

Я почувствовал, будто мне плюнули в лицо. Многомесячный труд моих ребят, десятки встреч, горы изученных заумных документов - ни до чего этого премьеру не было дела. Плевал он на всё с высокого «фундамента ответственности».

На душе скребли кошки. Впрочем, Коржакову вида я не показал - шеф не любит хлюпиков. Доложил о попытке премьер-министра заставить меня собирать компрометирующий материал на Сосковца.

- Ну, ты на «вербовку» не поддался? - весело поинтересовался А. В.

- Устоял, - ответил я.

С той поры минуло уже два с лишним года. Черномырдин до сих пор «занимается» проблемой алюминия.

Достаточно ему было только снять телефонную трубку, как десятки триллионов рублей потекли бы в казну. Эти деньги могли пойти на пенсии старикам, на зарплату шахтёрам и учителям, на пособия безработным.

Но Виктор Степанович и пальцем не пошевелил...

Скажите, как после всего этого следует относиться к премьер-министру?..

Тайна железного сейфа

Наверное, вы обратили внимание на то, что чуть ли не в каждой главе звучит один и тот же рефрен: мы подготовили справку, направили куда следует, а в ответ - тишина. Никаких мер никто не принял.

Повторяюсь, что это происходило всякий раз, когда мы наступали кому-то на хвост. Из песни слов не выкинешь.

И президент и премьер старательно делали вид, что не замечают наших сообщений. Личные и командные интересы были для них выше, чем любой закон. Однако справедливости ради следует признать, что как-то раз премьер-министр всё-таки нарушил свой извечный принцип «неприкосновенности». Один из высокопоставленных сотрудников аппарата правительства был уволен после вмешательства отдела «П». Только не подумайте, что произошло это потому, что Ч. В. С. так сильно пёкся о чистоте «белодомовских» рядов.

* * *

Игорь Шабдурасулов - человек известный. Как минимум раз в неделю он проводит в правительстве брифинги для средств массовой информации. Его смуглое восточное лицо с галантерейной щёточкой усов олицетворяет величие и державную мощь «Белого дома». Чуть что происходит - застрелил ли Черномырдин медвежонка, разразился ли очередной скандал в правительстве - Шабдурасулов тут как тут. Разъясняет, отрицает, машет руками.

Он не просто пресс-секретарь. Руководитель Департамента культуры и информации аппарата правительства. По должности Шабдурасулов выше, чем министр культуры и председатель Комитета по печати, вместе взятые. Хотя представление о культуре у него, бывшего научного сотрудника Института географии АН СССР, самые поверхностные.

Абсурд! Кабинетный географ координирует деятельность всей российской культуры. Чуть ли не учит певцов Большого петь, а танцоров Мариинки - выделывать па. На память сразу приходит аналогичный пример, когда начальником ГУВД был назначен специалист по магнитной гидродинамике Аркадий Мурашов. И смех и грех. К счастью, ТАМ быстро разобрались в профессиональных качествах Мурашова и от работы в милиции освободили.

Шабдурасулов же по-прежнему выступает рупором кабинета министров. Впервые похождениями «рупора» отдел «П» заинтересовался летом 1995 г. Нам стало известно, что за границей

Шабдурасулов активно пользуется кредитной картой «Golden Visa».

Стоит такая карточка - ни много ни мало - 5 тысяч долларов.

Только за одну поездку в 1993 г. на сувениры и развлечения он потратил 6714 франков и 404 немецкие марки (порядка 2 тысяч долларов). И подобных примеров - масса. Понятно, что такими деньгами скромный зав. отделом культуры (в то время он занимал эту должность) разбрасываться не может. Если, конечно, живёт на одну зарплату. (К слову, счета за рубежом имели многие обитатели «Белого дома», например вице-премьер, министр внешней экономики О. Давыдов. Часть своих сбережений он держал в одном польском банке.) Мы обеспокоились и решили пристальнее присмотреться к руководителю Департамента культуры. Разумеется, волновало Службу не содержимое шабдурасуловских карманов, а непонятные источники его заработка.

Пожалуй, это был самый трудный объект в моей жизни. На службе Шабдурасулов появлялся редко. Рабочий день начинался у него когда как - то в 12, то в 14 часов. Часто его жена разъезжала до вечера по магазинам на служебной машине. Ночью же, как правило, он отправлялся на всевозможные культурные «тусовки».

То, что Шабдурасулов - деятельный бездельник, понимали, по-моему, все. Лично я окончательно убедился в этом, узнав, что английский засыпной сейф в его кабинете, где все нормальные люди хранят секретные документы, полностью завален всякой канцелярской утварью: скрепками, резинками, карандашами, ручками. Эти принадлежности выделяли для нужд Департамента культуры, но оседали они почему-то в сейфе начальника.

Несколько раз Шабдурасулов, пока его жена «инспектировала» магазины, садился за руль шикарной иномарки. Мы проверили машину по учётам ГАИ. Оказалось, что зарегистрирована она на имя тестя Шабдурасулова, обычного рядового пенсионера.

Откуда у пенсионера 80 тысяч долларов на новую иномарку? Почему на ней разъезжает не он, а зять?

Думаю, ответить на эти вопросы для вас не составит большого труда. Для нас - тоже. Другое дело, что очевидные, но не доказанные вещи в дело не подошьёшь. Впрочем, этого и не требовалось. Собранных нами материалов было вполне достаточно для того, чтобы забить тревогу. Весной 1996 г. отдел «П» подготовил справку о подозрительных проделках руководителя Департамента культуры и информации.

* * *

Примерно в то же время мой отдел занимался и другим

руководителем департамента аппарата правительства. На этот раз главой Департамента экономики Андреем Зверевым.

Впервые компетентные (как раньше было принято называть) органы заинтересовались Зверевым ещё в советскую эпоху.

Одной из служб Управления КГБ по Москве и Московской области был зафиксирован факт передачи Зверевым ряда служебных документов некоему коммерсанту (разумеется, небезвозмездно).

Работал тогда Зверев в Госплане СССР, имел доступ ко многим интересным материалам. Коммерсанту же очень хотелось получать их, не дожидаясь публикации в официальной печати, то есть в числе первых. Это давало ему значительные преимущества перед конкурентами. (Кстати, впоследствии тем же самым промыслом занялся будущий министр финансов России Владимир Пансков. Будучи первым заместителем главы Госналогслужбы, он продавал одной аудиторской фирме «свежие» постановления и приказы.) Но тут случился путч. КГБ потерял былую мощь. Зверев, напротив, её приобрёл. Вскоре он стал главой едва ли не самого крупного департамента правительства.

Учитывая потенциальную склонность чиновника к злоупотреблению служебным положением, мы решили взяться за него поплотнее. Посмотреть, не замешан ли он ещё в каких-то тёмных историях.

Наши подозрения оправдались. Из источников в окружении Зверева оперативникам стало известно, что у него есть несколько заграничных паспортов. Причём последний Звереву оформляла коммерческая фирма (если мне не изменяет память - торговый дом «Альтернатива»). По этим паспортам руководитель департамента неоднократно выезжал за рубеж. А ведь Зверев был секретоносителем. По закону он не имел права не то что пересекать границу, но и, вообще, держать дома загранпаспорта. Их необходимо было сдавать в соответствующую службу в «Белом доме».

Настораживало и то, что свои зарубежные вояжи Зверев тщательно скрывал. «Если секретоноситель выезжает тайком за кордон, это не спроста», - подумал я.

Чтобы разобраться в этой карусели, я счёл целесообразным отправить своих сотрудников на беседу со Зверевым. Расчёт строился на неожиданности визита. И точно. «Великий экономист» едва не поседел, увидев «страшных монстров» из СБП. Он так разволновался, что не смог толком ничего объяснить. Когда же пришёл в себя, моментально побежал к знакомому кадровику.

- Что делать? Похоже, Служба безопасности начинает проверять все эти выезды, а у меня там грешок.

Кадровик посоветовал ему сходить к руководителю аппарата правительства Бабичеву.

- Мне что, сухари сушить? - волновался Зверев.

- Сухари не сухари, но работу можешь потерять, ответил тот.

Не знаю уж, о чём беседовал всесильный Бабичев со своим непослушным подчинённым. Думаю, утешал и успокаивал. Владимир Степанович это умеет.

Во всяком случае, на вторую беседу с сотрудниками отдела «П» Зверев притащился подшофе. Он был абсолютно уверен, что его никто не посмеет тронуть, ссылался на Олега Ивановича Лобова: дескать, тот не допустит.

Наивный...

* * *

В начале 1996 г. я пришёл к начальнику личной охраны Черномырдина А. И. Сошину.

- Александр Иванович, как ты можешь охарактеризовать Зверева?

- Ты знаешь, - нараспев протянул великан Сошин, - я с ним почти не знаком. Так, сталкивался раза два. Никакого впечатления он на меня не произвёл.

- Зверев из вашей команды? (Под «их командой» я имел в виду окружение Черномырдина.)

- Да нет... А что, на него что-то есть?

- Есть кое-что. Хотим проинформировать Виктора Степановича.

Сошин никак не прореагировал. Спокойно заметил:

- Ради бога.

- А Шабдурасулов?

При упоминании фамилии шефа Департамента культуры глаза у Сошина заблестели.

- Что такое? Что случилось?

Я с деланным равнодушием заметил: - Кое-какая информация имеется.

- Ну, что тебе про Игоря сказать...

Начальник охраны нервно заходил по кабинету.

- Рабочий человек. Нормальный человек. Виктор Степанович его уважает. Очень хорошо проявил себя в «Нашем доме». Никаких претензий к нему быть не может...

- Этот-то хоть ваш?

- Наш. Без вопросов - наш...

Справки в отношении «их» Шабдурасулова и «ничейного» Зверева отдел «П» подготовил примерно в мае 96-го. С санкции Коржакова они были направлены Черномырдину.

Доподлинная реакция премьера мне неизвестна. По слухам, он вызвал к себе Зверева и предложил подыскивать другое место работы. Через месяц кресло руководителя Департамента экономики оказалось вакантным.

Что неудивительно, Шабдурасулова же Ч. В. С. не тронул.

Сошин достаточно чётко сформулировал основу кадровой политики премьера: «Наши» и «не наши».

Зверев был «не их». С ним расстались моментально.

Шабдурасулов - «их». А значит, с него и взятки гладки. В полном смысле слова...

* * *

Допускаю, что кое-кто из читателей удивлённо произнесёт: - Ерунда какая. Один карточку за 5 тысяч долларов купил. Другой загранпаспорта получил. Вокруг творится бог знает что, а они такими мелочами занимаются.

Попытаюсь объяснить. Любая спецслужба должна работать на опережение. Тем более СБП, которая занималась весьма щекотливыми проблемами. Конечно, можно спокойно наблюдать за тем, как люди постепенно подходят к краю черты, фиксировать совершённые преступления, передавать весь материал в прокуратуру или ФСБ и отчитываться перед президентом: «Борис Николаевич, обезврежен ещё один коррупционер».

Но СБП занималась и другим. Не дутые проценты были важны для нас, а престиж власти. Если бы тот же Зверев (допустим) нарушил закон, удар бы пришёлся по всему правительству. Этого допускать мы были не вправе. Отвести человека от грехопадения - вот главная задача, которая стояла перед нами.

Что же касается «ерунды» Зверева и Шабдурасулова, то не открою Америку, сказав, что преступниками не рождаются. Это процесс постепенный и зависит от многих факторов, например от вседозволенности, отсутствия контроля.

В действиях и Зверева, и Шабдурасулова совершенно чётко прослеживалась тенденция к нарушению закона. А аппетит, как известно, приходит во время еды.

Профилактика правонарушений - вещь намного более эффективная, чем террор и репрессии. Слава богу, в этом-то я, милицейский опер с многолетним стажем, хоть немного разбираюсь.

Клубок змей-1

Сегодняшние российские реалии намного круче любого детектива. Если бы наши писатели знали о том, что творится в коридорах власти, им не надо было бы, вообще, ничего придумывать.

Сюжетов, подобных «Спруту» или «Крёстному отцу», наберётся десятки. Только успевай записывать.

Один из таких сюжетов - история бегства за границу помощника первого вице-премьера правительства России В. Ф. Шумейко. К сожалению, даже сейчас я не могу назвать всех героев этой беспрецедентной истории. Моим коллегам (по крайней мере я на это надеюсь) предстоит ещё поставить точку в сложной, многоходовой операции...

* * *

Помощник Шумейко Владимир Романюха сбежал из России в 1993 г. Произошло это после того, как правительство Москвы выделило около 16 миллионов долларов на закупку за рубежом детского питания. Деньги, однако, до цели не дошли - осели в некоей фирме и стали «работать» на новых хозяев, в том числе на небезызвестного Дмитрия Якубовского.

Подобных случаев я знаю немало: большинство состояний крупных отечественных банкиров сколочено именно за счёт бюджетных денег.

Но Романюхе не повезло. В разгар «великого противостояния» Ельцина - Руцкого усатый вице-президент начал поход против коррупции. В 14 чемоданах компромата затесалась и история с пропажей 16 «детских» миллионов.

Дело начало раскручиваться. Тут же был найден стрелочник Романюха (явно не основная фигура). В рабочем кабинете помощника первого вице-премьера, у него дома и даже в квартире у матери сотрудники прокуратуры провели обыски. Романюху собирались арестовывать. Ни он сам, ни его босс Шумейко этого не желали.

Первый вице-премьер отлично понимал, что арест помощника приведёт к грандиозному скандалу. А там, глядишь, недалеко и до отставки.

В свете такого поворота событий Шумейко собрал у себя в кабинете на Старой площади самых доверенных людей. Спросил, что делать. Общее мнение было единым: Романюхе следует как

можно скорее покинуть страну.

- Лети через Украину к Якубовскому в Канаду, - сказал Романюхе первый вице-премьер. - А мы уж здесь как-нибудь отобьёмся...

Сказано - сделано. Как только Романюха пересёк границу, прокуратура выдала ордер на его арест. Но поскольку договорённости о взаимовыдаче преступников у России с Канадой нет, выцарапать помощника зампреда правительства было невозможно.

Хасбулатов с Руцким даже специально написали письмо премьер-министру Страны кленового листа и попросили депортировать Романюху на родину, однако им было отказано...

Прошло два года. За это время Шумейко стал Председателем Совета Федерации. Руцкой с Хасбулатовым попали в Лефортово. А Романюха продолжал скрываться за бугром. Осел он в итоге в Израиле, где его и разыскали мои сотрудники.

В начале 1995 г. из оперативных источников стало известно, что Романюха живёт на земле обетованной, находится на грани нервного срыва и крайне зол на своих бывших товарищей, поскольку считает, что все его кинули.

Мы решили использовать эту ситуацию и попробовать Романюху разговорить. Интересовало нас его знание закулисных дел в правительстве.

Не стану подробно расписывать, как нам удалось выйти на беглеца. Остановлюсь лишь на главном - Романюха согласился поведать о прошлых подвигах, наговорил массу интересного.

Когда я показал выжимки из его повествования Коржакову, шеф оживился:

- Нужно во что бы то ни стало, любой ценой получить от Романюхи заявление на имя президента, где он бы официально это изложил. Другого пути нет...

Уговаривали мы Романюху долго. Жали на патриотические чувства, рассказывали, какой ужас творится в стране. В итоге он согласился, но поставил условие - спрятать его. Хотя к тому времени Генеральная прокуратура уже сняла свои обвинения в отношении его за отсутствием состава преступления в действиях экс-помощника, Романюха очень боялся своих недавних товарищей.

Просьбу его мы выполнили. Перевезли в другую страну, укрыли в надёжном месте.

То ли в мае, то ли в июне 95-го заявление он написал.

Документ на 15 страницах был оформлен по всем правилам. С Романюхи даже взяли подписку об ответственности за ложный донос. Прочитав заявление, Коржаков сказал: - Я знаю много всего. Но иногда даже мне бывает интересно...

Попросил перепечатать крупным шрифтом - президент не любит изучать бумаги в очках - и передал заявление Ельцину. Не знаю уж как сейчас, но раньше президент предпочитал работать с документами у себя на даче, перед сном. В правом верхнем углу он ставил галки - это означало, что документ прочитан.

На заявлении Романюхи, однако, галки почему-то не оказалось. Чистым оно вернулось к адъютанту Б. Н. Но Коржаков не отчаивался. Вновь попросил адъютанта вложить бумагу в президентскую папку. Но и на другое утро ситуация повторилась. Никакой галки в углу не было.

Таким макаром заявление Романюхи кочевало примерно неделю. Вечером шеф вкладывал его в папку, утром оно возвращалось девственно нетронутым.

Безусловно, Ельцин его прочитал, но, похоже, не хотел показывать виду. Если бы он дал заявлению ход, со своих постов слетело бы множество высокопоставленных чиновников. Цвет российской политики. Бездействие президента в подобных случаях во многом мне стало понятным, когда я перечитывал его воспоминания.

«Реформа попала в сети грубой, нечистоплотной афёры. В этой ситуации я очень боялся создать атмосферу склочной травли, доносительства, поиска «компромата»... Обстановку террора, крутых разборок, травли я органически не переношу. Мне очень важно ощущать, что вокруг меня - нормальные люди». (Ельцин Б. Записки президента. М., 1994. С. 338.)

- Что будем делать дальше? - спросил я у Коржакова, Посылать бумагу Ильюшенко бессмысленно - он всё «развалит»...

- Давай реализовывай по частям, - ответил шеф. Иного выхода у нас не было...

Клубок змей-2 (Шумейко)

Романюха наговорил нам так много, что этого вполне хватит на отдельную книгу.

Конечно, отдельные факты, рассказанные помощником Шумейко, перепроверить мы не смогли. Что-то и вовсе оказалось ерундой. В целом полученная информация была весьма и весьма достоверной - с документами и цифрами.

Одним из таких достоверных фигурантов был непосредственный начальник Романюхи - Владимир Шумейко.

Первый вице-премьер правительства России, а впоследствии Председатель Совета Федераций. Третье лицо в государстве.

Высокий пост, однако, не всегда залог порядочности. Скорее, наоборот...

* * *

История с пропажей 17 миллионов долларов, из-за которой Романюхе пришлось покинуть Россию, не обошла и Шумейко. В мае 1993 г. заместитель генерального прокурора РФ Макаров публично обвинил Владимира Филипповича в финансовых махинациях.

Шумейко инкриминировалось то, что по его указаниям государственная компания «Агрохим» перечислила в 1992 г. на счёт фирмы «Теламон» 15 миллионов долларов. После чего 9,5 миллиона растворились неизвестно где, подобно таблетке аспирина в стакане воды. Кроме того, Макаров утверждал, что Шумейко предоставлял «необоснованные льготы» ряду частных компаний, в том числе и швейцарской фирме «Дистал Лтд», вице-президентами которой были братья Якубовские.

В июле 1993 г. Верховный Совет лишил Шумейко депутатской неприкосновенности. В сентябре того же года президент отстранил его от исполнения обязанностей первого вице-премьера «до завершения следствия». Следствие, однако, вскоре прекратилось. После октября 93-го Шумейко вернулся во власть на лихом бело-сине-красном коне. Новый и. о. генпрокурора Ильюшенко снял с триумфатора все обвинения.

Владимир Филиппович вновь был чист, как детский подгузник...

Бывший помощник Шумейко - Романюха, однако, полагал, что дело обстоит совсем иначе.

В 1992 г. правительство Москвы заключило контракт со швейцарской фирмой «Дистал Лтд» на поставку технологий для

производства продуктов питания. На счёт «Дистал Лтд» было перечислено 9 миллионов долларов. Не менее солидная сумма перекочевала и в закрома фирмы «Честер Лтд», где делами заправляли все те же братья Якубовские. На этот раз - в оплату колбасных мини-заводов.

Разумеется, деньги вскоре пропали, сделка сорвалась.

В операции и вправду было задействовано немало высоких должностных лиц: зам. министра обороны Константин Кобец (именно он порекомендовал в качестве партнёра фирму «Дистал»), генеральный директор ФАПСИ Александр Старовойтов и, конечно, Владимир Шумейко.

Но увы, снять золотой урожай со сделки чиновники не смогли. Сюжет с пропажей денег всплыл наружу. Руцкой с Хасбулатовым попытались разыграть его как козырную карту. У наших героев не было никакого выбора: пришлось срочно искать миллионы. Ну а чтобы всё выглядело безукоризненно правдоподобно, к закланию приговорили Романюху. Его бегство (по совету Шумейко) должно было полностью убедить «врагов демократии», что именно этот человек виноват в случившемся.

* * *

Вообще Шумейко человек колоритный. Чего стоят одни его отношения с Якубовским. Именно Шумейко подписал в сентябре 1992 г. распоряжение о назначении великого авантюриста «полномочным представителем правоохранительных органов, специальных и информационных служб в правительстве Российской Федерации». Он же пробивал Якубовскому генеральское звание. За бесплатно такие вещи не делаются.

Когда в 1993 г. над первым вице-премьером нависла угроза отставки, он отбыл в Италию. В дорогу Шумейко взял руководителя своего секретариата Евгения Вербицкого и Романюху. Цель поездки была одна - встретиться с Якубовским.

- Зарезервируй для меня крупную сумму денег, - попросил Якубовского Шумейко.

Владимир Филиппович опасался, что ему придётся проститься с должностью. И желал иметь хоть какую-то гарантию будущей безбедной жизни. «Генерал Дима» не сумел отказать другу и действительно зарезервировал для Шумейко 3 миллиона долларов при помощи одного из канадских ювелирных магнатов. «Если м-р Шумейко обратится в указанную фирму, говорилось в документах, - она обязуется предоставить ему работу юридического консультанта и выплачивать ежегодно по миллиону долларов».

Бог дал - бог взял. Опасаясь, что у следствия могут возникнуть резонные вопросы, Владимир Филиппович избавился от других презентов Якубовского с невиданной жестокостью. В самый разгар летней борьбы с коррупцией Шумейко приказал своему помощнику М. Кондрахину уничтожить шикарную итальянскую мебель, подаренную «Димой» на новоселье. Кондрахин выполнил указание на отлично. Он разбил и сжёг мебель на даче первого вице. Дрова нынче дороги - в огне сгорело 79 тысяч долларов США.

Слова классика «нас испортил квартирный вопрос» в полной мере относятся и к Шумейко. Итальянская мебель не единственный его «трофей».

В 1992 г. Шумейко были предоставлены шикарные апартаменты в 1-м Трудениковом переулке. Дом 17, где поселился наш герой, известен всей Москве. По соседству расположились такие «герои демократии», как Чубайс, Шохин. И даже писатель-лауреат Солженицын и его сыновья. Не знаю, как ремонтировали свои квартиры эти люди.

Вполне возможно, Шумейко рядом с ними - жалкий лимитчик. И всё же. В 1993 г. Владимир Филиппович возжелал иметь у себя дома сауну, суперсовременную кухню со встроенной посудомоечной машиной, холодильником и плитой. А также ещё ряд вещей, создающих уют и комфорт. Мечты Шумейко помогли воплотить в жизнь Романюха и первый зам. начальника Главного управления по обслуживанию дипломатического корпуса МИДа И. И. Сергеев (в настоящее время - зам. министра иностранных дел РФ). Сделать сказку былью оказалось не так дёшево: ремонт, который провело ГлавУПДК, обошёлся в полмиллиона долларов. Но поскольку принимать деньги от частных лиц ГлавУПДК права не имело, все расходы оплатила немецкая фирма «Пливер Гмбх».

Надо отдать Владимиру Филипповичу должное: кое-что «Пливеру» он всё же заплатил. Правда, не 500, а 350 тысяч. И не долларов, а рублей.

Приложение к договору купли-продажи между гр. Шумейко и фирмой «Пливер», где перечислены поставленные в квартиру предметы, вызвало у меня чёрную зависть по отношению к спикеру Совета Федерации.

В тот момент я с семьёй как раз переезжал из области в Москву. Так что реальную цену импортной сантехнике, душевой кабине и набору кухонной мебели из 15 предметов я знал не понаслышке. Что заставило немецких бизнесменов практически даром превратить квартиру Шумейко в пятизвёздочный рай? Думаю, вам понятно...

* * *

Ласковый телёнок двух маток сосёт. С одной стороны, Шумейко был близок с Якубовским. С другой - поддерживал весьма доверительные отношения с его врагом Бирштейном (тот самый швейцарский бизнесмен российского происхождения, которого обвиняли в том, что он оплатил дорогостоящий шопинг жён бывших министра безопасности РФ Баранникова и первого зам. министра МВД Дунаева).

В 1992 г. на одной подмосковной даче собралась тесная компания: Бирштейн, Баранников, Шумейко и Романюха. Как водится, выпили. Пошли париться в баню, чтобы в тёплой (даже жаркой) обстановке обсудить извечный русский вопрос: где бы подзаработать? Решили создать акционерное общество «Русь», которое занималось бы экспортом-импортом металлов и металлургического сырья.

Романюхе предложили должность исполнительного директора, но он отказался. Должность не принял, но из игры не вышел. На следующий день Бирштейн вручил Романюхе в присутствии своего заместителя 50 тысяч долларов наличными.

Деньги Романюха отдал Шумейко. Тот сказал, что они пойдут в фонд предвыборной поддержки президента.

- Но я не уверен, что деньги ушли по назначению, признался нам Романюха.

Опасения весьма резонные. Верить Шумейко на слово - занятие неблагодарное.

Вот как он, будучи уже главой Совета Федераций, описывал банные переговоры в интервью Комсомольской правде: «- Как-то звонит Баранников: «Володя, приезжай вечерком на дачу». Ну я приехал. Знакомит с человеком: «Борис Иосифович Бернштейн (так в тексте. - В. С.)». Потом - разговор: «Как бы можно было сделать компанию по торговле металлом за границей?» А я же все-таки был первый вице-премьер! Но тут выясняется, что эта компания - сомнительного свойства. На мой прямой вопрос: для чего все это? - идёт прямой ответ: «Борис Иосифович тебе счёт за границей откроет, может набежать за год до восьми миллионов долларов».

Я улучаю момент, отвожу Баранникова в сторону: «Виктор Павлович, что здесь происходит?» А Баранников: «Не бери в голову, это всё согласовано. Он же ещё и разведчик». И потом, мол, ты должен понять, что за границей всегда организуются какие-то фирмы, где работают наши спецслужбы под видом каких-то фирмачей. Им же из бюджета деньги не выделяют. Я: «Ну всё, ужин мы закончили».

Обратите внимание на филигранность изложения. Не придерёшься. Да, на даче был. Да, с Бирштейном знаком. Да, об обществе «Русь» знаю. Но - в махинациях не участвовал. Потому что - очень честный!

В этом же интервью Шумейко сказал ещё несколько очень важных слов, которые как нельзя лучше характеризуют его самого.

«Когда после августа 1991-го в России начались революционные преобразования, появилась масса пены. Часть этой пены и попала в аппараты всех верхних эшелонов власти. Проходимцы и случайные люди - они-то и занимаются личной наживой».

Точнее, пожалуй, не выразишься..

Клубок змей-3 (Панкратов, Солдатов)

Я прослужил в милиции без малого 20 лет. Казалось бы, знаю эту систему неплохо. Конечно, в органах внутренних дел есть разные люди. Однако те вещи, с которыми я столкнулся, работая по заявлению Романюхи, не укладывались в сознании.

Высшие чины столичной милиции оказались полностью коррумпированы. Начальник Главного управления внутренних дел Москвы Владимир Панкратов, начальник Управления по борьбе с экономическими преступлениями столичного ГУВД Сергей Солдатов находились в теснейшей связке с Дмитрием Якубовским.

И не просто в связке...

* * *

До 1992 г. судьба была явно неблагосклонна к Владимиру Панкратову. Дважды его снимали с должности и отправляли на понижение. Первый раз это произошло в 1982 г. Тогда он распростился с креслом начальника Управления охраны общественного порядка ГУВД Мосгорисполкома, став начальником РУВД Свердловского района.

В начале 90-х гг. в результате одной дурно пахнущей истории Панкратова отстранили от должности шефа столичной ГАИ и отправили в почётную ссылку - руководить спортобществом «Динамо». Карьеру с такой биографией сделать практически нереально. Панкратову, однако, удалось это.

Романюха рассказывал, как однажды осенью 92-го к нему в кабинет вошёл Дмитрий Якубовский. Известный авантюрист был одет в форму полковника.

- Организуй мне встречу с М. (он назвал одно весьма значительное лицо), нужно назначить Панкратова начальником ГУВД.

На двух шикарных «Мерседесах» Якубовский и Романюха отправились на беседу со значительным лицом. Через 10 минут вопрос был решён. Несмотря на то, что этому назначению очень сильно противился министр внутренних дел В. Ф. Ерин (он-то знал истинную цену Панкратову), Владимир Иосифович всё же стал зам. начальника ГУВД Москвы по общественной безопасности. А ровно через месяц получил место начальника главка.

Журналисты, комментирующие неожиданное назначение, недоумевали: чем объяснить столь резкий взлёт человека с подобной биографией? Им было невдомёк, что за спиной Панкратова

маячила тень Якубовского. Зачем «генералу Диме» был нужен Панкратов, по-моему, совершенно очевидно. Иметь своего, ручного начальника ГУВД - мечта любого проходимца. Панкратов подходил Якубовскому по всем статьям.

Кристальная честность не входила в число его основных достоинств. Ещё будучи начальником ГАИ, Панкратов продемонстрировал своё истинное лицо. Тогда по его инициативе между ГУВД и СП «Совкувейт инжиниринг» был заключён договор о совместной деятельности. СП обязалось закупить ряд товаров для ГУВД. ГАИ же в свою очередь должно было оказывать СП услуги по сопровождению грузов и делегаций «Совкувейт инжиниринг».

В феврале же 1990 г. Панкратов при поддержке начальника ГУВД П. С. Богданова пробил через Мосгорисполком решение о создании при УГАИ хозрасчётного объединения по автотранспортному обслуживанию иностранцев. Объединение полностью освобождалось от налогов, так как на заработанные деньги должно было технически оснащать подразделения столичной милиции.

Однако образованная 2 года спустя комиссия ГУВД обнаружила, что никаким оснащением тут и не пахнет.

Объединение даже не имело собственного расчётного счёта. Вся финансовая деятельность проходила по счетам уже упоминавшегося СП «Совкувейт инжиниринг». Зато милицейские боссы оттянулись на славу. За счёт СП многие высокие чины с удовольствием съездили за рубеж (тогда это ещё было в диковинку). В частности, Панкратов провёл 19, а Богданов - 5 дней в Германии. Приобщились к красотам «свободного мира» и другие руководители ГУВД. На «командировочные расходы» им выдавалось от одной до нескольких тысяч долларов. (Чтобы не быть голословным, назову точные цифры: 6 июня 1991 г. первый зам. начальника ГУВД Ю. А. Томашев получил от СП 2348 долларов. В июне 1990 г. П. С. Богданову отстегнули 3500 немецких марок). Ребята неплохо проводили время.

Причём комиссия ГУВД выяснила, что наказан никто не был; более того, инициатора проверки зам. начальника ГУВД Л. В. Никитина уволили со службы, а проверку прекратили.

Только 6 апреля 1995 г. Генеральная прокуратура РФ возбудила уголовное дело по факту исчезновения денег. Правда, произошло это лишь после того, как СБП направила Ильюшенко все материалы, а Панкратов был снят с должности начальника ГУВД. Как вы помните, уволили его в связи с убийством Владислава Листьева.

И ещё одна любопытная деталь: генеральным директором СП

«Совкувейт инжиниринг» был некий Козлёнок. Тот самый Козлёнок, который впоследствии учредил печально известную компанию «Голден АДА» и присвоил около 180 миллионов долларов, принадлежащих Российскому комитету по драгоценным металлам.

Ничего не скажешь - настоящий клубок змей.

* * *

Так же как и Панкратов, бывший начальник Управления по экономическим преступлениям ГУВД Москвы Сергей Солдатов обязан своей карьерой исключительно Якубовскому. Никакого отношения к милиции этот человек не имел. Работал проректором по хозяйственной части Всесоюзного юридического заочного института. В 1992 г. неожиданно стал начальником одного из самых сложных милицейских подразделений - УЭПа.

Назначить Солдатова Панкратову «настоятельно порекомендовал» Якубовский. Панкратов встал во фрунт. Прежнего начальника, М. И. Шестопалова, он втихую отправил в отставку.

Узнав об этом, в знак протеста подал рапорт и первый зам. начальника ГУВД А. Н. Егоров, начальник московской криминальной милиции. Это было сильнейшим ударом для личного состава главка.

Все мы знали Егорова как честнейшего, принципиальнейшего человека. Как никто другой, он был на своём месте. Егоров - сыщик от бога. Не люблю патетики, но иначе не скажешь: за всё время существования МУРа «бойцов», подобных Егорову, наберётся не больше десятка. Он был едва ли не лучшим опером в управлении и уж точно лучшим начальником МУРа, смелым, надёжным, понимающим...

На какие жертвы не пойдёшь ради того, чтобы «порадеть родному человечку»? Панкратов без колебаний смирился с уходом Егорова - даже не пытался убедить его остаться. Вместо этого присвоил Солдатову звание майора и поставил «бороться» с экономическими преступлениями.

Любовь Якубовского Солдатов заработал тем, что регулярно поставлял ему старинные книжные раритеты, по всей видимости - ворованные.

«Коллекция» «генерала Димы» включает в себя рукописные и первопечатные книги XVI-XIX вв. Мы проверили слова шумейковского помощника. Информация подтвердилась: действительно, личный шофёр Якубовского периодически приезжал домой к Солдатову, забирал связки книг и доставлял их хозяину.

Затем антиквариат они вывозили за рубеж (большая часть книг

находится в доме Якубовского в Торонто), дарили нужным людям.

Известно, что по крайней мере дважды книги провозил через границу помощник Шумейко Кондрахин. На третий раз случился прокол. Кондрахин был задержан таможенниками с поличным - при себе он имел две сумки, набитые старинными манускриптами.

Избежать скандала удалось лишь благодаря вмешательству Романюхи. Потрясая удостоверением помощника первого вице-премьера, он сумел все уладить. Книги улетели в Цюрих. То, что Якубовский пробавлялся ворованными книгами, впоследствии доказал и суд. В ноябре 1996 г. он был приговорён к 5 годам лишения свободы.

Солдатова сняли с должности начальника УЭПа лишь весной 1997 г.

Добивались мы этого почти два года...

* * *

Когда материалы в отношении Солдатова подтвердились, я пришёл к Коржакову.

- Давай я напишу письмо Ерину, пусть он решит вопрос, предложил шеф.

Письмо ушло. Ерин распорядился немедленно организовать проверку. Судьба Солдатова повисла на волоске.

Но тут грянул Будённовск. Виктор Фёдорович вынужден был подать рапорт. Его место занял командующий внутренними войсками А. С. Куликов.

Вскоре новый министр пожелал установить контакт со всемогущим начальником СБП. Позвонил шефу, пригласил в гости.

- Приезжайте, просветите меня о том, что творится. Я во власти человек новый.

Коржаков, памятуя о деле Солдатова, на встречу с генералом пригласил и меня. Впервые в жизни я прошёл в своё родное ведомство через министерский подъезд. Конечно, ощущения совсем другие - мягкие ковры, бесшумные двери. Не то, что в коридорах Главного управления угрозыска, где я обычно бывал.

Минут пять мы подождали в приёмной, - видно, Куликов хотел показать, что он тоже не последний человек в этом мире.

Потом зашли в огромный кабинет. Анатолий Сергеевич выскочил из-за стола и бросился навстречу Коржакову. Выглядело это очень забавно - огромный шеф и маленький кругленький Куликов, простирающий, как ребёнок, ручки кверху. А. В. крайне негативно

относится к мужским лобызаниям. Но пришлось стерпеть - с кислым лицом он чмокнул министра куда-то в район лба: ниже нагнуться было непросто...

Речь, которую завёл Куликов, я слышал не в первый раз.

- Надо, - вещал он, - начать беспощадную борьбу с коррупцией и преступностью, очистить МВД от всякой скверны. Я очень надеюсь на вашу поддержку, Александр Васильевич, проникновенно говорил министр. - Может, вы мне чем-то поможете, поделитесь.

- Поделюсь, - ответил шеф.

В надежде на искренность Куликова он вкратце рассказал о Панкратове и Солдатове.

- То-то я смотрю, - вскричал Анатолий Сергеевич. Сколько времени, как Панкратова сняли, а он всё сидит на Петровке.

Ну, хорошо, я тотчас же решу вопрос о его выселении.

Приступ гнева вызвала у него и история Солдатова. Он пообещал во всём разобраться, попросил принести копию заявления Романюхи.

Копию я передал ему лично. Министр поручил заняться заявлением своему заму, начальнику Главного управления по борьбе с организованной преступностью В. Н. Петрову. К сожалению, вся энергия ушла в слова. В конце 1995 г. Солдатов был представлен к генеральскому званию.

Для обсуждения кандидатов в генералы собралась коллегия МВД.

- Есть у кого вопросы по Солдатову? - спросил министр.

Все промолчали. Встал лишь служака Петров, начальник ГУОП МВД: - Я против.

- А в чём дело? - удивился Куликов.

- Анатолий Сергеевич, вы же знаете. В отношении него серьёзные материалы.

- Э-э, да что это за материалы. Ерунда! - махнул рукой борец с коррупцией. Махнуть - махнул, но представления не подписал - не хотел тогда связываться с Коржаковым.

Перед этим фамилия Солдатова уже дважды фигурировала в списке представленных к лампасам. Лишь благодаря твёрдой позиции Коржакова и Барсукова - они были членами Комиссии по высшим воинским званиям - начальник УЭПа остался полковником. И то хлеб, придя с гражданки, от майора до полковника он

«дослужился» за 2 года. Лично у меня этот путь занял 11 лет.

* * *

Безусловно, Солдатов знал о нашем вмешательстве в его судьбу. Первая утечка информации произошла ещё тогда, когда шеф направил письмо Ерину. Догадаться об этом нетрудно - на меня выходило несколько старых знакомых. Живо интересовались, что у нас есть на Солдатова.

Сергей Александрович отдавал себе отчёт, чем всё это может закончиться, а потому решился на крайние меры. Как-то зимой 1996 г. меня вызвал к себе Коржаков. В кабинете у него находился начальник Управления ФСБ по Москве и Московской области Анатолий Васильевич Трофимов.

- Повтори Стрелецкому всё, что сказал мне, - обратился к Трофимову Коржаков.

Анатолий Васильевич немного смутился, но отчётливо выговорил:

- К нам поступило заявление от Солдатова. Он утверждает, что вы вымогали у него взятку. Обещали похоронить оперативные материалы на него. Я в недоумении посмотрел на шефа.

- Чего удивляешься? Расскажи Анатолию Васильевичу, что у нас с Солдатовым. Не вдаваясь в подробности, я изложил суть: есть основания полагать, что Солдатов коррумпирован. Это не просто оперативные материалы - ведётся проверка, о которой помимо меня и начальника СБП известно министру внутренних дел, президенту. Иными словами, при всём желании «похоронить» материалы уже нельзя.

Трофимову сказать было нечего. От комментариев он воздержался...

Но никакие уловки спасти Солдатова уже не могли. Он был обречён. Решение вопроса становилось лишь делом времени. (Впрочем, мало ли у нас чиновников самого высокого ранга, о преступлениях которых известно многим руководителям? И ничего - продолжают работать.) Начальник УЭПа был отстранён от должности в начале 1997 г., когда СБП фактически уже уничтожили. Последней каплей, по всей видимости, стала квартира на Остоженке, купленная Солдатовым и оформленная им на своего сына. Лично я в гостях у полковника не был. Те же, кому довелось, рассказывают, что она поражает своей роскошью.

Ушёл Солдатов тихо, без скандала. О том, что послужило причиной его падения, пресса так и не узнала. Сейчас он крутится в

каком-то в банке.

Незадолго до Солдатова закончилась карьера и его «крёстного отца» Дмитрия Якубовского, которого «любила» вся верхушка столичной милиции.

Правда, в последний момент Якубовский попытался вырваться на свободу. Через своего адвоката он подкупил судью горсуда Ф. Холодова. За 100 тысяч долларов Холодов согласился «повнимательнее» отнестись к подсудимому. Это было его последнее дело - он собирался уходить на пенсию. Судья наивно полагал, что под занавес сумеет прилично подзаработать, обеспечить безбедную старость. Связь заговорщики держали через адвоката Якубовского Терновского. Именно Терновский передал на волю две весточки Димы.

Одну - в Канаду, другая была адресована... Солдатову. Якубовский просил 100 тысяч на взятку.

Солдатов не дал ни цента. Знал, что его обязательно на этом поймают. Канадская родня оказалась более сердобольной.

В апреле 1997 г. адвокат Терновский был арестован ГУВД Санкт-Петербурга за «подстрекательство Якубовского к даче взятки». При аресте у него изъяли 80 тысяч долларов. Терновский молчал недолго. Он признался, что получил деньги от матери Якубовского и должен передать их судье Холодову.

Председательствовал на процессе уже другой служитель Фемиды. Холодова отстранили. Правда, уголовное дело в отношении него так и не было возбуждено. Судьи, как и депутаты, пользуются статусом неприкосновенности.

Мало кто, однако, знает, что в этой истории самое активное участие принимала СБП. Вместе с ГУОПом мы сделали всё, чтобы Якубовский не сумел отвертеться. Срок, полученный суперавантюристом - куда более дорогая награда для нас, чем любой орден или медаль...

Илюшин в щупальцах «Спрута»

Полтора десятка лет Илюшин проработал вместе с Ельциным. Разумеется, пользовался неограниченным доверием Бориса Николаевича.

Этот незаметный, бесцветный человечек всегда старался держаться в тени. Тщеславие ему было чуждо - он вполне довольствовался ролью «серого кардинала» Кремля.

Первого помощника президента Виктора Васильевича Илюшина я видел всего несколько раз в жизни.

Вспоминаю, как весной 1995 г. готовилось расширенное заседание правительства с участием Ельцина. Мало кто знает, что в «Белом доме», на третьем этаже, у президента есть свой резервный кабинет, своя зона. Именно в этой президентской зоне и размещался отдел «П».

Естественно, при посещении ельцинским аппаратом Дома правительства были задействованы и наши кабинеты. Илюшину определили апартаменты моего зама. Никакой мебели там вообще не было. Нелюбовь к СБП была столь велика, что белодомовские чиновники старательно игнорировали все наши заявки.

Когда же кабинет «сдали в аренду» первому помощнику, снабженцы забегали, как оглашённые. В течение часа притащили и расставили шикарнейшую мебель, цветочные горшки. Провели все возможные и невозможные виды связи. Из затхлой каморки помещение моментально превратилось в настоящий «праздник вкуса».

Вдруг один из ответственных руководителей аппарата правительства схватился за сердце и побледнел.

- Что такое? - спросил я.

- Ковёр, - прохрипел чиновник. - Ковёр на полу старый. Надо срочно заменить.

Я удивился. Ковёр был вполне приличный, мог прослужить ещё не один год.

- Вы не знаете, какой Виктор Васильевич капризный, чуть не плакал руководитель. - Если он увидит, что ему положили старый ковёр, разразится страшный скандал.

На другое утро я пришёл на службу. По привычке заглянул в кабинет заместителя. Илюшин сидел за шикарным столом и читал газету.

Услышав, как открывается дверь, он бросил чтение и испуганно завертел головой. Точь-в-точь суслик. Такие же большие глаза, такое же маленькое тело. (В дальнейшем про себя иначе, как Сусликом, первого помощника президента я и не звал.) Заседание правительства прошло, президент из «Белого дома» уехал. А в кабинет мой заместитель попасть не мог.

Снабженцы повесили на двери табличку «Илюшин В. В.» и ключи нам не возвращали. На все мои возражения ответ был один:

- Это кабинет не ваш, а Виктора Васильевича.

Чиновников не волновало то, что в этот кабинет Илюшин приедет в лучшем случае через год. А у СБП с помещениями и без того напряжённо. Пришлось идти за помощью к Коржакову.

- Виктор Васильевич, ты когда собираешься начать работу в «Белом доме»? - иронически поинтересовался шеф, набрав номер Илюшина.

Тот что-то долго отвечал. В конце концов Коржакову надоело его слушать:

- Давай сделаем вот как. Это кабинет моих сотрудников. Пусть они сидят там, где и раньше. Как только кабинет тебе потребуется, ребята тут же его освободят. Тем более, ты же знаешь: по распоряжению президента чиновники не могут иметь более одного кабинета.

Илюшин, скрепя сердце, согласился. Мой зам был на седьмом небе от счастья. Нежданно-негаданно ему достался комплект первоклассной мебели и набор спецсвязи.

Так состоялось моё знакомство с первым помощником Ельцина. Когда вскоре мне пришлось вплотную заняться похождениями Илюшина, некоторое представление об этом человеке у меня уже имелось.

* * *

В мае 1996 г. из источников в банковских кругах мне стало известно о ряде кредитов, взятых Илюшиным. Получение этих кредитов я квалифицировал как завуалированную форму взятки.

- Раз информация пришла от твоих источников, ты и занимайся проверкой, - сказал Коржаков, выслушав мой доклад. Но имей в виду: у нас уже имеются некоторые материалы в отношении Виктора Васильевича. Надо бы тебе с ними ознакомиться.

Материалы представляли собой результаты долгого, кропотливого труда СБП. Из всего этого вырисовывалась не самая буколическая картина. (Дабы снять все возможные вопросы, сразу

оговорюсь: эту историю я воспроизвожу исключительно по памяти.) Начиная с 1993-1994 гг. Илюшина стали видеть вместе с высокой эффектной шатенкой лет тридцати. Виктория Соколова в прошлом была членом юношеской сборной СССР по теннису. Ныне же официально она являлась аккредитованным в Москве корреспондентом итальянской газеты «Реппублика».

Практически всё своё свободное время Илюшин проводил с Соколовой. Женщина часто приходила в кабинет первого помощника в Кремле. Он брал её с собой на всякого рода протокольные мероприятия, ввёл в окружение президента, который стал относиться к «прекрасной партнёрше» В. В. с большой симпатией. (Ельцин Б. Записки президента. М., 1994. С. 339.) Вдвоём они играли в теннис (как правило, на кортах на Сельскохозяйственной улице).

После каждой игры посещали итальянский ресторан Stellez Pescatore» («Звёзды рыбака», Пушечная улица, дом 7). При этом Илюшин никогда и никому Соколову не представлял. Складывалось ощущение, что ему просто приятно быть с ней рядом. Соколова же отнюдь не трепетала перед всесильным царедворцем. Очевидцы вспоминают, что при игре в теннис она нередко покрикивала на Виктора Васильевича. В общем, вела себя как жена с мужем-подкаблучником. (Хотя он уже был женат, а она - замужем.) Думаю, вы поймёте меня правильно. Интерес к личной жизни тех или иных высокопоставленных чиновников возникает у спецслужбы не от скуки. Илюшин - это не просто 50-летний джентльмен. Это человек, имеющий доступ к государственным секретам России. Большой чиновник, пользующийся доверием президента.

Естественно, Илюшин (равно как и остальные сановники) - желанная добыча для иностранных спецслужб, мафиозных группировок и разного пошиба проходимцев. Законы вербовки известны: женщины, деньги, компромат, честолюбие. Наша задача как раз и заключалась в том, чтобы отсечь от особ такого ранга лиц, вызывающих подозрения. Бережёного, как известно, бог бережёт...

Соколову смело можно было отнести к первой составляющей закона вербовки. При дальнейшем изучении СБП узнала, что она имеет два гражданства: российское и итальянское. Причём значительную часть времени проводит в Италии. Дальше - больше.

Во время одной из встреч Илюшин передал Соколовой кипу документов. Эти документы шатенка, журналист, теннисистка в течение полутора часов рассматривала, сидя в машине возле своего дома.

Каждый, кто читал маленькие книжечки в ярких обложках из

серии «Библиотечка военных приключений», на нашем месте насторожился бы. Подозрительным показалось и то, что активность посещений Соколовой илюшинского кабинета особенно возрастала накануне государственных визитов Ельцина в другие страны. Например, незадолго до поездки президента в Германию весной 1994 г. Соколова пробыла в кабинете первого помощника больше часа. После отбытия делегации она тут же улетела в Милан и вернулась в Москву в одно время с Илюшиным. Тотчас с ним встретилась.

Настораживало и поведение Соколовой. Она постоянно профессионально проверялась на предмет выявления возможного ведения за ней наружного наблюдения. Часто выходила на проверочные маршруты, подобранные ей явно специалистами в области контрвизуального наблюдения. (Проверочные - это маршруты, на которых можно увидеть, есть за тобой «хвост» или нет.) Зачем обычному честному человеку прибегать к таким сложностям?

Отчасти ответ на этот вопрос был получен. Среди ближайших связей Соколовой оказался гражданин Италии - некий Н. К. Перед каждым визитом Соколовой в Кремль к Илюшину Н. К. встречался с ней на Васильевском спуске и обсуждал что-то в течение 3-5 минут. То же и по возвращении. Но самое удивительное заключалось в том, что, едва завершив инструктаж, Н. К. каждый раз спешил в одну из квартир в центре Москвы. Квартира эта была хорошо известна нашим спецслужбам. В ней жил ... установленный разведчик ЦРУ.

* * *

Постепенно Соколова все больше и больше забирала над Илюшиным власть. Видимо, боязнь потерять моложавую красотку толкала Виктора Васильевича на необдуманные поступки.

Соколова настойчиво стала убеждать первого помощника президента, чтобы тот уговорил Ельцина принять участие в международном теннисном турнире «Большая шляпа» в Неаполе.

Тем более что в самом скором времени должен был состояться официальный визит Б. Н. в Италию. Илюшин поддался. Начал агитировать своего босса. Но тут в дело вмешалась СБП.

СБП обратилась к итальянской контрразведке с просьбой сообщить, что из себя представляет готовящийся турнир «Большая шляпа» и кто его организует. (В отличие от остальных отечественных спецслужб СБП всегда поддерживала и поддерживает контакт с коллегами из иностранных ведомств. Безопасность руководителей государства - выше всяких политических дрязг. Так было даже в советские времена.)

Итальянцы проинформировали, что участие Ельцина в этом турнире нежелательно. За устроителями неапольской «Большой шляпы» стояли люди с сомнительной репутацией.

Все уговоры Ельцина Илюшиным закончились ничем.

Неудачей завершилась и его попытка впихнуть Соколову в пресс-группу, освещавшую визит. Под благовидным предлогом её кандидатура была отклонена. Но Соколова и её друзья не успокоились. Во время итальянского вояжа к Ельцину пролез некто Джованни Перелли. Он настойчиво приглашал президента отдохнуть на знаменитом острове Капри (том самом, где жил Максим Горький).

Перелли был хозяином Капри. Кроме того, итальянец имел звание почётного консула России в провинции и целый ряд других «достоинств». По оперативным данным, был «крёстным отцом» мафии в Неаполе. Он контролировал местную производящую и обрабатывающую промышленность, импорт сырья, порт, 80% леса, вывозимого из России. Именно Джованни Перелли и был инициатором проведения злополучного турнира «Большая шляпа».

Когда Коржаков узнал об этом, он немедленно пошёл к президенту. Стал убеждать не поддаваться на уговоры Перелли и Илюшина. Ельцин - человек экспансивный. Он в очередной раз отмахнулся от начальника СБП как от назойливой мухи. У А. В. не было другого выхода, кроме как предложить ознакомиться с собранным материалом. Президент никак на это не прореагировал.

Илюшин остался в его ближайшем окружении. Спасибо, что не поехал на этот чёртов турнир.

Зачем итальянцам нужен был Илюшин. Я сознательно не поставил в конце предложения вопросительный знак. Вопрос этот риторический.

Возможности у В. В. были большие. Запросы - низкие. Лучшей фигуры для «вербовочного подхода» и представить трудно. И спецслужбы и преступные группировки действуют в подобных случаях одинаково...

* * *

Узнав обо всём этом, я задумался. Начал вспоминать все, что мне известно о первом помощнике президента. Фигура неоднозначная. Тёмная. Илюшин был одним из тех, кто принимал активное участие в судьбе уже известного вам бизнесмена Козлёнка, поддерживал тесный контакт с главой «Мост-банка» Гусинским, когда тот сбежал из России в Лондон. Всячески помогал ему вернуться в «верха».

Короче, предрасположенность к использованию служебного положения в личных целях у Илюшина имелась. Собрав банковские документы, я окончательно в этом убедился.

Вернусь к тому, с чего, собственно, и начал. К илюшинским кредитам.

12 января 1995 г. Илюшин Виктор Васильевич, именуемый в дальнейшим «вкладчик», внёс в столичный коммерческий «Интермедбанк» 4 тысячи 920 долларов США на депозит. С начислением 25%.

Аппетит приходит во время еды. Через четыре месяца, 15 мая 1995 г., тот же вкладчик положил в «Интермедбанк» на депозит новую сумму - 73 миллиона 733 тысячи 880 рублей. Но уже под 180% годовых.

А 10 ноября 1995 г. «Интермедбанк» в свою очередь выдал Илюшину кредит в 31 миллион 654 тысячи рублей сроком на один год, под 10% годовых. 1 декабря - 27 миллионов 540 тысяч. Опять же в виде кредита под 10%. Чувствуете разницу? Даёт под 180%, берёт под 10%. Неплохой способ дохода.

Только к ноябрю 95-го проценты по рублёвому вкладу Илюшина составили 64 миллиона 885 тысяч 814 рублей. А если учесть, что 14 февраля 1996 г. время действия этого договора было продлено на неопределённый срок, барыши первого помощника президента представляют сумму весьма серьёзную.

Перед нами - элементарная финансовая афёра. Под 10% ни один банк никогда не даст вам ссуду, под 180% - никогда у вас не возьмёт. Это совершенно нереальные, фантастические цифры.

Илюшину можно всё, ибо он не просто Илюшин В. В., а высокопоставленный кремлёвский сановник.

Кредит под 10% есть не что иное, как завуалированная взятка. Эти самые 10% инфлянция без труда съест за год. Банкиры - люди расчётливые. Просто так, без выгоды для себя, ничего они не делают. Если кредиты даются, следовательно, это кому-то нужно. Значит, выигрыш получается больше, чем если бы они пустили эти деньги в оборот.

И потом. Откуда у Илюшина такие деньги? Его официальная зарплата составляла на тот период около 2 миллионов рублей.

Книжек он не писал, лекций в Гарварде не читал. Чтобы скопить 73 миллиона, ему бы пришлось жить впроголодь как минимум лет десять. Между прочим, 73 миллиона, положенные в «Интермедбанк», были не единственными его капиталами. В другом

коммерческом банке - «РАТО-Банке» - у первого помощника президента тоже имелся счёт, который рос не по дням, а по часам.

Если 14 октября 1995 г. у Илюшина в «Рато» лежало 48 миллионов 789 тысяч 84 рубля, то 11 января 1996 г. уже 57 миллионов 710 тысяч 420 рублей. Менее чем за три месяца счёт увеличился аж на 9 миллионов. Нормально. Удивительно, что Виктор Васильевич, вообще не гнушался получать кремлёвскую зарплату. При таких доходах «гроши» эти были ему ни к чему.

Покупка коммерческими структурами должностных лиц - излюбленный метод банкиров. Илюшин не одинок. По тому же пути пошли Кох, Бойко, Чубайс, Мостовой, Казаков. Список можно продолжать долго.

Взятки бывают разные, в том числе и в расчёте на перспективу. Подкармливая сановников, приучая их к хорошей жизни (а привыкнуть к хорошему куда легче, чем от этого хорошего отвыкнуть), коммерсанты надёжно обеспечивают свои тылы.

Случись завтра что - к кому они побегут? Ни в ФСБ, ни в милицию, ни в налоговую полицию. А к прикормленному чиновнику. Тот в беде не бросит, лишнего не спросит. Снимет все вопросы. Поможет в принятии выгодных решений. Даст возможность заработать ещё больше.

Уверен: в случае с Илюшиным всё развивалось именно по такому, отлично отработанному сценарию. К сожалению, довести до конца это дело я не успел. Первые материалы поступили ко мне в мае 1996 г., а в июне СБП была уничтожена.

Теперь вам понятно, почему Илюшин так радовался после разгона нашей Службы? Это отчётливо было видно из опубликованной в «Московском комсомольце» записи его переговоров с Чубайсом в «Президент-Отеле».

Впрочем, не буду бежать впереди паровоза. Рассказ о «Президент-Отеле» - чуть дальше.

Государственный рэкет-1

Любой сыщик изначально обречён на безвестность. Человеку тщеславному на оперативной работе искать нечего. Какое бы громкое дело ни раскрыл, какую бы сложную комбинацию ни провёл - его имя всё равно останется за кадром. В лучшем случае об успехе знает пара человек. Без малого двадцать лет по такому же принципу жил и я.

«Из подполья» мне пришлось выйти только весной 1996 г. 23 мая агентство ИТАР-ТАСС распространило сообщение следующего содержания:

«В связи с возбуждением уголовного дела и задержанием Борис Фёдоров снят с поста президента НФС. Такое решение принял Совет попечителей НФС, который назначил новым руководителем фонда полковника Валерия Стрелецкого - начальника отдела Службы безопасности Президента РФ. Его кандидатура была предложена в связи с желанием спортивной общественности сохранить чистоту спорта и стремлением оградить НФС от попыток дискредитировать спортивное движение России».

А ещё через несколько месяцев моё имя постоянно склоняли по всем каналам телевидения, во всех центральных газетах. Тогда журналисты именовали скандал вокруг НФС скандалом века. Это и вправду была совершенно невиданная для России ситуация. Даже сегодня, по прошествии двух лет, многое осталось под покровом тайны. Кто покушался на жизнь б. у. президента НФС Фёдорова? Был ли его арест сфабрикован спецслужбами или он действительно баловался наркотиками? Почему я, полковник СБП, оказался в кресле президента НФС? Вымогали ли Коржаков и Стрелецкий 40 миллионов долларов у Фёдорова? Что заставило Фёдорова рассказать дочери президента об ужасных рэкетирах из СБП? (Именно эти откровения были напечатаны впоследствии в нашумевшей статье «Фавориты» в «Новой газете».) Сколько денег украли из НФС? Чем было вызвано противостояние фонда с Чубайсом? Что происходит с НФС сегодня?

Никто до сих пор не ответил ни на один из этих вопросов. Попытаюсь кое-что прояснить....

* * *

Для начала - краткий экскурс.

Национальный фонд спорта был создан в 1992 г. по инициативе Шамиля Анвяровича Тарпищева. бывшего тренера сборной СССР по теннису и личного друга Ельцина. Цели, которые ставил перед собой

Тарпищев, были абсолютно ясны: если раньше отечественный спорт финансировало государство. то теперь помощи ждать было не от кого. Приходилось крутиться самим. По замыслу создателей НФС должен был зарабатывать деньги для российского спорта. Благо, возможности такие были.

В ноябре 93-го президент Ельцин подписал указ, дающий НФС невиданные доселе льготы. Все импортируемые в Россию товары, предназначенные для проведения спортивных мероприятий, были освобождены от уплаты таможенных пошлин, НДС, акцизов.

Вскоре подоспели и новые распоряжения НФС получил право беспошлинного ввоза в страну табака и алкоголя. Семимильными шагами фонд набирал обороты. Он стал одной из крупнейших отечественных коммерческих структур. 95% импорта табака и алкоголя принадлежали именно ему.

Однако в 1994 г. Тарпищеву пришлось покинуть место президента НФС. Он был назначен министром спорта и председателем Координационного комитета по физической культуре и спорту при президенте. Руководство фондом Тарпищев передал своему заместителю Борису Фёдорову.

Впоследствии Фёдоров утверждал, что Шамиль практически не вникал в дела НФС. Отчасти это было правдой. При всей его кажущейся внешней суровости Тарпищев - человек очень доверчивый. Фёдорову ничего не стоило навешать ему лапшу на уши. Убедить, что всё делается как нельзя лучше.

Став полноправным хозяином фонда, Фёдоров начал развивать коммерческие проекты НФС и наращивать их обороты со скоростью света. Помимо алкогольно-табачного бизнеса Фёдоров влез и в банковские дела. НФС приобрёл убыточный банк «Национальный кредит» и «Интурбанк». Нефть также не была обойдена вниманием НФС, занялись и ею. Всё, казалось бы, хорошо, кабы не одна вещь: постепенно НФС полностью перестал выделять деньги на спорт. Невиданные прибыли Фёдоров вкладывал в новые проекты. В общем, действовал по известной схеме: деньги - товар - деньги. Задачи, которые изначально ставились перед фондом, оказались нереализованными.

Ни для кого не секрет, что спорт патронирует лично президент. (Во всяком случае тогда патронировал.) Всё, что касалось спорта, касалось и престижа Ельцина. Разумеется, начальник СБП не мог оставаться в стороне.

Коржаков много раз допытывался у Тарпищева:

- Что у тебя происходит с Фёдоровым? Ты вообще ситуацию

контролируешь?

- Да нет, - отвечал Шамиль. - Я Фёдорову полностью доверяю. Он не может меня подставить.

Со временем, однако, Тарпищев всё же стал понимать: что-то не ладно в этом королевстве. На носу была Олимпиада-96, чемпионат мира по футболу, а денег на соревнования не было.

Тарпищев был вынужден признать:

- И правда, Фёдоров начал зарываться. Амбиции растут с каждым днём.

К апрелю 1996 г. он сделал вывод, что Фёдорова пора заменить. Созрел, в общем, для принятия решения.

Существовала и ещё одна причина того, почему Тарпищев стал охладевать к президенту НФС. Вы наверняка помните громкий скандал 95-го года, когда первый вице-премьер Чубайс во всеуслышание заявил: «Если у НФС не отберут льготы, я уйду из правительства».

Кое-кто считал, что Чубайс заботился о благе государства и казне. В действительности отстаивал он совсем другие интересы.

В своём письме на имя Коржакова Фёдоров утверждал, что Чубайс и Лившиц «находятся под влиянием крупных производителей табачных изделий за рубежом и пытаются лишить монополии организации, которые могли бы защитить российский рынок от контрабанды». Президент НФС также сообщал, что «правая рука» Чубайса в Минэкономике И. С. Матеров встречался в Париже с крупнейшими мировыми производителями табака. И именно это стало причиной того, что первый вице попытался протащить постановление правительства об отмене акцизных марок. Но безуспешно.

Конечно, верить Фёдорову - дело неблагодарное, но похоже на то, что в этот раз он не врал. Не забывайте: НФС был монополистом-импортёром табачной продукции. Отобрать у фонда монополию означало сыграть на руку его конкурентам.

Как бы там ни было, к концу 1995 г. между Фёдоровым и Чубайсом возникло весьма острое противостояние. Тут-то в дело и вмешался вездесущий Березовский. Хитроумный Борис Абрамович понял, что свалить в открытой борьбе НФС не получится. Он убедил Чубайса, что с Фёдоровым намного выгоднее дружить, чем воевать. Не ручаюсь за точность слов, но смысл их доподлинен.

«НФС подмять мы всегда сумеем, - говорил он, - просто действовать надо по-умному».

Заговорщики решили бить по больному - по самолюбию Фёдорова. Зная о его непомерных амбициях, о том, что Тарпищев для него словно стопудовая гиря на ногах, они принялись всячески обрабатывать президента фонда. Убеждали, умасливали, льстили.

Их усилия не пропали даром.

Высевать «разумное, доброе, вечное» стало возможным на благодатной почве. Фёдоров и сам устал от конфликта. Желание быть хозяином на табачном рынке страны переселило все доводы разума. Шаг за шагом он шёл на сближение с командой бабкоделателей.

Разумеется, информация о его телодвижениях не могла проскользнуть мимо нас. Коржаков поведал Тарпищеву о закулисных интригах Фёдорова.

Безусловно, свою роль это тоже сыграло.

* * *

Я буду не до конца искренен, если не скажу и ещё об одной причине нашего вмешательства в судьбу НФС. Основной причине.

Зимой 1996 г. в СБП начали стекаться данные о новой схеме крупномасштабного воровства бюджетных денег. Речь идёт об афёрах, связанных с облигациями внутреннего валютного займа (ОВВЗ).

Конечно, ничего плохого в самих по себе облигациях внутреннего займа нет. По этому пути идут все страны; если в казне катастрофически не хватает денег, государство выпускает такие облигации, продаёт их частным и физическим лицам, а вырученные средства пускает на первоочередные дела.

Так было, к примеру, после Великой Отечественной войны, когда советская экономика оказалась в тяжелейшем положении. Правда, облигации навязывались гражданам насильно - и попробуй не купить, моментально заделаешься «врагом народа».

В эпоху демократии облигации приобрели иное звучание. По имеющейся у нас оперативной информации, ОВВЗ были специально придуманы «злым гением XX века» Вавиловым, первым зам. министра финансов, с тем, чтобы увести из бюджета как можно больше денег.

Дело в том, что рыночная стоимость ОВВЗ резко отличается от номинальной. Если, к примеру, принять её номинальную цену за 100%, то рыночная едва дотягивала до 25%. Размещать в них финансовые средства было крайне невыгодно. Несоответствие номинала и котировки было запрограммировано изначально. Это

давало возможность комбинатором безнаказанно воровать миллионы и миллиарды.

Схема предельно проста: Министерство финансов продаёт банкам облигации по их рыночной цене. Затем принимает к оплате, но уже по официальной. Элементарный «паровозик». Естественно, прибыль делится между сторонами. Такие афёры были провёрнуты, например, с «Национальным резервным банком», «Сберегательным банком», «Онэксимом», «Менатепом». Каждому из них дали возможность купить за сотни миллионов долларов облигаций на миллиарды долларов. А после банки рассчитались с государством этими ОВВЗ по долгам своих предприятий.

Фигура Вавилова занимала нас уже давно. Вавилов - гениальнейший человек (не побоюсь этого слова). Такого грандиозного, высокопрофессионального и талантливого афериста современный мир просто не знает. Я сравнил бы его с профессором Мориарти; придуманные Вавиловым воровские схемы так же красивы и безупречны. С одним лишь «но» - размах у Вавилова был другой.

Его стараниями государство лишилось ни одного и ни двух миллиардов долларов. При этом ухватиться за что-то было крайне трудно: Вавилов умело пользовался прорехами и просчётами в законах. Он выверял каждый свой шаг. И с юридической точки зрения, как правило, старался подстраховаться.

Пример тому - история с векселями «Национального кредита». Вавилов позволил НК купить векселей «Сбербанка» на 100 миллионов долларов. В ответ НК расплатился своими векселями. К тому моменту НК практически полностью прогорел. Его векселя стоили не дороже туалетной бумаги. А векселя «Сбербанка» обеспечивало государство.

Это не что иное, как грандиозная финансовая афёра. Ведь стоит только НК вывести векселя «Сбербанка» за границу и продать, как тут же появятся кредиторы и потребуют у государства принять их к оплате. 100 миллионов долларов страна выложит ни за что ни про что. Плюс 26% годовых.

Все эти деяния не могли оставить нас равнодушными. Тем более что следы тянулись прямиком в «Белый дом». После долгих размышлений решили, что действовать мы можем только по двум линиям. Во-первых, через предвыборный штаб Ельцина, где наши позиции были достаточно сильны и где мы могли собрать немало информации о банковских афёрах (ведь все крупные банки страны участвовали в подготовке к выборам). Вдобавок банки направляли в предвыборный фонд те самые деньги, которые сумели заработать

путём финансовых махинаций. Во-вторых, через НФС. Как-никак именно НФС был владельцем НК. А значит, получив доступ к документам фонда, мы в состоянии понять все остальные схемы, задокументировать их.

Однако попытки проникнуть в НФС кончались для нас безуспешно. Афёры и махинации замыкались на президенте Фёдорове. Свои дела он держал в секрете, никому их не доверяя.

Не было бы счастья, да несчастье помогло. Одна ситуация удачно наложилась на другую. Фёдоров в любом случае исчерпал лимит доверия. Не воспользоваться моментом было бы глупо.

* * *

К весне 96-го Тарпищев окончательно смирился с мыслью, что Фёдорова пора менять. Президенту НФС дали последний шанс сохранить свои позиции. В апреле его пригласил на беседу Коржаков.

В кремлёвском кабинете Александра Васильевича присутствовал и Тарпищев.

- Деньги, которые государство давало тебе на спорт, распыляются, - сказал шеф. - Ты прогоняешь их через коммерческие структуры, которые создаёшь сам или которые принадлежат твоим друзьям. (Добавлю: во многих из фирм, связанных с НФС, до 90% акций, действительно принадлежало Фёдорову и его людям.) Эти деньги ты должен вернуть. Хотя бы как минимум 300 миллионов долларов. Кроме того, мы знаем, что 10 миллионов ты передал в предвыборный штаб безо всяких документов и «платёжек».

В ответ Фёдоров закусил удила:

- Если у вас есть какие-то вопросы, обратитесь в штаб. Смоленский и Чубайс вам всё объяснят. Я ничего не крал.

Стало понятно, что разговаривать с этим человеком бессмысленно. Он ничего не понимает. А зачем просто так метать бисер? Дискуссию закрыли. На прощание Коржаков объявил Фёдорову, что отныне всеми вопросами, связанными с НФС, будет заниматься начальник отдела полковник Стрелецкий. Он дал мой номер телефона и попросил связаться как можно быстрее.

Душа у Фёдорова не выдержала. Он решил не рисковать. В тот же день его секретарша позвонила мне и сообщила:

- Борис Владимирович спрашивает, можно ли ему к вам приехать.

- Пусть приезжает, - ответил я. - Жду...

Государственный рэкет-2

Есть такая байка. В 40-х годах в Союз писателей стали поступать жалобы на воровство и взяточничество в ведомственной книжной лавке. Для разбора ситуации была создана специальная комиссия, куда включили знатных книголюбов - Л. М. Леонова, В. Г. Лидина, И. Л. Андроникова.

Приходит комиссия в лавку, где её радушно встречает директор, добрый приятель всех этих писателей, усаживает их в удобные кресла, заводит беседу о новинках, раритетах. Всячески уводит разговор в сторону. Писатели - люди интеллигентные. Тем более библиофилы. Перейти к неприятной стороне визита никто не решается.

Так продолжается час. Уже вроде бы пора прощаться, но тут Леонид Максимович Леонов как-то очень просто спрашивает директора:

- Ну что? Значит, воруете?

Тот начал объяснять, оправдываться. И разговор наконец-то пошёл по существу...

Историю эту я вспомнил сразу после беседы с Фёдоровым. Вёл он себя точь-в-точь, как проворовавшийся директор книжной лавки. Президент НФС влетел ко мне в кабинет, словно метеор.

Если бы я заранее не знал, что это Фёдоров, то наверняка решил, что передо мной буйно-помешанный, который сбежал из психбольницы: пена у рта, вытаращенные глаза. Фёдоров был страшно напуган.

Когда мы договаривались о встрече, Фёдоровская секретарша поинтересовалась: нужно ли захватить какие-то документы о работе НФС? Я ответил отрицательно. С этого-то Фёдоров и начал:

- Зря вы не хотите ознакомиться с документами. Я бы ясно и подробно всё рассказал, объяснил.

- Борис Владимирович, а ничего объяснять и не надо. Мы достаточно хорошо осведомлены о деятельности НФС и о вас лично...

* * *

Я отнюдь не собирался брать Фёдорова «на пушку».

Собранные материалы вполне позволяли неплохо с ним познакомиться. Знал я, что этот человек очень невыдержанный и говорливый. Может заморочить голову любому.

В прошлом Фёдоров работал на заводе «Хромотрон». Потом перешёл главным инженером в спорт-общество «Динамо», затем стал «челноком» - мотался за шмотками за рубеж.

В 1990 г. Фёдоров создал первый в стране частный теннисный клуб «Петровский парк». Там-то он и познакомился с Тарпищевым. Шамиль Анвярович в то время был изгнан из Госкомспорта, Фёдоров же согласился разместить в своём клубе тарпищевский офис. Расположить к себе доверчивого Тарпищева не составило для него особого труда. Когда Тарпищев организовал НФС, он назначил Фёдорова своим заместителем...

* * *

В подтверждение своих слов я достал оперативную справку по НФС, подготовленную СБП.

- Конечно, эта справка далеко не полная, но смысл её совершенно ясен и понятен. То, что в последнее время стало твориться в НФС, вызывает у нас массу вопросов.

Фёдоров сидел, как на иголках. К чашке кофе он даже не притронулся.

- Борис Владимирович, - продолжал я, - за деятельностью НФС мы пристально наблюдаем уже в течение полугода. Известно нам многое. Не только нам, но и другим правоохранительным структурам - ФСБ, МВД, Налоговой полиции. Вы даже представить себе не можете объёма нашей информации. Но по-прежнему наблюдать за всем молча мы больше не в силах. Было бы правильно, если бы сейчас вы отложили все свои эмоции и внимательно меня выслушали. Те деньги, которые вы распылили по разным структурам, вам в НФС надо вернуть. Если не сделаете это добровольно, то я обещаю, что государство навалится на НФС всей своей мощью и последствия станут для вас уже необратимыми.

- Это государственный рэкет! - вскричал Фёдоров. - Вы не имеете права! Это частная собственность.

Я засмеялся:

- Бросьте. Вы же отлично знаете, что это не так. Все ваши коммерческие структуры появились исключительно благодаря государству, государственным льготам, кредитам. А значит, и деньги - казённые.

- Я не позволю разговаривать с собой таким тоном! Это произвол! Я известный человек, а не какой-то мальчишка!!!

На Фёдорова было страшно смотреть. Его глаза метали молнии, галстук съехал набок.

- Я работаю в предвыборном штабе Бориса Николаевича! Мне доверено ответственное дело!

- Да, мы в курсе. Но знаем мы и то, что вы передали в штаб 10 миллионов долларов безо всяких документов. Это уголовно наказуемое деяние, и эти деньги тоже надо вернуть. И чем быстрее, тем лучше.

Дальнейшую часть разговора пересказывать я не хочу. Все ограничивалось немилосердным сотрясанием воздуха со стороны Фёдорова, заверениями, что он чист и честен, грязными выпадами и инсинуациями в адрес Тарпищева.

- Вы что же, думаете, Тарпищев о государственных интересах печётся? Как бы не так! Он за свой карман боится.

«Какая же ты мразь, - подумал я. - Тарпищев вывел тебя в люди, а ты платишь в ответ чёрной неблагодарностью».

Беседа длилась около часа. Под конец мне надоело заниматься переливанием из пустого в порожнее. Я сказал:

- Что ж, очень жаль, Борис Владимирович, что вы меня не поняли. Сожалею. Думаю только, что сожалеть вскоре придётся и вам.

Уже стоя на пороге, Фёдоров обернулся и посмотрел на меня. Его глаза были полны ужаса. «Загнанный кролик иной раз опаснее тигра», - вспомнилась восточная поговорка.

* * *

Прямо из моего кабинета Фёдоров побежал в дом приёмов «ЛогоВАЗа» - к своему новому другу Березовскому. Поведал Борису Абрамовичу о «государственном рэкете», о том, что его прижали к стенке. Просил помощи и советов. Березовский мгновенно оценил всю пикантность ситуации.

Судьба сама давала ему в руки козырные карты. Вскоре Березовский при помощи Фёдорова и «писателя» Юмашева, будущего руководителя администрации президента, устроил концерт для одного особо важного зрителя - для дочери президента Татьяны Борисовны Дьяченко.

Эти ребята давно уже обхаживали семью Ельцина, пытались втереться в доверие. Но полной власти ещё не имели. На пути необъятной глыбой стоял Коржаков. Во что бы то ни стало им надо было опорочить Александра Васильевича в глазах семьи.

И тут такой подарок судьбы! Фёдоров исполнил свою роль блестяще. Татьяне Борисовне была нарисована жуткая картина: Коржаков, Барсуков и Тарпищев хотят его (Фёдорова) убить, они

вымогают у него деньги, к нему специально приставили бандита, с бандитами эта троица связана прочно и неразрывно. Назывались клички, имена, суммы.

Березовский проявил себя неплохим режиссёром. Время от времени он задавал наводящие вопросы, подводил Фёдорова к нужной мысли. Не стань Борис Абрамович бизнесменом и проходимцем, из него получился бы неплохой театральный деятель.

Впоследствии стенограмма этой беседы была опубликована в «Новой газете». Статья называлась «Фавориты» и наделала немало шума. Но это произошло лишь в июле, когда Коржаков и Барсуков были уже уволены.

Пока же, весной, всё было по-другому. О существовании такой аудиозаписи мы узнали уже на следующий день. Березовский, весь в мыле, прибежал к Барсукову и трясущимися руками отдал Михаилу Ивановичу кассету с записью. Борис Абрамович, видимо, сам испугался того, что сотворил. Он сказал, что к этой провокации никакого отношения не имеет, что его подставили Фёдоров и Юмашев. Понять бизнесмена несложно: он ни секунды не сомневался, что нам тут же станет известно о разыгранном спектакле.

Правда, мы не предполагали, что Березовский решит когда-либо воспользоваться записью, - настолько абсурдные обвинения выдвигал Фёдоров: они выглядели как бред больного, напуганного человека. Коржаков даже встретился с Юмашевым.

- Валентин, - спросил он, - ты что творишь? Я же считал тебя своим другом...

- Саша, я не предатель, я тебе предан, - заскулил Юмашев.

- Мы просто хотели послушать Фёдорова. Не подумай ничего плохого. Ради нашей дружбы я готов отречься от них в любой момент.

Слёзы покатились градом. Он начал их размазывать по лицу ручонками с грязными ногтями.

- Как же ты отречёшься? Они ведь твои подельники.

В ответ только - глухие рыдания.

Кстати, на языке закона подобное «слушание» называется проведением оперативных мероприятий с использованием спецтехники. Следует отметить, что никто Березовскому право записывать и подслушивать людей (тем более дочь президента) не давал...

Визит Фёдорова в «ЛогоВАЗ» был последней каплей,

переполнившей чашу нашего терпения. Вопрос заключался лишь в одном: кто станет новым президентом НФС. Для того чтобы не допустить появления очередного комбинатора, Тарпищев с Коржаковым решили назначить главой фонда человека проверенного. В идеале - сотрудника СБП.

Перебрали массу кандидатур. Сначала остановили свой выбор на полковнике из моего отдела, бывшем работнике милиции, впоследствии сотруднике КГБ, профессиональном спортсмене, самбисте. К сожалению, служил он на должности консультанта отдела. По негласной табели о рангах это было бы некрасиво - ставить консультанта президентом НФС. Как минимум нужен был начальник отдела. Совершенно неожиданно Коржаков сделал предложение... мне.

- Сейчас самое время безболезненно влезть в НФС и получить доступ к материалам безо всяких оперативных комбинаций, - сказал он. - Станешь президентом на общественных началах, через открытую дверь войдёшь внутрь всех афёр, которые проводятся на уровне правительства.

Конечно, определённые сомнения у меня были. Во-первых, я не привык «светиться», а должность президента НФС - публичная. Во-вторых, я опер, а не спортсмен, хотя спорт люблю с детства. Но делать нечего. Пришлось соглашаться.

Информировать Фёдорова о готовящейся замене мы не спешили, полагая, что он и так услышит об этом; о предстоящем назначении знало достаточное число людей, так что утечки избежать было невозможно.

Тарпищев решил, что Совет попечителей НФС следует провести в 20-х числах мая. Но события развивались куда стремительнее, чем мы могли предположить.

* * *

Поздно вечером 20 мая Фёдоров был задержан сотрудниками милиции в районе подмосковного Новогорска. Под сиденьем его машины омоновцы, проводившие рейд, обнаружили пакетик с кокаином. Экспертиза показала, что в крови и моче Фёдорова присутствуют наркотические вещества.

Задержание Фёдорова вызвало немало пересудов. Позже, когда он выступил с обвинениями в адрес Коржакова и меня, многие журналисты высказывали предположения, что наркотики Фёдорову подбросили люди СБП. Ерунда. Для нас самих задержание президента НФС стало полной неожиданностью (хотя, конечно, мы знали о том, что Фёдоров балуется наркотиками).

Но отчасти мы были даже рады такому развитию событий. У нас появилась возможность без лишних объяснений переизбрать президента НФС. Тарпищев спешно прервал свой визит в Германию. О том, что Фёдоров находится в СИЗО, он узнал по радио.

22 мая в «Президент-Отеле» состоялось заседание Совета попечителей фонда. Тарпищев выступил перед Советом, сказал, что за развал работы и в связи с арестом рекомендовал бы снять Фёдорова и назначить вместо него Стрелецкого. Никаких возражений предложение его не вызвало. Немного пошумел лишь президент Олимпийского комитета РФ Смирнов.

- Как так! Сегодня мы примем решение, а завтра Фёдорова отпустят!

- Подожди, - возмутился Тарпищев. - Ты что, не знаешь, что творится? Что денег на Олимпиаду у нас нет?

- Да знаю, знаю. Просто мне не нравится такая обстановка...

В-общем, хотелось вставить ему своё веское слово.

В итоге Совет из пяти человек - собственно сам Тарпищев, Н. Н. Озеров, В. Г. Смирнов, В. В. Балахничев, А. И. Тихонов единогласно поддержал предложение Тарпищева. На следующий день, 23 мая, я был утверждён в должности на совещании президентов федераций спорта. Мне поручили провести полный аудит фонда.

* * *

Не могу не сделать лирического отступления. В мае 1973 г. я, солдат срочной службы, получил увольнительную и пришёл в «Лужники» на отборочный матч чемпионата Европы по футболу. Играли сборные СССР и Ирландии. В те времена к солдатам отношение было другое. Пропустили меня на стадион бесплатно и даже провели в сектор, который располагается прямо под правительственной трибуной.

Представьте мои чувства! Никогда раньше я не видел таких огромных стадионов - только маленькие, провинциальные. Здесь же - стотысячная трибуна, сочно-зелёное поле, махина «Лужников». И в довершение - рядом сидят легенды футбола: Яшин, Рудаков, Лобановский, Николай Николаевич Озеров. Глаза разбегаются. Я схватил программку, бросился к «звёздам».

- Дайте, пожалуйста, автограф.

Мастера улыбнулись, но солдату не отказали. Только Озеров с улыбкой промолвил:

- Но я-то не футболист.

Футболист - не футболист, но для меня Николай Николаевич был и остаётся признанным кумиром. Футбол - это не только игроки. Без хорошего тренера и отличного комментатора футбол - не футбол. Программку с росписями легендарных игроков и Озерова я храню до сих пор.

Думал ли тогда я, зелёный пацан, что пройдёт каких-то 23 года и тот же Озеров вновь поставит свой автограф? Только на этот раз под решением попечительского совета о назначении меня президентом Национального фонда спорта.

* * *

Вскоре после вступления в должность я поехал на Лубянку, к Барсукову. Михаил Иванович дал мне напутствие:

- Твоя главная задача - провести проверку НФС с начала 1992 г. Пусть ФСБ, ФСНП, МВД копают своё. Ты разберись в этом. А потом сядем все вместе и решим, как нам действовать.

Барсуков подошёл к огромному сейфу, вытащил одну из справок.

- Имей в виду: я уже пытался докладывать президенту о проблемах в НФС, хотел получить «добро» на то, чтобы влезть туда, но он дал мне отлуп.

Я внимательно прочитал справку. Составлена она была очень грамотно. Доходчиво объяснялась необходимость установления контроля за НФС. В справке говорилось, что фонд нанёс государству урон в миллиард восемьсот миллионов долларов. В углу стояла резолюция президента. Более короткой резолюции видеть мне не приходилось и уже, наверное, не придётся.

Рукой Ельцина было начертано только одно слова:

«Поже».

Именно так - не «позже», а «поже».

Видимо, Борис Николаевич опасался, что скандал с НФС может негативно сказаться на его предвыборной кампании.

- Михал Иваныч, - спросил я, - есть ли в таком случае смысл надеяться, что мы сможем выйти на уровень правительства, копнуть под ребят из «Белого дома»?

- Надейся, - был ответ. - Ничего другого нам все равно не остаётся...

Государственный рэкет-3

В конце мая я приступил к исполнению обязанностей президента НФС. Чувства, которые охватили меня при ближайшем столкновении с делами фонда, были сродни ощущениям человека, попавшего в лабиринт: всё было чертовски запутано и непонятно.

Скажем, НФС фактически владел банком «Национальный кредит» и концерном «Олби». Юридически же их отношения никак не были закреплены, хотя Фёдоров и принял на себя финансовые обязательства НК. Неясно было, почему очень большие суммы уходили из НФС на какие-то туманные кредиты. А суммы, надо заметить, не детские - 5,10 миллионов долларов.

Только при более детальном изучении я убедился, что деньги шли в фирмы, которые возглавляли друзья Фёдорова. Вокруг НФС действовало примерно 80 коммерческих структур. По документам большинство из них никак с фондом не были связаны. Иными словами, в любой момент эти фирмы, где у руля стояли личные друзья Фёдорова, могли сказать: «До свидания». И всё. Как потом докажешь, что они выросли на государственных деньгах?

Ещё одна закавыка - проект «Самородинки». Под строительство жилищно-оздоровительного комплекса на проспекте Вернадского Минфин выделил НК 45 миллионов долларов. Однако дальнейшие следы этих денег обнаружить никто не мог. Они растаяли как утренний туман.

Специально, чтобы понять суть афёры с «Самородинками», я пригласил на беседу Фёдорова. К тому моменту его уже выпустили на свободу под подписку о невыезде. Должен признаться - я надеялся на фёдоровскую откровенность. Моя надежда подогревалась тем, что Фёдоров пошёл-таки на контакт с чекистами, которые раскручивали дело по векселям «Сбербанка», начал давать честные показания. На Лубянке появилась даже мысль использовать его на процессе как свидетеля. Увы. Видимо, в мозгах моего предшественника плотно засела мысль, что Стрелецкий - виновник всех его бед и несчастий.

- Где деньги? - спросил я. Он молчит. Не говорит ни слова. Никакие уговоры, что так или иначе мы узнаем всё, что нам нужно, что откровенность - в его же интересах, не помогали.

Поиграв в молчанку, Фёдоров пустился в пространные объяснения. Дескать, вы, Валерий Андреич, ни хрена в бизнесе не понимаете. Деньги есть, просто надо внимательнее изучить документы.

«Этот нам не помощник», - окончательно понял я. Лишь одно радовало меня: раз он согласился на сотрудничество с ФСБ, его показаний будет достаточно для того, чтобы направить материал в прокуратуру. Хотя бы по векселям «Сбербанка» и НК. Главное начать, а там уже покатится дальше.

Бывший президент НФС выглядел не лучшим образом. Пребывание в СИЗО и отставка окончательно подкосили его. Огонь в глазах потух. А осознание того, что СБП, ФСБ, МВД, ФСНП под него «копают», и вовсе убивало Фёдорова.

Мы действительно не сидели сложа руки. Усиленно искали концы, анализировали кипы документов, разбирались в запутанных делах НФС. Как ни странно, скандал в печати вокруг задержания и отстранения Фёдорова практически затих. У журналистов появились более серьёзные темы. Интерес к Фёдорову, однако, возобновился очень скоро. Вечером 9 июня, когда он возвращался из ресторана вместе со студенткой МГУ, в Мерзляковском переулке неизвестный киллер выстрелил Фёдорову в живот из пистолета «Люгер». Вторую пулю в стволе заклинило, и тогда преступник нанёс жертве восемь ударов ножом, после чего благополучно скрылся. В тяжелейшем состоянии Фёдоров был доставлен в больницу

* * *

О том, что на Фёдорова было произведено покушение, я узнал только утром 10 июня. Произошло это при довольно примечательных обстоятельствах. В 9 часов я пришёл к директору Федеральной службы Налоговой полиции РФ С. Н. Алмазову. Нам надо было обсудить ряд рабочих вопросов.

- Что с Фёдоровым? - первым делом спросил у меня Алмазов.

Я не понял. Удивлённо посмотрел на главного налогового полицейского страны.

- Валерий Андреич, вы разве не знаете? Его же чуть не убили…

В глазах Алмазова отчётливо читалось недоверие. Он, кадровый чекист, не мог поверить, что мне ничего неизвестно о случившемся.

Впоследствии стрельбу и поножовщину пытались приписать нам многие журналисты. Разумеется, полунамёками, туманными, но прозрачными аллегориями. Я долго думал, кто же мог организовать покушение на Фёдорова. У следствия, правда, есть несколько версий, но поделюсь своими.

Будучи президентом НФС, Фёдоров замыкал все денежные схемы на себя. Недаром он любил говаривать, перефразируя знаменитое изречение Людовика XIV: «НФС - это я». Разобраться во

всём без него было и впрямь невозможно: своих секретов он никому не доверял, строгой отчётности не вёл.

Его смерти вполне могли желать те, кто боялся, что рано или поздно язык у экс-президента развяжется и он расскажет спецслужбам правду о махинациях и афёрах, засветит своих подельников, в том числе и очень высокопоставленных. Нет Фёдорова - нет и опасности.

Кстати, мало кому известно, что Фёдорову делали уже соответствующее предупреждение. В марте 1996 г. преступники обстреляли из винтовки окна квартиры председателя Центробанка Сергея Дубинина в Проточном переулке. Проделали дырку в стекле.

Но в Дубинина ли целились стрелки? Соседом банкира по лестничной площадке был не кто иной, как Фёдоров. Их окна граничили. И где гарантия, что снайперы просто не перепутали мишени?

Не исключаю, впрочем, что заказчики преступления преследовали совсем иные цели. Гибель Фёдорова однозначно связали бы с СБП, Коржаковым, Тарпищевым, что, в принципе, и произошло. Недругов у нас хватало. В методах борьбы они особо не церемонились.

Убить человека во имя «высокой» цели им - раз плюнуть. В любом случае Фёдорову пришлось не сладко. Отлежавшись и едва встав на ноги, он тут же уехал за рубеж. От греха подальше.

* * *

В каждодневных заботах прошёл месяц. Честно говоря, я просто разрывался на части. С одной стороны, приходилось заниматься предвыборным штабом, с другой - НФСом. Но тут грянули отставки Коржакова, Барсукова, Сосковца.

Под давлением обстоятельств, о которых уже упоминалось, я был вынужден полностью переключиться на работу в фонде. Окончательно переехал в кабинет на Кадашевской набережной. В НФС пришлось мне тяжко. Я долго не мог понять, что же здесь происходит. Откровенничать со мной никто не хотел. Воспринимали как чужака, варяга. Правда, и никаких трений с сотрудниками не возникало. Я сразу же объявил, что не буду махать метлой, увольнять налево и направо.

Конечно, сделать удалось немного. Для того чтобы структура заработала по-новому и самостоятельно, создал институт исполнительных директоров. Попытался закрепить фирмы-сателлиты в правовом отношении, чтобы НФС стал как минимум их учредителем. Продолжал сбор материалов по хищениям.

Ещё более плотно занялся афёрой с «Самородинками». Все следы этого дела тянулись к «злому гению» Вавилову - первому зам. министра финансов. Именно он распорядился выделить деньги под проект. «Была не была», - решил я. Пошёл прямо к Вавилову.

- Как вы, наверное, знаете, Андрей Петрович, - издалека начал я, - уже месяц с лишним я являюсь президентом НФС. Пытаюсь сейчас разобраться в том, что происходит. Я знаю о том, что Минфин должен НФС определённую сумму денег. а деньги нам очень нужны. Хотелось бы решить этот вопрос.

Побыв на оперативной работе, я стал немного психологом и физиономистом. Могу читать по лицам. Но Вавилов был орешком непростым. Он, не отрываясь, смотрел на меня из-под очков. Лицо его не выражало абсолютно никаких эмоций. Тень беспокойства промелькнула только тогда, когда я заговорил о «Самородинках». Мне сразу стало ясно, что без Вавилова здесь не обошлось. Выслушав меня, зам. министра промолвил:

- Понадобится очень много времени, чтобы во всём разобраться. Что же касается долгов, имейте в виду: денег в министерстве нет и в ближайшее время не появится. Но я готов обсудить возможные финансовые схемы выхода из ситуации. Может быть, проведём взаимозачёты?

Через несколько дней я пришёл к Вавилову вместе с финансистами фонда. Но ничего конкретного он не предложил. На том и расстались...

* * *

Постепенно тучи сгущались. Мои попытки докопаться до истины наталкивались на плотную стену сопротивления и саботажа. Помогать разваленной Службе никто не стремился. Мы сели с Коржаковым, стали обсуждать планы дальнейшей жизни. В итоге он сказал:

-- Что ж, те задачи, которые мы ставили, выполнить сейчас невозможно. ОНИ победили...

- Значит, сдаёмся?

- Не сдаёмся, а отступаем. Кутузов тоже сдал Москву французам. Однако через год казаки атамана Платова вошли в Париж...

Шеф, как всегда, оказался прав. Я углубился в работу президента НФС. А тем временем известные нам режиссёры-постановщики начали разворачивать беспрецедентное шоу, цель которого заключалась в одном: не дать Коржакову вернуться в

Кремль, смешать его с грязью. На сцену вновь был вытащен Фёдоров.

9 июля в «Новой газете» появилась стенограмма его откровений в доме приёмов «ЛогоВАЗа». Дьяченко была названа в статье «женщиной», Юмашев - «журналистом», Березовский «предпринимателем». 27 июля эстафету перехватила «Комсомольская правда». Под заголовком «Борис Фёдоров в ожидании второй пули» газета напечатала интервью с «разоблачителем преступных замыслов Коржакова - Барсукова».

Правда, частично от публикации в «Новой газете» Фёдоров открестился. «Меня использовали», - признался он.

И дальше: «Коржаков - человек порядочный»; «Я не буду свидетельствовать против Коржакова и Барсукова»; «Ни в коем случае не могу сказать, что господа Коржаков и Барсуков коррумпированы».

Неожиданно Фёдоров накинулся на меня.

«Сейчас все опять будет разрушено. Кто это всё будет делать вместо меня - Стрелецкий? Кто он? Полковник МУРа? Что он умеет - в финансах, в банковском деле?» Но особое внимание уделил моей скромной персоне Фёдоров в октябре, когда выступил с «сенсационным» заявлением по каналу НТВ. Он поведал, как я вымогал у него деньги. В его интерпретации говорил я следующее:

«Вы должны понимать, что мы государственный рэкет, что вы сейчас пытаетесь остановить тот стальной каток государственной машины, который катится на вас. Эта машина запущена в лице Налоговой полиции, МВД, ФСБ и т. д. Она по вам проедет, если сегодня (я повторяю, это было 4 часа, пятница) у меня в кабинете не будет 10 миллионов долларов или 30 миллионов долларов не будут переведены на тот счёт, который я укажу».

Я, дескать, отвечаю: «У меня нет таких денег. И потом, давайте я позвоню в банк и наберу вам 10 миллионов рублей по 100 рублей. Это 12 чемоданов». - «Если вы не выполните это условие, то разговора не получится».

Фёдоров сообщил, что направил заявление генпрокурору Скуратову с требованием возбудить уголовное дело за вымогательство против Коржакова и меня.

Показали откровения Фёдорова и по ОРТ. Заказчики скандала даже не пытались замаскироваться - НТВ владеет Гусинский, ОРТ - Березовский. Их верные рупоры (соответственно) - Киселёв и Доренко. И Гусинский и Березовский - признанные мастера интриг.

Сейчас, когда Борис Абрамович не поладил с Чубайсом, он обрушил всю мощь своей пропагандистской машины на голову бывшего подельника. При этом Березовский продолжает оставаться в тени, просматривается только людьми, сведущими во всей этой перипетии политических игр. На виду - всё тот же Доренко. Как же, теперь он «надежда и опора» всех обманутых Чубайсом россиян.

Хотя прошло совсем мало времени с того дня, когда он и Киселев взахлёб рассказывали всему миру, какие по западному образованные люди «молодые реформаторы».

Но вернёмся к нашим баранам. Обратите внимание: Фёдоров все время говорит разные вещи. Сначала катит бочку на Коржакова и Барсукова, затем утверждает, что Коржаков и Барсуков - порядочные люди. После опять прёт на них, как танк. Странно и то, что в стенограмме из дома приёмов «ЛогоВАЗа» моё имя не прозвучало ни разу. Хотя, казалось бы, под впечатлением такой вопиющей сцены - я же вымогал у него 40 миллионов - он не мог об этом не упомянуть.

Режиссёры шоу так торопились, что даже не подумали о мелочах. Всё равно в общей шумихе никто не обратит внимания.

На следующий после эфира НТВ день я написал заявление в генпрокуратуру с требованием привлечь Фёдорова к уголовной ответственности за клевету. Заявление было принято к рассмотрению...

* * *

Ещё когда в «Новой газете» появилась статья, я сказал Коржакову:

- Александр Васильевич, почему мы должны молчать? Нам надо как-то ответить, иначе они втопчут нас в грязь.

- Любое моё высказывание будет расценено как выпад против президента. А вот ты - дело другое.

Хоть я и не люблю общаться с прессой, делать нечего. Пришлось давать интервью. Беседовали со мной корреспонденты трёх изданий - «Известий», «Профиля» и «Коммерсанта-Дейли». Я рассказал в общих чертах, что заставило нас взяться за НФС. Объяснил, кто такой Фёдоров. Материал, однако, вышел только в «Профиле».

Голембиовский, главный редактор «Известий», так изрезал интервью, выкинул из него столько важных моментов, что я отказался от публикации. Корреспондент «Коммерсанта» объяснил молчание другим: дескать, раз выступает «Профиль», нам выходить уже ни к чему.

Надо отдать должное журналисту «Профиля» Владу Вдовину. Он не извратил ни единого моего слова. Результат налицо. Интервью очень сильно задело Черномырдина. В резкой форме он потребовал от Крапивина, чтобы я был немедленно уволен. Крапивин дал соответствующее распоряжение...

- Так и так, - печально сообщил начальник отдела кадров СБП В. И. Медынцев. - Поступило указание тебя уволить.

- Давай я напишу рапорт на отпуск. А там посмотрим.

- Пиши...

Одновременно я подал в Совет попечителей заявление с просьбой освободить меня от исполнения обязанностей президента НФС по собственному желанию. Моё пребывание в НФС стало обузой для самого фонда. «Пока у вас Стрелецкий, нормально сотрудничать с вами не будем» - эти слова сотрудники НФС слышали все чаще и чаще. Как только я перестал быть президентом, то почувствовал неимоверное облегчение. Как будто гора упала с плеч. Плюнул на всё и уехал в отпуск. Вернулся в Москву только через месяц. Тут же меня разыскали кадровики.

- Валерий Андреич, дана команда, чтобы вы написали рапорт.

- Но это же не серьёзно. А если я не хочу уходить? А если я хочу перейти в другое ведомство?

На самом деле я уже укрепился в мысли, что с СБП пора завязывать. Нормально работать мне всё равно не дали бы. Паркетный Крапивин - не Коржаков. Да и в других службах ситуация не лучше. К тому же начал формироваться предвыборный штаб Коржакова. Я хотел потрудиться там.

Короче, написал я в итоге долгожданный рапорт. Представляю, сколько людей вздохнуло с облегчением, когда 17 сентября я был уволен в запас.

Но хотя погоны носить я и прекратил, менее опасным для этих красавцев не стал. В некоторых изданиях начали появляться мои интервью, где я подробно рассказывал о том, что творилось в «Белом доме» и Кремле. Огласки они боятся сильнее, чем закона.

Правда действует на них устрашающе. Закон всегда можно подмять под себя. А вот с правдой так не поступишь. В мешок не запихнёшь...

Я убеждён, что вся правда о проделках Вавилова, Фёдорова, Чубайса рано или поздно станет известна обществу.

Последняя ночь-1

В 2 часа ночи 20 июня 1996 г. канал НТВ неожиданно прервал трансляцию передачи «Кафе обломов». На экране возникла всклокоченная голова телеведущего Евгения Киселёва.

«Страна на грани политической катастрофы», - загробным голосом изрекла голова. Прозвучали и имена «вероятных организаторов переворота» - Коржаков, Барсуков.

Спустя пару часов грозный секретарь Совета безопасности Александр Иванович Лебедь заявил спешно собравшимся телерепортёрам: любой мятеж будет подавлен, и подавлен очень жестоко.

Что за мятеж? Какой мятеж? Никто из зрителей этого не понял. Но то, что в стране происходит что-то важное и историческое, было ясно всем...

* * *

У американского писателя-фантаста Р. Брэдбери есть рассказ о том, как один человек отправился в прошлое и случайно раздавил бабочку. Когда он вернулся назад, в Америке уже царила диктатура. Сколько таких раздавленных бабочек было в нашей истории, из-за которых все дальнейшие события становились непредсказуемыми?

Что было бы, если в декабре 41-го не грянули жуткие морозы? Что было бы, если Керенский подписал всего один декрет - о прекращении войны? Что было бы, если бы террорист Богров не застрелил Столыпина? Что было бы, если в ту ночь мы довели начатое дело до конца? Сегодня кабинеты и коридоры Кремля и «Белого дома» не наполнились бы людьми с двойным гражданством, тёмным прошлом к очевидными корыстными замыслами.

История не терпит сослагательного наклонения Произошло то, что произошло. Ничего не попишешь. Наверняка знаю лишь одно: ночь с 19 на 20 июня стала для России переломной.

* * *

Я много раз читал в газетах и журналах, слышал с телеэкрана о том, что победа Ельцина на президентских выборах стала возможной лишь благодаря хорошей работе предвыборного штаба. А штаб был создан прекрасным организатором западного типа Чубайсом.

На самом деле это полная ерунда. Чубайс, Филатов и прочие появились только к самому разделу пирога, когда система вовсю уже работала. Были продуманы и отлажены схемы, как найти

деньги, как организовать рекламную кампанию. Даже привлечь артистов в рамках тура «Голосуй или проиграешь» предложили не Чубайс с Лисовским, а Олег Николаевич Сосковец.

Прийти на всё готовое, включить работающую машину мог даже дурак. А кем-кем, но дураками эти ребята никогда не были. Недаром они сумели так мастерски прикарманить десятки, а то и сотни миллионов долларов из предвыборных средств.

То, что в штабе по выборам Ельцина станут воровать, для нас было ясно с того самого момента, когда от руководства компании отстранили Сосковца. Неконтролируемые суммы с большими нулями, обстановка строжайшей секретности, отсутствие финансовой отчётности - мимо такой шикарной возможности проходимцы от власти просто не могли пройти. В их моральных качествах сомневаться не приходилось. Скажем, «казначеем» штаба назначили первого заместителя министра финансов РФ Германа Кузнецова. Фигура крайне одиозная.

Раньше Кузнецов был вице-президентом Киргизии. Потом его втихую отправили в отставку. Говорят, при упоминании имени бывшего вице у Акаева до сих пор дёргается щека.

Коржаков неоднократно предупреждал руководство штаба, что от этого человека следует держаться подальше, что он нечистоплотен, нечист на руку. Поручать ему казну - всё равно что пускать козла в огород с капустой. Не послушали...

Наши опасения подтвердились очень скоро. Уже в апреле 1996 г. из источников в ближайшем окружении Кузнецова и Чубайса к нам стали поступать сигналы о том, что деньги, отпущенные на выборы, разворовываются. Схема предельно проста: по фиктивным документам их переводят за рубеж на счета конкретных фирм, затем распыляют по своим, личным счетам.

Так началась последняя операция Службы.

* * *

Никогда не забуду, как я пришёл к Коржакову, чтобы наметить план дальнейших действий. В кабинете шефа пробыл я примерно час. Беспрерывно звонил телефон, Александр Васильевич то и дело отвлекался.

Неожиданно он спохватился:

- Слушай, давай быстрее заканчивать. В приёмной - дочь президента. Ещё расскажет отцу, что я её час под дверью держу.

Татьяна Борисовна Дьяченко сидела на диване в фривольной позе. Увидев меня, она встала, прищурила глазки и с ехидной

улыбочкой пропела:

- Ничего себе. Ну вы и работаете...

Отвечать Татьяне я не стал. Спорить с дочерью президента в Кремле не принято. Подумал только: «Знала бы ты, чем мы сейчас занимаемся, заговорила бы по-иному».

* * *

Её отец, впрочем, был в курсе всего происходящего. 10 июня, когда собранных материалов накопилось вполне достаточно, чтобы утверждать: воровство в штабе налажено и идёт полным ходом, Коржаков отправился к президенту. Доложил ему обстановку, попросил дать возможность ознакомиться с финансовой отчётностью активистов. Выяснить, насколько велики аппетиты у этих парней.

«В. С. Черномырдину, А. П. Смоленскому. Передать всё» - такую резолюцию поставил Ельцин.

- Проверяйте, потом доложите, - распорядился он.

С этой минуты вся наша дальнейшая работа приобрела иное качество. Отныне, как мы наивно полагали, никто не мог упрекнуть СБП в том, что мы пытаемся сорвать выборы, совать палки в колёса Чубайсу. «Добро» президента было получено. Мы выполняли его волю.

Поздно вечером 18 июня начальник СБП подписал постановление о проведении спецмероприятий в кабинете Кузнецова в «Белом доме». Именно там, по нашей информации, штаб держал свой «общак». И точно. Вскрыв сейф в кабинете №2-17, мои сотрудники обалдели. Внутри, в новеньких банковских целлофановых упаковках лежало 1,5 миллиона долларов наличными. Рядом документы, которые окончательно убеждали: хищения в штабе не миф, а самая что ни на есть настоящая реальность. Заготовки счетов для перевода предвыборных средств в банки на Багамские острова и в прибалтийские филиалы американских банков. Каждый - на 5 миллионов долларов. Как явствовало из бумаг, деньги перечислялись за якобы полиграфические и рекламные услуги. Это явная фикция - нигде в мире нет столь высоких цен.

В сейфе хранилось пять таких счетов. По номерам можно было понять, что заполняли их один за другим - 19, 20, 21, 22, 23. Но если есть счёт номер 19, значит, есть и номер 18. И так далее.

Нехитрое математическое действие: умножаем 23 на 5 миллионов долларов. Получаем 115 миллионов. Как минимум

столько денег активисты сумели перегнать за кордон. Плательщики - банки «Российский кредит», «Альфа», «Менатеп», «Онэксим-банк» - спонсоры предвыборной кампании. Нашли мы и документы, показывающие истинные расходы штаба. Например, 23 мая на всё про всё было истрачено более 300 миллионов долларов.

Факт хищений был налицо. Но одна наша убеждённость погоды не делала. Следовало провести строжайшую проверку, однако в рамках оперативной работы сделать это невозможно.

Безвыходных ситуаций не бывает. Найденные документы, стопки долларовых банкнот - всё это давало основания для возбуждения уголовного дела по статье 162-7 УК РСФСР (нарушение правил о валютных операциях). Кому, куда уходили деньги? На эти вопросы ответило бы следствие. Торопливость уместна при ловле блох. Мы решили не суетиться а подождать, пока кто-либо из активистов не придёт за деньгами из сейфа. Задержание «ходока» с поличным - лучшее доказательство и подтверждение нашей правоты.

В кабинете Кузнецова была установлена спецтехника. Этажом выше постоянно дежурили «слухачи». Зайти в кабинет незамеченным никто не мог. Сеть мы расставили. Осталось только, чтобы рыба заглотила наживку.

Ждать пришлось недолго...

* * *

Уже впоследствии выяснилось, что одними «рекламными и полиграфическими услугами» дело не ограничивалось. Активисты, используя привлечённые для выборов банки, неплохо поживились и в других сферах.

В марте 1996 г. фонд «Гражданское общество», который возглавлял верный чубайсовский соратник, его бывший пресссекретарь Аркадий Евстафьев, получил беспроцентный 14-миллиардный кредит в «Столичном банке сбережений». Кредит был дан на «развитие институтов гражданского общества».

По закону целевые кредиты «разбивать» запрещено. Но для Евстафьева и Чубайса законы не писаны. Буквально через несколько дней они переоформили на себя кредит; в качестве ссуд вложили деньги в ценные бумаги, умело играя на фондовых торгах (благо, правила игры составляли они сами), приумножили свои состояния.

Одних налогов Чубайс заплатил 517,2 миллиона рублей.

С точки зрения уголовного права их действия можно квалифицировать как хищения. Однако прокуратура доказать

ничего не смогла. Или не захотела.

- Кто смел, тот и съел. Осталось лишь только развести руками, - признался в интервью журналу «Огонёк» руководитель следственной группы генпрокуратуры Г. Т. Чуглазов.

Безнаказанность порождает новые преступления. Именно тем же методом «недоказуемости» молодые реформаторы воспользовались годом спустя, когда получили огромные по всем разумным меркам гонорары за ненаписанные книги. Законы, слава богу, они знают назубок.

Когда сотрудники следственной бригады пришли в офис к Евстафьеву, чтобы изъять все необходимые документы, бывший пресс-секретарь пулей выскочил в соседнюю комнату. Позвонил кому-то по вертушке. Вернулся радостный и просветлённый.

- Не жилец ваш Анатолий Васильевич, - приветливо сказал он чекистам.

Через несколько дней начальник московского управления ФСБ Анатолий Васильевич Трофимов. был отстранён от должности под смехотворно незначительным предлогом...

* * *

19 июня 1996 г., в 17 часов 20 минут, при выходе из КПП № 2 «Белого дома» сотрудники милиции задержали двух активистов - заместителя генерального директора ОРТ Евстафьева, бывшего пресс-секретаря Чубайса, и гендиректора «ОРТ-Реклама» Лисовского. В руках у Лисовского была картонная коробка из-под ксероксной бумаги, перевязанная белым шпагатом.

Сотрудники охраны попросили предъявить пропуск на вынос материального имущества. Пропуска не оказалось. Тогда в присутствии понятых коробка была вскрыта. В ней находилось 50 запаянных в полиэтилен банковских упаковок. Всего - на общую сумму 500 тысяч долларов США.

Евстафьев пытался разрулить ситуацию, козырял правительственным удостоверением. Но всё было напрасно. Он не предполагал, что встреча на КПП была одним из звеньев нашей операции.

О том, что в кабинет Кузнецова №2-17 зашли долгожданные посетители, я узнал, когда возвращался из Кремля в «Белый дом». Мой заместитель позвонил мне прямо в машину. Не теряя ни секунды, я помчался на Краснопресненскую набережную.

Из своего кабинета набрал номер прямой связи с Коржаковым - доложил о случившемся.

Приступайте к документированию - раздалось в ответ, - а я свяжусь с Барсуковым.

* * *

Прежде чем перейти к описанию дальнейших событий, скажу два слова о задержанных. С Евстафьевым вы уже познакомились. Представления этого человека о морали и порядочности явно расходились с общепризнанными. Под стать ему и Лисовский, организатор акции «Голосуй или проиграешь». Бывший комсомольский работник Лисовский давно уже вызывал самые серьёзные опасения СБП. Всюду, где он появлялся, начинали греметь выстрелы, лилась кровь.

Лисовский был основным подозреваемым в деле об убийстве Владислава Листьева. Его имя неоднократно упоминалось в связи с расстрелом певца Игоря Талькова. Разрабатывался он как возможный заказчик убийства продюсера группы «Комбинация», бывшего сотрудника саратовского БХСС Александра Шишинина. (За неделю до смерти Шишинин сказал своему другу: «Если меня убьют - знай, это дело рук Лисовского».) Обладатель такой своеобразной биографии тем не менее пытался втереться в доверие к членам семьи президента. Коржакову даже пришлось познакомить Татьяну Дьяченко с материалами на Лисовского и других активистов.

- Вот ты дружишь с Лисовским, - сказал он ей. - Что это за человек? Он по нескольким уголовным делам проходит то как подозреваемый, то как свидетель. Французские спецслужбы уверяют: он связан с криминальным миром, итальянской мафией, что он вывез из России во Францию колоссальные деньги, которые там «отмыл».

Говорил шеф и о том, что, зная о дружбе Лисовского с дочерью президента, те же французские спецслужбы могут использовать её «втёмную». Всё напрасно, она ничего и слушать не хотела.

Если бы я возглавлял предвыборный штаб, то не доверил бы ни Лисовскому, ни Евстафьеву ни копейки.

Происшествие на КПП № 2 было вполне прогнозируемым...

Последняя ночь-2

Как я уже упоминал, в ночь на 19 июня в апартаментах Кузнецова мы установили спецтехнику; проще говоря, прослушивающее устройство.

Беседа между Лисовским, Евстафьевым и третьим посетителем кабинета №2-17 - начальником отдела Национального резервного банка Лавровым была записана нами от первого и до последнего слова. Мы заранее знали, что активисты понесут валюту через КПП № 2. Знали и о том, что часть денег осталась в кабинете. Никакие уловки Лисовскому с Евстафьевым помочь уже не могли.

Однако они всеми правдами и неправдами пытались вывернуться. Евстафьев, например, утверждал, что приехал в «Белый дом» за информацией от заведующих секретариатами вице-премьеров о ходе предвыборной кампании. А Лисовского случайно встретил на первом этаже. Лисовский в свою очередь говорил, что явился в Дом правительства по просьбе Евстафьева. Зам. генерального ОРТ просил якобы подвести счета за серию концертов «Голосуй или проиграешь» и забрать материалы по второму туру.

Самым честным оказался банкир Лавров - человек, случайно втянутый в тёмные дела «реформаторов». Когда сотрудники отдела «П» вошли в кабинет №2-17, где сидел Лавров и спросили, что находится у него в дипломате, тот откровенно признался: доллары. В кейсе лежало 38 тысяч 850 «зелёных».

- Деньги не мои, - сразу же начал оправдываться Лавров. Я взял их в Минфине по указанию Кузнецова.

Из рассказа Лаврова выходило следующее: утром 19 июня он встретился с Кузнецовым у здания Министерства финансов. Зам. министра велел банкиру взять в сейфе зам. начальника Департамента иностранных кредитов и внешнего долга Минфина Дмитриева валюту - всего 538 тысяч 500 долларов. Ключи от кабинета и сейфа Лаврову передала кузнецовская секретарша. (Заметьте, как все просто! В таком серьёзном ведомстве, где пекутся о государственной казне, кабинеты начальников среднего звена битком набиты долларами. Никаких тебе расписок, счетов, чеков.)

Лавров добросовестно исполнил распоряжение. Он привёз деньги в «Белый дом», упаковал полмиллиона в коробку и стал ждать получателя. В 17 часов в кабинет №2-17 пришли Евстафьев и Лисовский. Лавров отдал им коробку с долларами, Евстафьев отметил Лисовскому разовый пропуск и сказал, что проводит

шоумена и вернётся. Однако прошёл час, а чубайсовский соратник все не возвращался. Банкир уже начал волноваться. Но тут открылась дверь, и на пороге возникли люди, которые предъявили удостоверения сотрудников СБП.

Всё сказанное Лавров повторил под видеозапись и следователю Московского управления ФСБ. В отличие от остальных «коробейников» терять ему было нечего. От показаний он начал отказываться только месяц спустя. Видимо, не от хорошей жизни.

* * *

Попробую воспроизвести хронологию событий того дня. В 17 часов Лисовский и Евстафьев забрали из кабинета Кузнецова полмиллиона долларов. В 17.20 их задержали с поличным на проходной. В 18 часов Коржаков связался с директором ФСБ М. И. Барсуковым. Михаил Иванович пообещал выслать в «Белый дом» оперативно-следственную группу. В 20 часов на место происшествия прибыл дежурный следователь УФСБ...

Сейчас, когда я восстанавливаю в памяти картину происходящего, все выглядит очень просто. В 18 часов связался. В 20 часов прибыл.

Тогда же мне казалось, что до приезда чекистов прошла целая вечность.

Допрос вёл совсем молодой, неопытный следователь. Не удивительно, что, столкнувшись с такой непростой ситуацией, он растерялся. Опрос начал с Лаврова, который ничего и не пытался отрицать. Слишком много времени было потрачено на составление протокола. Между тем нужно было ковать железо, не отходя от кассы. Увы. К тому моменту, когда следователь добрался до Лисовского и Евстафьева, эти молодчики уже оправились от удара, проанализировали случившееся. Фактор неожиданности перестал работать.

Впрочем, чувствовали они себя по-прежнему неуверенно. У Евстафьева даже скакнуло кровяное давление. Пришлось вызывать бригаду скорой помощи, которая зафиксировала учащённый пульс и давление - 160 на 110. От укола Евстафьев отказался. Похоже, в детстве он начитался плохих детективов - думал, что его могут отравить.

Время неумолимо уходило. Как всегда, никто из начальников не решался взять на себя ответственность. Каждый думал: чёрт его знает, чем все закончится, - либо грудь в крестах, либо голова в кустах.

Телефоны в моём кабинете просто разрывались. Периодически

звонили лубянские руководители разного ранга. Позвонил и заместитель Барсукова Ковалев, ставший после отставки Михаила Ивановича новым директором ФСБ.

- Есть у дела судебная перспектива? - поинтересовался он.

- Налицо признаки преступления, предусмотренного статьёй 162 значок 7 УК РСФСР, - ответил я, - Но для того чтобы сейчас задокументировать результаты первичных оперативно-следственных мероприятий, надо задержать всю троицу. Закон такое право нам даёт - статья 122 УПК РСФСР (подозрение в совершении преступления). А уже затем провести обыск в кабинете Кузнецова, в квартирах задержанных и обязательно в Минфине изъять валюту и документы.

Хотя документы из сейфа зам. министра мы отксерокопировали и для суда этого было вполне достаточным доказательством, тем не менее надёжнее было бы оформить их официально - в присутствии понятых, под видеозапись и протокол.

Необходимы были обыск в кабинете №2-17, обыски квартир Лисовского, Евстафьева и Лаврова.

- Николай Дмитриевич, - обратился я к Ковалёву, поверьте мне, муровскому сыщику с большим стажем: если мы всего этого не сделаем, дело развалится.

Ковалёв вроде бы с моими доводами согласился. Пообещал вскоре перезвонить. Перезвонил. Но вместо того, чтобы приступить к решительным действиям, начал задавать уточняющие вопросы.

- Как там? Нормально все идёт?

- Нормально.

- Ну, хорошо, Валерий Андреич, сейчас я вам перезвоню.

Думаю, генерал Ковалёв постоянно согласовывался с Барсуковым. Ответственность брать на себя он не хотел. Возможно, Николай Дмитриевич Ковалёв - неплохой оперработник. И человек очень даже хороший. Но назвать его героем - язык не поворачивается. Барсуков не выдержал. Поручил заняться всем начальнику московского управления А. В. Трофимову...

Именно в те два часа, пока Ковалёв прикидывал, как ему выгоднее себя повести, события начали выходить из-под нашего контроля. Через день Николай Дмитриевич стал директором ФСБ. А Анатолий Васильевич Трофимов, который не побоялся ответственности и вступил в бой, спустя полгода был снят с должности. Чубайс и Савостьянов не простили ему участия в операции...

* * *

Боязнь ответственности. Этот порок - одно из страшнейших несчастий нашего времени. Генералов и всяких начальников в стране - тьма-тьмущая. Людей, готовых взять на себя ответственность, - единицы.

Когда в Союзе террористы начали каждый месяц захватывать самолёт, волну эту ещё можно было остановить. Достаточно было уничтожить террористов-»пионеров». Но нет. Генералы побоялись запачкаться в крови. И понеслось.

Если бы преступники знали, что каждый из них неминуемо получит пулю из снайперской винтовки, они бы вряд ли решились пойти на дело. А так... Раз их предшественников не тронули, откупились, выпустили самолёт из страны, значит, шанс на удачу есть.

В тот вечер панический страх власть предержащих переломил ход новейшей истории России...

* * *

Пока тянулась вся эта канитель, наступила ночь. Я включил телевизор и оторопел: с экрана на все лады муссировалась тема о попытке государственного переворота.

Похоже, «утечка» шла от личной охраны Лисовского. Когда они увидели, что их шефа уводят от проходной вместе с Евстафьевым, телохранители заволновались. Моментально проинформировали кого надо.

Глядя на телевизионный шабаш, я отчётливо осознал: мы опоздали. Теперь санкцию на задержание активистов дать никто не осмелится. Конечно, ещё не все было потеряно. Если бы в ФСБ решили идти с нами до конца и хотя бы провели обыск в кабинете Кузнецова, дело можно было довести до суда.

В очередной раз я позвонил Коржакову. Грустно сказал:

- Александр Васильевич, время упущено. Видимо, сделать уже ничего не удастся.

Шеф тоже был бессилен что-либо изменить. Не мог прыгнуть выше головы и Барсуков. Михаил Иванович вскоре позвонил мне. Голос его звучал так, что сразу же стало ясно: этого решительного и волевого человека попросту сломали.

- Ты знаешь, - сообщил он, - сейчас я выдержал очередной натиск жены президента. Говорю ей: «Наина Иосифовна, готов хоть завтра написать рапорт об отставке». Всю ночь был на телефоне, не сомкнул глаз. Она мне постоянно звонит.

- Что делать будем, Михаил Иванович?

- Сухари сушить, - невесело пошутил директор ФСБ. Давай заканчивай, задокументируй всё и отпускай их к чёртовой матери. Утром будем разбираться.

Делать нечего. В 4 часа утра мы освободили всех троих. Материалы я передал чекистам, себе оставил копии. И поехал домой. В 7 утра мне надо было быть у Коржакова...

* * *

Откуда жена президента узнала о случившемся? Она начала прессовать Барсукова задолго до выступления Киселёва.

Думаю, ответ на этот вопрос найти несложно. Единственным мосточком, который связывал её с Лисовским, Березовским и Гусинским, был Юмашев. Нынешний глава ельцинской администрации. Уверен: именно Юмашев и выступил в роли посредника, пока Чубайс, Березовский и Гусинский, трясясь от страха, сидели в доме приёмов «ЛогоВАЗа» и ждали ареста.

Познав о «перевороте», Ельцину позвонил и Лебедь, но семья не позволила секретарю Совета Безопасности поднять президента с постели. Сон главы государства священен. Александр Иванович беседовал лишь с Наиной Иосифовной...

Лично я не имею ничего против супруги и дочери Ельцина. Милые, даже симпатичные женщины. Но когда жена и дочь начинают влиять на политическую ситуацию в стране - хорошего от этого ждать не приходится. Во-первых, им никто не давал такого права. А во-вторых, женщин обработать куда легче, чем мужчин.

Татьяна и Наина Иосифовна стали жертвами как раз такой обработки. Обе они находились под чарами Юмашева, Чубайса, Березовского и прочих бабкоделателей.

* * *

Вернувшись домой, я принял душ, побрился, переоделся и отправился в Кремль. На душе скребли кошки. Не успев начаться, дело разваливалось на глазах.

Коржаков посмотрел на моё помятое лицо. Хитро улыбнулся. Сказал:

- Ну что, это тебе не с бандитами бороться. Эти-то покруче будут. Сейчас подойдёт Барсуков. Как только появится шеф, пойдём к нему. Говори кратко, но ёмко, что у нас есть.

Я объяснил, что инициатива уже упущена. Барсукову надо было взять удар на себя, провести обыски и задержать активистов хоть

на трое суток, а потом - будь что будет, победителей не судят.

Шеф выслушал меня внимательно. Заметил:

- После драки кулаками не машут, но... - он поднял вверх указательный палец, - рано играть отбой.

В 8 утра в кабинет Коржакова зашли адъютант президента Анатолий Кузнецов и прикреплённый, доложили, что утром, ещё на даче, жена и дочь пытались обрушить на Ельцина все ночные заботы.

Начальник СБП и директор ФСБ ушли на доклад к Ельцину с тяжёлым сердцем. Я остался ждать. В приёмной зазвонил телефон.

- Это Лебедь, - пророкотал из трубки знакомый бас.

- Хотел узнать, что там произошло. Всю ночь не спал, разводил эту ночную тусовку. Попросите Коржакова, когда он вернётся, пусть свяжется со мной.

Монолог Лебедя немного меня успокоил. Всё-таки на нашей стороне - секретарь Совбеза.

Генералы вернулись через 40 минут. Оба были в хорошем настроении, улыбались.

- Продолжаем работать, - сказал Коржаков, - президент дал «добро».

При мне он связался с Лебедем. Поведал о том, что было на самом деле.

- Отчего же эти дураки подняли такой шум? - удивился Александр Иванович.

- Хм, - усмехнулся шеф. - Громче всех «держи вора!» кричит сам вор...

С лёгким сердцем я вернулся в «Белый дом». Собрал всех, кто участвовал в операции, начал планировать её продолжение. И тут, словно обухом по голове, - отставка Коржакова, Барсукова и Сосковца. ТАКОГО исхода никто не ожидал.

* * *

После я узнал, что через два часа после встречи президента с Барсуковым и Коржаковым к Ельцину пришли новые посетители - Черномырдин и Чубайс. Они принялись убеждать президента, что никаких хищений нет и в помине. Силовики его просто подставляют, ибо хотят сорвать выборы. Деньги в коробке - не ворованные, а вполне законные, предназначались для оплаты артистов, выступавших в туре «Голосуй или проиграешь». Премьер особенно

упирал на то, что «копали» явно под него, выбивали из Евстафьева компромат на Ч. В. С.

- Они перешли все грани дозволенного, - восклицал он.

Вопрос визитёры поставили ребром: или мы, или они.

Ельцин выбрал «реформаторов»...

В те дни вся Москва была испещрена рекламными щитами: огромный президент стоит, прислонившись к дубу, с задумчивым лицом. И надпись - «Голосуй сердцем». Борис Николаевич проголосовал именно сердцем. На стороне обиженных была его родная дочь.

Вода точит камень. Постоянные рассказы о «страшном» Коржакове, звучащая с телеэкранов ложь о ястребах из СБП - всё это сделало своё дело.

В страхе, что полномасштабное воровство будет раскрыто, Чубайс превзошёл самого себя. (Известно: инстинкт самосохранения очень силён.) Он нёс президенту откровенную чушь, врал ему как сивый мерин: что, дескать, «охранники» готовят переворот; что в Кремле созрел антиельцинский заговор; что без «чёрной кассы» выборы не выиграть; что Коржаков и Барсуков не друзья Ельцину, а враги.

«Реформаторы» шли ва-банк. Выбора у них не было. Если бы президент не отправил в отставку Коржакова и Барсукова, «реформаторам» неминуемо пришлось бы отвечать за все свои «подвиги». Они смертельно боялись СБП и понимали: Коржаков подчиняется президенту напрямую и обработать его невозможно.

Стоило появиться только видимости контроля, нечистые на руку сановники затряслись от ужаса. Они готовы были на всё, лишь бы уничтожить Службу и её ненавистного начальника. Боятся они нас и по сей день. У офицеров Службы безопасности президента - хорошая память...

Когда СБП была действительно разогнана, заместитель Чубайса по кадрам Е. Савостьянов - тот самый, которого вычистили из московской ЧК за «дружбу» с Гусинским, - стал вызывать к себе всех сотрудников отдела «П». Разговоры сводились к одному: чем занимался отдел, на кого из должностных лиц есть компромат, куда его направляли. Савостьянов и его друзья страшатся огласки, утечек в прессу. Им-то слишком хорошо известны нравы царедворцев...

Выйдя от президента, Черномырдин сразу же побежал к Коржакову

- Ну что, ребятки, доигрались? - злорадно выпалил он.

Премьер и не пытался скрыть свою радость. Примерно в это же время в кабинете моего сотрудника, работавшего с Лисовским и Евстафьевым, раздался телефонный звонок.

- Довыё….лись! - злостно прошипел в трубку голос неизвестного «доброжелателя». Слова, конечно, разные, но мысль одна и та же.

* * *

Незадолго до того, как все СМИ объявили об отставке Коржакова, Барсукова и Сосковца, ко мне в кабинет заявился начальник охраны Черномырдина Сошин.

- Виктор Степанович очень недоволен, - прямо с порога начал он, - Надо бы тебе к нему сходить, объяснить, почему его не ввели в курс ночных дел.

От «доклада» я отказался. Порекомендовал обратиться за разъяснениями к Коржакову. Сошин обиженно ушёл.

Похоже, интерес к моей персоне был вызван не только желанием узнать подробности ночных бдений, но ещё и тем, что у Евстафьева мы обнаружили удостоверение сотрудника аппарата правительства, дающее ему право прохода в особо охраняемую зону «Белого дома».

Разумеется, никаким сотрудником аппарата пресс-секретарь Чубайса никогда не был. Возникает естественный вопрос: по чьему указанию ему выписали ксиву? Это-то и дало премьеру основание утверждать, что у Евстафьева выбивали на него компромат.

Могу только представить, какими словами поливал меня Черномырдин. Какой-то «жалкий» полковник пренебрегает им, вторым человеком в государстве. Не бежит на полусогнутых, как все остальные.

Черномырдин - человек мстительный. Очень скоро он припомнил мне всё. Но это произошло лишь несколькими днями спустя. Пока же я продолжал оставаться начальником отдела «П» Службы безопасности президента. Хотя отставка шефа и выбила меня из колеи, я не прекращал работу.

Часа в три позвонил Коржаков:

- У тебя остались копии тех документов, которые ты передал в ФСБ? Размножь их, передай ещё двум-трём верным людям. Как только пройдут выборы, они станут основанием для суда в связи со всей этой болтовнёй.

- Что же дальше будет, Александр Васильевич? - тихо спросил я.

- Работай спокойно. В панику не впадай. Главное - спокойствие.

Я отлично понимал, что Коржаков сам подавлен всей чудовищностью ситуации, но вида не подаёт. В очередной раз я оценил способность шефа никогда не терять самообладание. Что бы ни случилось...

* * *

20 июня - день, насыщенный событиями до предела. В спешном порядке Чубайс созвал пресс-конференцию. Ему не терпелось поведать миру о своей победе.

Перед десятками телекамер он клялся: никакой коробки не было, никаких денег не было. Все это является «одним из традиционных элементов традиционной кагэбэшной советской провокации».

- Вбит последний гвоздь в крышку гроба под названием «иллюзии военного переворота в Российском государстве», - с видом триумфатора вещал Чубайс.

И ещё образчик его вранья:

- Может быть, когда я выйду на пенсию, я напишу мемуары, в которых по часам все это будет расписано. А пока могу сказать только, что через три часа после ареста Евстафьева я уже знал о том, что он арестован и начался допрос. В течение ближайших 30 минут об этом были проинформированы премьер-министр Черномырдин, генерал Лебедь, президент Ельцин.

Когда я услышал весь этот бред, то моментально оправился от шока.

- Каков наглец, - подумалось. - Раз так, доведу работу до конца, чего бы мне это ни стоило.

Пресс-конференция будущего первого вице не вызвала восторга и у его соратников. Они понимали, как «любят» Чубайса в народе.

Свидетельство тому - диалог первого помощника президента Илюшина и ельцинского советника Красавченко, состоявшийся в «Президент-Отеле» 22 июня. (О том, как и почему эта запись оказалась у нас, - чуть ниже.)

КРАСАВЧЕНКО: По поводу телевидения. Мне уже звонили несколько людей с мест: очень активное выступление Анатолия Борисовича...

ИЛЮШИН (перебивает): Не будет больше выступлений.

КРАСАВЧЕНКО: Потому что он и Гайдар при всём нашем с вами к ним уважении...

ИЛЮШИН: Больше не будет.

КРАСАВЧЕНКО: Те, которые у Лебедя… Даже Явлинский: «Что делать?!! Что же такое?!! Опять эти?!!»

ИЛЮШИН: Всё нормально. Он в телевизоре больше не появится.

Шанс достойно ответить Чубайсу появился у нас очень скоро. Из источника в его ближайшем окружении я узнал, что 22 июня он должен приехать к первому помощнику президента В. Илюшину в «Президент-Отель», чтобы обсудить ситуацию. Как ни странно, Илюшин абсолютно ничего не знал. Все эти дни он гулял на каком-то торжестве и отстал от жизни.

Негласный помощник согласился нам помочь. Мы договорились, что он установит в кабинете Илюшина магнитофон, а потом незаметно заберёт технику обратно.

Результат превзошёл все ожидания. Утром 22 июня в «Президент-Отель» прибыли Чубайс и первый заместитель Гусинского С. Зверев. Здесь же находился и советник президента Красавченко. Активисты говорили меж собой предельно откровенно.

Бояться им было нечего. Их слова отличались от всего того, что талдычил на пресс-конференции Чубайс, как небо и земля.

Привожу стенограмму этого разговора, опустив несущественные подробности.

ЧУБАЙС: Я же говорю, что тут язык совершенно однозначный. Только в лоб ему (Коржакову? Барсукову?) сказать, что либо заткнётесь, ребята, либо посадим. Всё. У нас материалов столько с документами, что хватит лет на 15 каждому. Про всё воровство, про всю кровь, которая за ними стоит. В полном объёме. И лежит в достаточно надёжных местах. И во многих местах это лежит. Если с любым из нас что-то происходит, мгновенно эти материалы публикуются. Схему я лично проработал до мельчайших деталей, сделал два месяца назад, потому что я знал, с кем имею дело. А сейчас картина такая: либо они затыкаются, либо посажу, совершенно однозначно. Можете от меня лично им передать в качестве привета.

ИЛЮШИН: Я к этой роли не подхожу, потому что я этого делать не буду. А Березовский сможет это сделать? Он же с ними там вроде в контакте, дружит?

ЗВЕРЕВ: Да нет. Березовского сажать вообще не должны. Он там хорошо (неразборчиво).

ИЛЮШИН: Я так понимаю, что если меня выгонят с работы, то завтра я буду за кремлёвской стеной и не войду никуда. А у них-то

какие силы, если они освобождены от занимаемой должности? С помощью чего они реализуют? Лично сами занимаются, что ли? Или у них всё это оружие функционирует под их руководством?

ЧУБАЙС: Во-первых, конечно, продолжает функционировать без их руководства. Во-вторых, Александр Васильевич (Коржаков). Есть слух, что в июле он возвращается на место. Тот же Крапивин, скажем (начальник Федеральной службы охраны)...

ИЛЮШИН: По указанию Черномырдина?

ЧУБАЙС: Вряд ли. По показанию...

ИЛЮШИН: Но что там было, да... Что делать, с шефом (с Ельциным) разговаривать надо.

ЗВЕРЕВ: Это нужно нанести последний удар.

ЧУБАЙС: Всё прекрасно понимал Аркадий Евстафьев! Прекрасно понимал, чем он рискует! Абсолютно и ясно. Даже вопросов не ставил. Абсолютно надёжный парень, (неразборчиво) вчера коробку с миллионом долларов...

ИЛЮШИН: Лисовский?

ЧУБАЙС: Аркадий. Про Лисовского (неразборчиво) в этой схеме. Как раз Лисовскому лучше дистанцироваться. Евстафьев вёл... Было сказано: давай вперёд, если мы (неразборчиво) считаем человеком. Ясно, что он обязан голову положить, но чтобы всё это...

ИЛЮШИН: Я шефу сказал, когда вчера с ним разговаривал. Я говорю: «Борис Николаевич, вот сейчас, если захотеть, около «Президент-Отеля» можно поймать как минимум 15-20 человек, которые выносят спортивные сумки из нашего здания с деньгами». Он сидел с каменным лицом. Я говорю: «Потому что если мы будем перечислять деньги по неизвестным каналам, то выборы мы не сможем организовать. Поэтому у нас нет срывов сейчас пока, но организовать (неразборчиво) элементарно». - «Понимаю», - сказал президент.

ЧУБАЙС: Люди за президента, мы голову подставим. В прямом смысле слова.

ИЛЮШИН: Я предлагаю так. Вы, Анатолий Борисович, с ним разговаривайте, имея в виду свои некоторые детали. Я с шефом переговорю в понедельник тоже. Уже с точки зрения общей... Я ему, во-первых, доложу, что я повстречался. Я ведь у него разрешения спросил встретиться с силовиками. Я ему скажу, что встречи состоялись, и скажу, что нужно, по нашему мнению, указание Скуратова (генпрокурор РФ), что этих ребят не отдавать. И защитить, естественно, контролировать действия, чтобы они не

провалили всё.

ЧУБАЙС: Во сколько у него будете?

ИЛЮШИН: Я обычно в 9 часов разговариваю с ним.

ЧУБАЙС: Мне лучше доложить после.

ИЛЮШИН: Во вторник.

ЧУБАЙС: Если будет во время вашей встречи, я бы записался позже.

ИЛЮШИН: У меня разговор с ним в 9 часов. Или по телефону, или я приезжаю…

ЧУБАЙС: Я буду (неразборчиво) звонить в это же самое время. Физическая позиция в том, чтобы изъять у Скуратова (неразборчиво) под президентский контроль.

ИЛЮШИН: У меня 23-го вообще стоял пустой день…

ЗВЕРЕВ: Корабельщиков (помощник президента) сказал, что…

ИЛЮШИН (перебивая): Отдыхать будет, да?

ЗВЕРЕВ: Да.

ЧУБАЙС: Он на работе будет? Вы же на работу к нему собираетесь ехать?

ИЛЮШИН: Если его на работе не будет, я попытаюсь к нему на дачу съездить. Ну вам-то на даче с ним ещё легче встретиться будет?

ЧУБАЙС: Нет… Он меня шуганул последний раз. Тогда с этими чеченскими делами.

ИЛЮШИН: Ну ладно. Я с ним переговорю в понедельник либо по телефону, либо приеду.

ЧУБАЙС: Это очень важно - будет он на даче или на работе. На работе я с ним свяжусь по прямому, а на даче я не свяжусь. Тогда давайте в одну точку, Виктор Васильевич. То, что вы хотели сказать (неразборчиво) защитить ребят. ФСБ дать команду защитить, Крапивину дать команду защитить, чтобы они знали, что приказывает президент. А вот по генпрокурору просьба затребовать у него полный комплект документов для (неразборчиво) президенту.

ИЛЮШИН: И хранить у себя…

ЧУБАЙС: Наши товарищи делали нашу работу, брали на себя самую рискованную её часть, подставляли свою башку…

ИЛЮШИН: Я говорю в целом, потому что у них был вопрос: а что нам делать с Собчаком? Я сказал то же.

ЧУБАЙС: У кого именно был вопрос?

ИЛЮШИН: У Скуратова. Я сказал: «До третьего числа нам никакого шума не надо».

ЗВЕРЕВ: Надо задачи как бы на две части разделить: шум вокруг этого из-за выборов. И личная безопасность этих трудящихся тоже, наверное, должна быть как-то обеспечена.

ИЛЮШИН: Я разговаривал на эту тему, только лишь имея в виду - до выборов. Как дальше, скажу честно, я особенно речи не вёл, потому что убеждён в том, что там нам всем выбираться придётся самим. Большой помощи я не предлагаю.

ЗВЕРЕВ: При положительных результатах выборов будут шансы выбраться.

ЧУБАЙС: Но есть же простые вещи. Ну ни фига себе! Они башку подставляют свою, а мы им сейчас скажем: «Извини, после 3-го выбирайся сам». Куда это годится?! Я не согласен с этим категорически. Люди ходят под статьёй. Да, распределилось так, что Илюшин, Чубайс - здесь, а они - там. Но мы же их туда послали! Не кто-то!

ИЛЮШИН: Значит, будем действовать в этом направлении.

ЧУБАЙС: Да мы головой отвечаем за это! Да как я в глаза смотреть буду! Вы что!

ИЛЮШИН: Я согласен с такой постановкой.

ЧУБАЙС: Что получится: значит, своё дело сделали, а дальше мы как бы разошлись. А дальше - ну дали тебе пять лет, ну извини, бывает, с кем не случается.

ИЛЮШИН: Нет, я, может, не вёл на эту тему разговор, но я полностью разделяю эту позицию, и в данном случае я, может быть, не очень верно сориентировался. Конечно же, обязательно об этом продолжу разговор со Скуратовым. Это правильно.

ЧУБАЙС: Есть исходный вопрос: а следует ли нам препятствовать переходу документов к Скуратову?

ИЛЮШИН: А мы ничего не сможем сделать. Когда мне вчера Трофимов (начальник московского УФСБ) позвонил, он сказал, что я (в смысле Трофимов) обязан передать документы.

ЧУБАЙС: Трофимову не верю, ни одному слову вообще.

ИЛЮШИН: Со Скуратовым, когда я сегодня разговаривал, я не задавал вопросов. Он сказал, что сегодня все документы будут переданы ему.

ЧУБАЙС: Трофимов организовывал всё лично. С Трофимовым я разговаривал в час ночи, в момент, когда всё это происходило. Он мне врал, что они не знают, кто такой Лисовский, а Евстафьев, может быть, немножко задержался, но его сейчас отпустят.

ИЛЮШИН: Я могу вам больше сказать о Трофимове. Насколько я знаю, у них там сильнейший конфликт был с Барсуковым, вообще с самого начала работы. Но Трофимов, как человек военный, обязан был выполнять то, что ему приказывает начальник. Я бы пока не снимал Трофимова со счетов возможного урегулирования конфликта, хотя я, конечно, гарантировать ничего не могу.

ЧУБАЙС: Трофимов по ту сторону баррикад, у меня нет никаких сомнений. Не знаю, какие у него отношения были с Барсуковым, но то, что это враг, который хотел уничтожить нас, у меня сомнений нет. По его поведению это было совершенно очевидно. У меня прямой разговор был с ним в час ночи. Было совершенно ясно, какую позицию он держит.

ИЛЮШИН: Но мы не сможем воспрепятствовать передаче материалов в прокуратуру, если прокуратура их затребует.

ЧУБАЙС: А почему? Одна (неразборчиво. Просьба?) Бориса Николаевича к Скуратову и второе: указание Ковалеву (директор ФСБ) затянуть. И всё.

ИЛЮШИН: То, что будет затянуто, - это без вопросов. А передача (имеется в виду передача документов из ФСБ в прокуратуру) уже состоится сегодня?

ЧУБАЙС: В прокуратуре же Илюхин (председатель думского Комитета по безопасности, один из лидеров КПРФ, в прошлом член коллегии Прокуратуры СССР) как у себя дома.

ИЛЮШИН: А если я попрошу Скуратова держать у себя документы? (Илюшин звонит по телефону Скуратову.)

ИЛЮШИН: Юрий Ильич, вот какой вопрос возник: можно было бы сделать таким образом, чтобы документы, которые к вам придут от Трофимова, ни к кому, кроме вас, в ближайшее время не попали? И чтобы они у вас некоторое время полежали до совета с Борисом Николаевичем, после того как вы с ними ознакомитесь лично. (Скуратов что-то отвечает.) Надо именно так и сделать, потому что у нас есть сведения опасаться того, что это очень быстро перетечёт, если кто-то у вас будет заниматься другой, в стан наших противников. (Скуратов отвечает.) Да, пусть это лучше полежит у вас лично, и никому не передавайте в производство. А потом подумаем, ладно? Потому что нам это нежелательно.

ЧУБАЙС: Что, если вторым шагом попросить Бориса

Николаевича…

ИЛЮШИН (перебивает): Вообще похоронить?

ЧУБАЙС: Нет, затребовать у Скуратова документы себе на анализ. Затребовать полный комплект документов.

ИЛЮШИН: Хорошая идея. (Смеётся.)

ЧУБАЙС: А потом пусть просит у него назад…

ИЛЮШИН: Понимаете, у мня отношения тоже с ним (со Скуратовым) такие, официальные. Я не могу сказать то, что я могу сказать любому.

ЧУБАЙС: Я понимаю.

ИЛЮШИН: Тем более я знаю, что Скуратов очень сильно обработан ребятами (Коржаковым, Барсуковым).

ЧУБАЙС: Вчера в течение всего дня люди Барсукова пытались пристроить на разные каналы.

ЗВЕРЕВ: Телеканалы-то для них закрыты, а радио…

ЧУБАЙС (перебивает): Я попрошу тоже Бориса Николаевича.

ИЛЮШИН: Лучше всего. Потому что он осведомлён во всём. И степень доверия у вас другая. Я в стороне как бы от вас нахожусь.

ЧУБАЙС: У Скуратова, в принципе, позиция нормальная. Но дело не в нём. В прокуратуре и в целом.

ИЛЮШИН: Тем более хорошо, что мы все эти дела упредили.

ЧУБАЙС: Надо найти выходы на Барсукова и Коржакова и объяснить им ясно и однозначно ситуацию: либо они ведут себя по-человечески, либо будем сажать. Потому что это продолжение борьбы сейчас на острие приведёт просто к…

ИЛЮШИН: Они не успокоились, да?

ЧУБАЙС: Вы же видите - информация проходит. Откуда же ещё?

ИЛЮШИН: А как организовать канал информации? Давайте подумаем, через кого.

ЗВЕРЕВ: А Георгий Георгиевич? (Г. Г. Рогозин - заместитель Коржакова.)

ЧУБАЙС: Это запросто.

ИЛЮШИН: Это запросто.

ЧУБАЙС : Оборзел настолько, что стал сейчас намекать, что надо бы ФСБ к ним отдать.

ИЛЮШИН: Я скажу, что он (Рогозин?) ведёт себя… Он, конечно,

работает на несколько разведок сразу, но он осуждает всё очень сильно...

Конец записи.

Итак, Чубайс опроверг самого себя. Теперь любому можно было доказать, что на своей знаменитой пресс-конференции он нагло врал. Коробка была. И несли её по прямому указанию рыжего «реформатора».

Последняя ночь-3

В одной из статей «ихнего» журналиста Минкина я прочитал замечательные слова: «Вылезает вор из ограбленной квартиры, вылезает тихо-тихо, а милиционер кричит, хватает его за руку, свистит в свисток... А газета пишет: «Как же скандально вёл себя поганый мент!» (Новая газета, 1997, № 37). 22 июня, в тот день, когда Чубайс откровенничал с Илюшиным, Зверевым и Красавченко, руководителей всех подразделений СБП собрал глава Федеральной службы охраны Крапивин.

- Указом президента Ельцина, - объявил Крапивин, Коржаков отстранён от занимаемой должности. Теперь все специальные мероприятия, которыми занималась СБП, следует ограничить. Если есть что-то срочное, обязательно согласовывайте со мной.

Заплывшие глазки шефа ФСО блестели:

- И ещё. Есть информация, что часть материалов СБП может быть передана в печать. Будьте бдительны. Ни в коем случае нельзя допускать утечек.

Когда совещание закончилось, Крапивин неожиданно обратился ко мне:

- Товарищ Стрелецкий, задержитесь. (Совсем, как в кино: «А вас, Штирлиц, я попрошу остаться».) Задержался и заместитель Коржакова генерал-майор Г. Г. Рогозин.

- Валерий Андреич, - завёл разговор Крапивин, - с тобой ситуация непростая. Виктор Степанович сказал, что тебя из «Белого дома» надо убрать. Отдел пусть работает, а ты пока повремени.

- А что, если вывести его в распоряжение кадров? - подал голос Рогозин.

Крапивин поморщился:

- Ну зачем же так резко? Ты отпуск гулял? Может, в отпуск уйдёшь?

В отпуск я не хотел, поэтому напомнил генералам, что ко всему прочему являюсь ещё и руководителем Национального фонда спорта. Крапивин оживился:

- Вот и отлично, поработай пока в НФС, а там видно будет.

От меня совершенно явно и неприкрыто избавлялись. Для Крапивина - человека, привыкшего к паркетам и коврам, - я был подчинённым нежелательным. Ссориться с Черномырдиным и прочими шишками ему было не с руки. Крапивин чётко усвоил

шукшинское: «Благоразумие вещь не из рыцарского сундука, зато безопасно». А мнение премьера было однозначным: Стрелецкого в «Белом доме» быть не должно. Ч. В. С. не мог мне простить всего того, что впоследствии он назовёт мракобесием, - контроля за его ближайшими соратниками, справок, ложащихся на стол президента...

«Будь что будет», - решил я. Вернулся в кабинет, собрал вещи. Объявил сотрудникам отдела о результатах состоявшегося совещания, о решении руководства ФСО отстранить меня от должности по требованию Ч. В. С.

Ребята встретили это известие нерадостно, но вслух никто ничего не сказал. Все люди военные, что такое дисциплина - знают хорошо.

На прощание окинул взглядом свой кабинет. Посмотрел на картину, висящую на стене, фотографии. Как будто чувствовал, что вижу всё это в последний раз. 24 июня я заехал в «Белый дом», хотел сделать расшифровку чубайсовской плёнки. Милицейская охрана пропустила мою машину через ворота спокойно. А вот на входе в здание меня неожиданно остановил сотрудник ФСО. Он открыл тощую папочку, внимательно посмотрел внутрь. Молвил:

- Вход в «Белый дом» вам запрещён.

Препираться с охранником не имело никакого смысла. Он всего лишь выполнял приказ. Я развернулся, сел в машину и уехал. Навсегда.

Через неделю отдела «П» больше не существовало. В спешном порядке всех моих сотрудников выселили из Дома правительства.

Секретные, политые кровью и потом материалы перевезли в Кремль. Долго ещё они валялись в коридорах 14-го корпуса, напоминая картину «Утро после Куликовской битвы». Так «высоко» руководители государства оценили нашу работу...

* * *

Компания «Ксерокс» - в большом долгу перед СБП. Мы сделали ей такую рекламу, какой не купишь ни за какие деньги.

Хотя информационного взрыва и не получилось - все «демократические» СМИ были обработаны предвыборным штабом, - сведения о коробке всё же просочились в печать.

Кто-то передал видеозапись следственных мероприятий и копии протоколов председателю Комитета по безопасности Государственной Думы В. И. Илюхину. Виктор Иванович продемонстрировал их на пресс-конференции, потом напечатал в

«Советской России». Чубайс и Черномырдин сделали вид, что ничего не происходит. Как в поговорке: плюнь в глаза, скажет - божья роса.

Впрочем, меня это не сильно огорчало. Главное, чтобы уголовное дело не оказалось замороженным. Позже я передал в прокуратуру и плёнку с записью чубайсовских откровений. Но увы.

Следствию даже не дали возможность провести экспертизу с тем, чтобы идентифицировать голоса «героев», установить её подлинность. Когда следователь Мосгорпрокуратуры попытался отправить плёнку экспертам, ему сказали: подождите полгода, раньше не получится.

Дело начало разваливаться снова. Что мы могли? Возможности повлиять на должностных лиц у СБП больше не было.

В ноябре 1996 г. «Московский комсомолец» опубликовал стенограмму переговоров Чубайса, Илюшина и Зверева. Фамилии Зверева в газете, однако, не было - вместо него фигурировал Красавченко. Произошло это по причине того, что и Зверева и Красавченко звали одинаково - Сергеем. Красавченко периодически заходил в кабинет, бросал реплики. Понять, когда говорил Зверев, а когда Красавченко, без экспертизы было невозможно.

Разгоревшийся вслед за публикацией скандал был даже больше, чем мы могли себе представить. Весь день Государственная Дума обсуждала материал. Было решено провести парламентское расследование.

Соратники Чубайса поняли, что дело швах. В авральном порядке были организованы контрмеры. Все «независимые» телеканалы, радиостанции и газеты, как по команде, принялись поливать грязью «МК» и А. Хинштейна, журналиста, взявшего на себя смелость напечатать стенограмму с комментариями.

Говорилось, что это верх журналистской неэтичности; что сфальсифицировать запись при нынешнем развитии техники - пара пустяков; что подслушивать высших чиновников спецслужбы не имеют никакого права.

«Случайно» встретился с журналистами Чубайс. Сказал, что никакой беседы с Илюшиным и Красавченко в «Президент-Отеле» не вёл, что все это ложь и клевета. В общем, в очередной раз соврал.

Правда, после того как генеральный прокурор Скуратов заявил, что плёнка эта приобщена к уголовному делу в качестве вещдока, клевреты немного поутихли, а затем и вовсе замолчали.

О том, что в апреле 1997 г. Скуратов официально признал: «Заключениями экспертиз установлено, что на одной из

представленных для исследования аудиокассет записаны речь и голоса Чубайса А. Б. и Илюшина В. В.», не написало ни одно издание.

Вопросы этики обсуждать я не берусь. Скажу лишь о «незаконности» наших действий.

Закон «Об оперативно-розыскной деятельности» давал нам право разрабатывать любого гражданина Российской Федерации. Его должность роли не играет. Специальная инструкция КГБ, которая запрещала проводить оперативные действия в отношении высших советских и партийных чинов, перестала существовать вместе с распадом Союза.

Не обнаружила никаких нарушений закона и Главная военная прокуратура, которая проводила проверку наших «ночных» действий.

По правде говоря, я таил надежду, что дело о коробке будет всё же доведено до конца. Под давлением общественности (и в первую очередь Государственной Думы, которая потребовала временно отстранить Чубайса, Илюшина и Красавченко от работы до окончания следствия) дело было передано из Мосгорпрокуратуры в Генеральную прокуратуру.

Но нет. Следствие не смогло установить «источник, из которого были получены изъятые деньги. Факт причинения кому-либо ущерба подтверждения не нашёл. Не установлен и законный владелец указанной валюты». (Из письма генпрокурора Скуратова.) В январе 1997 г. уголовное дело было переквалифицировано со статьи о незаконных валютных операций на мошенничество.

(Новый Уголовный кодекс России отменил ответственность за сделки с валютой. Не удивлюсь, если произошло это по инициативе «реформаторов».) А в апреле 1997 г. дело и вовсе было прекращено «за отсутствием состава преступления» и в «в связи с неустановлением законного владельца».

Что ж, события той ночи окончательно и бесповоротно убедили общество: в России можно воровать и лгать безбоязненно.

Тебя не только не арестуют, но ещё и повысят в должности. А какой солдат не мечтает быть генералом?..

Тульская битва

Когда работаешь, не видя результатов своего труда, это вгоняет тебя в тоску. Время от времени начинаешь думать: собственно, а какого чёрта ты обливаешься потом, если никому ничего не надо? Совсем другое дело, если знаешь, во имя чего и ради чего вкалываешь.

Сразу же после увольнения из СБП я включился в работу предвыборного штаба Коржакова. 176-й Тульский избирательный округ оказался свободным. Прежний депутат – А. И. Лебедь перешёл на госслужбу в качестве секретаря Совета Безопасности. Тула - регион непростой. Симпатии народа в основном на стороне коммунистов. И это понятно: вокруг - предприятия оборонки, большинство из которых стоят. Люди не получают зарплату. За место в Думе предстояло побороться. Кампанию мы начали с того, что принялись собирать подписи за выдвижение Коржакова. Первый же опыт вселил в нас надежду: за неделю ребята собрали более 8 тысяч автографов. Шеф получил свидетельство о регистрации № 1.

Поняли мы, правда, и другое. Многим, очень многим перспектива коржаковского депутатства совсем не улыбалась. Возвращение грозного начальника СБП в политику - нож в сердце для столичных проходимцев. И они попытаются сделать все, лишь бы остановить Александра Васильевича.

Параллельно с нашей группой, которая состояла в основном из отставных сотрудников Службы, сбором подписей занималась и какая-то самодеятельная команда. Эти энтузиасты клялись в преданности к Коржакову и брались помочь нам во всех начинаниях. Долгие годы работы в органах приучили нас не только доверять, но и проверять. Повнимательнее посмотрев на работу добровольцев, мы обнаружили, что подписи, принесённые ими, в большинстве своём - недействительные. На листе, допустим, начертано: Иванова Ольга Ивановна, проживает по такому-то адресу. Обращаемся в справочное бюро - а старушка Иванова умерла полгода назад. И так далее.

Расчёт фальсификаторов прост. Их подписи сдадут на регистрацию А потом избирком регистрацию отберёт, разразится скандал. Пока мы будем ходить и доказывать свою правоту, выборы уже пройдут. Мы ни на секунду не сомневались, что действовали добровольцы не по своей воле. Сценарий был разработан в Москве

- Ну что, предстоит серьёзный бой? - поинтересовался Александр Васильевич, когда мы приехали к нему в больницу и порадовали известием, что подписи собраны (В то время он в

очередной раз оперировал свои многострадальные суставы - сказались годы службы и занятия спортом). Бой, конечно, предстоял не детский. Но нас это не пугало. Наоборот, заводило. За успех нашего предприятия мы и выпили по 150 грамм прямо в больничной палате.

* * *

В отличие от большинства кандидатов Коржаков действительно пошёл в народ. Тогдашний губернатор Тульской области Севрюгин, выполняя указания из Москвы, всячески пытался помешать шефу. Александра Васильевича не пускали в клубы, в ведомственные дома культуры, на многие предприятия. Но он не сдавался. Встречался с людьми где угодно - на улице, у проходных, в ДЭЗах, детских садах, поликлиниках...

Тула - не Москва. То, что в столице известно каждому ребёнку, в Туле - большая новость. Коржаков еле успевал отвечать на вопросы. Но ни одного не пропускал. Объяснял свою позицию всем.

Рассказывал, что происходит наверху. Севрюгин ничего не мог поделать. Рейтинг шефа уверенно поднимался.

Кстати, забегая вперёд, скажу, что весной 1997 г. Севрюгин проиграл губернаторские выборы. А в июне был арестован ФСБ по обвинению в получении взятки в 100 тысяч долларов. Такие загребущие руки были у «руки Москвы».

Но это случилось лишь полгода спустя. Пока же Севрюгин был ещё на коне и с усердием, достойным лучшего применения, вставлял нам палки в колёса. Никогда не забуду, как на 850-летие города в Тулу приехал генерал Лебедь, бывший депутат. Как секретарь Совбеза, Александр Иванович должен был стоять на трибуне вместе с губернатором и прочими тульскими шишками. Пробираясь сквозь толпу, генерал узрел Коржакова.

- Александр Васильевич, ты чего здесь? Пошли на трибуну.

- Да неудобно, - попытался отказаться шеф.

- Брось. Очень даже удобно.

Когда Севрюгин увидел Коржакова, поднимающегося наверх, он разом переменился в лице. Пулей сбежал с трибуны. Народ воспринял перемену «вождей» восторженно.

- Так его! - раздались крики. - Правильно! Гони воров!

Помощь Лебедя трудно переоценить. В тяжёлые для нас минуты он поддержал Александра Васильевича, обратился к избирателям с призывом проголосовать за генерала Коржакова.

Это вызвало самый настоящий приступ ненависти в Кремле. До ушей президента информацию донесли, как всегда исказив с точностью до наоборот. Ельцин взбеленился.

- Как тот, понимашь, так и этот... Два генерала, - злобно заявил он перед телекамерами, а вскоре и вовсе отправил Александра Ивановича в отставку...

- Александр Васильевич, у тебя мешка нет? - спросил как-то Лебедь у Коржакова, когда мы все находились в одном из предвыборных штабов, в гостинице «Волга».

- Зачем? - не понял шеф.

- Щас набьём бумагой, я на плечо взвалю, выйду на улицу. А на следующий день все газеты напишут, что Коржаков платит Лебедю за поддержку... Не им одним коробки с долларами таскать...

Бывший командующий, как всегда, зрил в корень. Накал страстей достиг своего апогея. По указке опытных дирижёров многие газеты и большинство телеканалов раздували ненависть к Коржакову. Из нафталина доставали уценённые слухи многолетней давности.

Наши противники не понимали, что чем сильнее они будут поливать шефа, тем большую популярность ему создадут. Логика в провинции одна: если власть человека не любит, значит, человек этот достойный.

Все их попытки очернить Коржакова терпели фиаско. Например, история с уничтожением оперативных материалов СБП.

Савостьянов, став заместителем Чубайса по президентской администрации, написал заявление в прокуратуру, что из СБП исчезли секретные документы и их утечка может нанести серьёзный урон национальной безопасности страны. Нас затаскали по кабинетам, но в итоге были вынуждены признать: ни Коржаков, ни кто либо из его соратников отношения к уничтожению материалов не имеют. Военная прокуратура вынесла постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Савостьянов не успокоился. Под его давлением дело было всё же возбуждено, но вскоре прекращено. Тогда генпрокуратура, опять под диктовку Савостьянова, отменила решение прокуратуры военной. В очередной раз дело приняли к производству. Продолжается оно до сих пор.

А суета вокруг коробок из-под «ксерокса»? В Кремле отлично отдавали себе отчёт: если дело будет расследоваться нормально, объективно, неизбежен финал. Коржаков окажется невинно пострадавшим - придётся признать, что доллары были, что их украли и т. д. Это ж какая реклама ему перед выборами!

Пришлось идти ва-банк. Ельцину напели, что надо-де прекратить свистопляску, не играть на руку Коржакову. Президент вызвал генерального прокурора Скуратова и перед телекамерами публично отчитал:

- Почему не раскрыто убийство Листьева? Не умеете работать - назначим другого генерального!

Показательную порку продемонстрировали по всем телеканалам. А вот того, что произошло, когда операторов попросили из кабинета выйти, никто не знает.

Ельцин сказал Скуратову примерно так: хватит рыть под мои выборы. Были доллары - не были, дело прошлое. Забудьте.

Вскоре уголовное дело было прекращено...

* * *

Наши недруги старались изо всех сил. Но это не давало желаемого эффекта. Популярность Коржакова росла с каждым днём. Тогда они решились на совершенно беспрецедентную операцию.

Одним из соперников шефа был Эдуард Пащенко, депутат Госдумы прежнего созыва и глава местных демократов. Московские СМИ принялись раскручивать Пащенко со страшной силой. Он, в частности, заявил, что Коржаков подкупает избирателей, дарит ветеранам новогодние подарки. О «безобразном» поведении «охранника» газеты и телеканалы рассказывали целую неделю.

Правда, потом выяснилось, что подарки раздавал не Коржаков, а региональное отделение «афганцев», его поддерживающих. И никакого сговора тут нет - «афганцы» действовали по собственной инициативе.

Сначала мы воспринимали искусственную раскрутку Пащенко как само собой разумеющееся. Нормально - основному конкуренту поднимают рейтинг. Но спустя некоторое время выяснилось, что комбинация была более хитрой и многоходовой.

Из кругов, близких к бывшему «предвыборному штабу президента», просочилась информация, что одной из столичных преступных группировок сделали заказ на убийство Пащенко. План поистине иезуитский. Машина Пащенко должна быть взорвана.

Раскрученный к тому моменту кандидат погиб бы. А все обвинения в совершении преступления посыпались бы на Коржакова. Кому, как не ему, была выгодна гибель конкурента, человека в Туле уважаемого?

На наше счастье, сработал авторитет Службы. Скорее всего,

потенциальные исполнители решили, что с Коржаковым связываться - себе дороже.

Тем не менее поручиться за дальнейшую безопасность Пащенко мы не могли. Отморозков вокруг хватает. Что не сделает один - сделает другой. Мы приставили к Пащенко негласную охрану из бывших сотрудников СБП. Кандидат и не догадывался, что за ним везде и всюду неотступно следуют крепкие парни из президентской охраны. Вот она - ирония судьбы.

На какие только ухищрения не шли наши «друзья». По заданию ФСО ФСБ прослушивала телефоны Коржакова. На «кнопку» были поставлены его дачный номер, телефоны в штабе, в гостинице «Волга». Да и мои тоже. (Был даже такой показательный случай. Из дому я договорился о встрече с одним журналистом, которая должна была состояться в ирландском баре «Шамрок» на Новоарбатском проспекте. Ровно через 5 минут после разговора в кабинете главного редактора этого издания раздался звонок: «Скажи, а зачем твой N пошёл на встречу со Стрелецким в «Шамрок»? Ни к чему это...») Перечислять сейчас все подобные примеры и казусы не хочу - придётся писать ещё одну книгу.

Так или иначе мы победили. 9 февраля 1997 г. Коржаков выиграл выборы по 176-му Тульскому избирательному округу. Он набрал 26,32% голосов. «Демократ» Пащенко - только 16,96%. Если учесть, что от округа баллотировалось множество кандидатов, в том числе чемпион мира по шахматам Карпов и жена своего мужа Елена Мавроди, результат серьёзный.

Александр Коржаков вернулся в политику. Уверен, депутатское кресло не последнее его достижение. Тульские выборы наглядно показали: сегодняшняя власть совершенно бездарна. Она не может ничего. И остановить генерала Коржакова - тоже.

Что же говорить о позорной чеченской кампании, об экономическом крахе, о коррупции и воровстве? Эти люди ничего не умеют. Только - болтать языком.

Послесловие

В декабре 1996 г. мне позвонил начальник Управления кадров Федеральной службы охраны Кузнецов.

- Вас приглашает руководитель ФСО генерал Крапивин, сказал он.

Раз зовут, надо идти. В назначенный день я был в Кремле. Вспомнилось, как пришёл сюда в первый раз, два с половиной года назад. Тогда по наивности я взял с собой табельный пистолет (никогда с ним не расставался), и меня не пустили внутрь. Пришлось идти в отдел милиции по охране Красной площади, оставлять оружие у дежурного.

Шеф ФСО Крапивин уже ждал меня в кабинете. Рядом сидел директор ФСБ Ковалев. Мы поздоровались. И... наступила тишина. Никто из руководителей не решался завести разговор первым. Наконец Крапивин отважился.

- Валерий Андреевич, Мосгорпрокуратура просит, чтобы вы дали ответ, как была сделана запись переговоров Чубайса и Илюшина. Это очень надо.

Мне смешно, но вида не подаю. Спокойно отвечаю:

- Насколько мне известно, дело передано из Московской прокуратуры в Генеральную. И Коржаков, и я дали уже все пояснения.

- Да... - замялся Крапивин - Ну, раз Александр Васильевич в курсе, вопрос тогда снимается.

На помощь коллеге поспешил главный чекист страны.

- Валерий Андреевич, я пришёл на эту встречу, потому что меня очень беспокоит то противостояние, которое разворачивается сейчас в прессе. Хотелось бы обсудить с вами, как положить этому конец. Не подумайте только, что я говорю с чьих-то слов. Это моя личная позиция.

Ковалеву было неудобно произносить все эти слова. Он понимал, что его уловки на меня не действуют. Просто ему велели уговорить меня замолчать, не болтать языком.

- Николай Дмитриевич, но вы же знаете, что не мы начали эту войну. Нас загнали в угол, вылили столько грязи и помоев, что другого выхода не осталось. Поэтому мы защищали и будем защищать своё доброе имя. Генералы притихли. Возразить им было нечего...

Разумеется, многие дали бы дорого за то, чтобы мы перестали говорить. ОНИ боялись нас, когда СБП жила, ОНИ не перестали бояться нас, когда СБП разогнали.

ОНИ - это коррупционеры всех мастей и цветов. Что такое, вообще, коррупция? Старуха с клюкой? Трёхголовая гидра? Чудовище наподобие минотавра?

Регулярно, с завидным постоянством, президент и премьер стращают нас коррупцией. Каждый раз звучит одно и то же: мы поведём борьбу с этой самой коррупцией не на жизнь, а на смерть.

И что? Да ничего. Всё уходит в песок. Хотя и в ФСБ, и в МВД, и в генпрокуратуре имеется достаточно материалов, по которым можно привлекать к уголовной ответственности министров, генералов и других чиновников разных мастей без лишних разговоров.

Проблема не только в том, что никто не хочет бороться с коррупцией. Вопрос гораздо сложнее.

Государство должно заботиться и защищать интересы всех слоёв общества - это аксиома. Между тем в нынешней России власть служит лишь одному слою - денежным мешкам, а если говорить точнее - она просто им продалась.

Крупный капитал, словно пиявка, присосался к государству. Все смешалось, как в доме Облонских, - не поймёшь, где чиновник, где банкир. Вчера ещё был министром. Сегодня уже вице-президент какой-нибудь корпорации, и наоборот.

Богатство не свалилось на «новых русских» с неба. Все российские нувориши сколотили себе состояние за счёт бюджетных денег. Именно после победы «демократии», когда предприимчивые дельцы принялись растаскивать лакомый пирог госсобственности, и начался процесс криминализации власти. Подкуп чиновников стал таким же обыденным делом, как мытьё посуды и стирка белья.

Единственной службой, которая попыталась стать на пути всепоглощающей коррупционной экспансии, была СБП. Ни в коей мере не хочу принизить достоинства коллег из других служб. Просто у нас было особое положение: Коржаков подчинялся напрямую президенту, а сломать Александра Васильевича было трудно.

Да, мы совершали много ошибок. Да, не всё у нас получалось гладко. Однако не забывайте: СБП как самостоятельное ведомство появилась только в 1993 г. А уже через несколько лет о Службе заговорили. Кто-то - с уважением. Кто-то - с нескрываемым страхом. Кто-то - с ненавистью.

Потому-то и было сделано все возможное, чтобы уничтожить нас. Кампания в СМИ против Коржакова и Службы. Вал обвинений. Поток лжи и клеветы.

Спору нет, ОНИ добились своего: мы ушли. Отныне никто больше не в силах остановить жадных до денег и власти новых реформаторов, старых партократов, серых бюрократов.

Но глупо думать, будто народ не видит, что творится. Шила в мешке не утаишь.

То, что происходит сейчас в стране, иначе как царством тьмы и невежества в экономике, политике, науке и культуре назвать нельзя. Одним словом - мракобесие...

Я искренне благодарен вам, мои читатели, за то, что вы дочитали эту книгу до конца. И если вы начали смотреть на «звёзд» политического небосклона другими глазами, значит, корпел я над ней не зря.

Оглавление

Мракобесие....1
Предисловие....2
Не боги горшки обжигают....4
Первое дело-1: Геннадий Петелин....8
Первое дело-2: Геннадий Петелин....13
Академики ниоткуда....17
«Золотой» кошель....20
Вечный и. о....24
Целинник Заверюха....31
Бриллиантовая «Нога»....34
Часы для премьера....38
Высокоростный Большаков....42
Владимир Бабичев: взятки гладки....45
Гад президента....50
Золотая молодёжь....56
Гусиная охота....59
Киллер Солоник - агент иностранных спецслужб?....65
Великая алюминиевая война....70
Тайна железного сейфа....75

Клубок змей-1....79
Клубок змей-2 (Шумейко)....82
Клубок змей-3 (Панкратов, Солдатов)....86
Илюшин в щупальцах «Спрута»....92
Государственный рэкет-1....98
Государственный рэкет-2....103
Государственный рэкет-3....109
Последняя ночь-1....115
Последняя ночь-2....120
Последняя ночь-3....132
Тульская битва....135
Послесловие....139